

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Серия научных изданий и справочников, посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

Русская цивилизация: история и идеология

Слово и дело национальной России

Экономика русской цивилизации

Экономическое учение славянофилов

Денежная держава антихриста

Энциклопедия Черной сотни

История русского народа в XX веке

Стратегия восточных территорий

Мировоззрение славянофилов

Биосфера и кризис цивилизации

Начальная история русской цивилизации

Третий Рим против нового мирового порядка

Энциклопедия славянофилов

Русские монастыри и храмы

Русские святые и подвижники Православия

Государственно-правовой идеал славянофилов

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

**ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВОЙ ИДЕАЛ
СЛАВЯНОФИЛОВ**

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2010

Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов. Отв. ред. О. Платонов. М., Институт русской цивилизации, 2010. – 224 с.

Книга посвящена мало изученной проблеме – государственно-правовому наследию славянофилов. Автор рассматривает государственно-правовой идеал славянофилов в контексте их православного мировоззрения. В работе обосновываются глубокие духовные основания русской государственной власти, рассматриваются ее исторические идеалы – самодержавие как служение народу, права в их внутреннем, нравственном понимании, не совпадающем с формальным законом.

ISBN 978-5-902725-59-6

© Васильев А. А., 2010.

© Институт русской цивилизации, 2010.

ВВЕДЕНИЕ

Представленный читателю труд посвящен государственно-правовому идеалу славянофилов – народному самодержавию и внутренней правде. Потребность в такой работе, с одной стороны, обусловлена отсутствием специальных исследований о государственно-правовом учении славянофилов, а с другой стороны, продиктована попыткой возродить с помощью славянофильской философии непреходящие духовные идеалы русского народа. При этом автор стремился избежать банальных оценок славянофилов (от реакционеров, защитников дворянских интересов до либералов или даже анархистов), заведомо не способных охватить их творческое наследие во всей полноте и богатстве.

Для начала следует упомянуть ряд работ, раскрывающих политические взгляды славянофильского течения. Основоположник российского национал-большевизма Н. В. Устрялов в работе «Политическая доктрина славянофилов (самодержавие в постановке славянофилов)», Д. А. Хомяков (сын А. С. Хомякова) в брошюре «Самодержавие» и М. А. Широкова в диссертации «Политическая доктрина славянофилов» раскрыли отдельные стороны учения славянофилов о государстве и самодер-

жавии*. Однако в указанных исследованиях взгляды на возникновение и сущность государства, как и воззрения о самодержавном идеале государства для России, об отношениях «земли» и «государства» рассматриваются вне их православного учения о цельности духа и соборности, а также вне исторических условий борьбы с западниками. Еще меньшее внимание уделено учению славянофилов о праве, о соотношении правды, православной нравственности и права, о сущности и значении права в русской культуре, а также роли обычного права в истории русского права.

В силу отмеченных обстоятельств исходным моментом в настоящей работе явилось изучение государственно-правовых взглядов славянофилов с учетом религиозно-нравственной философии и исторических условий их творчества. Творчество славянофилов позволяет раскрыть внутренние, скрытые для критического разума, силы русской государственности и правовой культуры. Низкий уровень политической активности, откровенный провал «демократических реформ» в современной России, недоверие к власти, чиновнику, силе закона и одновременно с этим трепет, благоговение и невиданное доверие к персоне главы государства невозможно объяснить западноевропейскими теориями и ссылками на язвы, доставшиеся нам от советского общества: коллективизм, подавление свободы личности, тоталитаризм и прочее. А истина оказывается ближе, проще. При этом именно славянофилы более полутора веков назад блестяще выразили национальное своеобразие русского государства и права, что должно послужить отрицанию ложного тези-

---

* Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофилов. Харбин, 1925; Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. — Монреаль: Изд. Братства преп. Иова Почаевского, 1982.

са о низкой правовой культуре России и восстановлению духовных традиций русской культуры и правосознания.

Работа опирается на исторический метод исследования, позволяющий вскрыть корни и дух славянофильства. При этом автором за основу взят духовно-культурологический подход, предоставляющий возможность увидеть духовные основания государственно-правового наследия славянофилов.

Поскольку взгляды представителей славянофильства на государство и право неразрывно связаны с их православым мировоззрением и обоснованием русской идеи, автор предваряет данное исследование историей становления славянофильства и его философской концепцией. В дальнейшем автор подробно останавливается на учении славянофилов о власти, идеальной форме государства (самодержавии), а также на взаимоотношениях церкви, общества и государства. Особое внимание при этом уделяется учению славянофилов о внутренней и внешней правде, а также роли обычая как источника права.

Для изучения мировоззрения и государственно-правовых взглядов славянофилов в работе использовались первоисточники – труды родоначальников славянофильства: А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. и И. С. Аксаковых, Ю. Ф. Самарина и А. И. Кошелева. При этом автор старался наиболее адекватно и аутентично излагать взгляды славянофилов, не привнося в них ничего нового и субъективного.

В работе использованы источники и материалы, подготовленные Институтом русской цивилизации в 2005–2009 годах. Коллектив авторов-составителей (ответственный редактор О. А. Платонов) осуществил научную подготовку и выход в свет основных произведений славянофилов и их последователей (значительная

часть этих трудов не выходила с 1917 г.): И. В. Кириевского, А. С. Хомякова, И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, В. Ф. Гильфердинга, а также Н. Я. Данилевского, Н. П. Гилярова-Платонова, Т. И. Филиппова и др. Заметным вкладом в исследование учения славянофилов стала подготовленная Институтом русской цивилизации историческая энциклопедия «Славянофилы» (М., 2009), включающая, помимо биографии славянофилов и изложения их учения, самую подробную на настоящее время библиографию с указанием как собственных произведений славянофилов, так и написанных о них книг и статей.

Особую группу источников составляют труды по истории и философии славянофильского кружка, в том числе работы В. В. Зеньковского, отца Георгия Флоровского, Н. О. Лосского, Т. И. Благовой, Н. А. Бердяева, Н. И. Цимбаева, А. И. Иванова, А. Д. Каплина, С. В. Перевезенцева и других.

К сожалению, не многочислен круг произведений, специально посвященных государственным и правовым взглядам славянофилов – Н. В. Устрялова, Н. Н. Алексева, М. А. Широковой, А. М. Величко, В. В. Мазурова, И. А. Исаева, Н. М. Золотухиной.

Вслед за И. С. Аксаковым, который призывал вернуться русской душе домой – на Родину, в Россию: из европейского Петербурга – в русскую Москву, в нашем исследовании предпринимается попытка взглянуть на государство и право действительно по-русски: с точки зрения православной веры, основанной на духовной и соборной связи (любви) людей в отличие от западного формализма, убеждения в господстве безбожного индивидуализма, закона и полицейских мер как единственных способов удержания конформистского и маргинального поведения европейцев

в рамках минимального добра*. Естественно, что при этом трудно избежать сопоставления учения славянофилов с философией западников о государстве и праве. Отчасти можно согласиться с мнением А. Герцена о том, что в русском сердце борются два начала – самобытное русское и привнесенное западное**. Но главное в другом – в возрождении русского духа, нравственного стремления к высшей правде, в вере в Бога и в любви к людям. Запад в таком случае – искушение, путь греха, который должна была пройти Россия, чтобы воскреснуть к духовной жизни и открыть ее врата всему человечеству. Вот почему до сих пор так насущны идеи славянофилов. Время «славянофильствует» и снова ставит вечный вопрос: каков путь России в истории? Славянофилы нашли путь и прошли его своей целью, страдающей за Россию жизнью. Пора и потомкам сделать свободный нравственный выбор...

При чтении трудов славянофилов возникает ощущение, что они – наши современники и их слова относятся к России нового третьего тысячелетия. Абсолютно точно отражает современную Россию сравнение Ивана Сергеевича Аксакова: «Представьте себе, читатель, громадную, тяжело нагруженную колымагу, медленно движимую по грязной, топкой дороге шестериком здоровых, крепких, но несколько ленивых коней и тройкой выносных или передовых, на одной из которых усердно беспокоится бойкий форейтор. Колымага то и дело вязнет в глубоких колеях, колеса упираются в рытвины или наворачивают на шины целые пуды грязи; лошади, ощупью отыскивая твердой опоры для копыта, беспрестанно оступаются и проваливаются. Пришлось, наконец, подниматься на гору,

* Аксаков И.С. Отчего так нелегко на Руси живет. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2002.

** Герцен А.И. Былое и думы. М., 1982.

за которой, по рассказам, дорога становится лучше. Чтобы одолеть этот подъем, нужно бы дружным усилием всех девяти коней подхватить и вывезти колымагу, но не тут-то было! Беспокойный фореитор, приударив своих лошадей не вовремя, так натянул построжки, что они лопнули; колымага с шестериком засела в трясине, на самом взлобе дороги, а фореитор со своими выносными конями ускакал вперед! И скачет фореитор, не оглядываясь, все вперед да вперед; скачет, не слыша отчаянных криков кучера увязнувшей колымаги, не разбирая дороги, – целиком, по полям и нивам, чрез ручьи и овраги, не заботясь об экипаже да и не соображая, что во всяком случае грузный экипаж так скоро мчаться не может; скачет, предовольный собой и своей быстрой ездой, и в пылу погони за блудящими огоньками воображает, что везет колымагу к настоящему путеводному свету!... Эта тяжело нагруженная колымага с шестерней добрых коней не наша ли земля с ее материальными и духовными богатствами, не народ ли, оставшийся позади, без средств к просвещению и внешнему преуспеянию, народ, от которого оторвались верхние слои общества?.. Этот фореитор, так шибко скачущий, потому что не тащит за собой никакого груза, не мы ли, так называемое образованное общество, мчащееся во весь опор верхом на цивилизации, подгоняющее ее татарской нагайкой работы немецкого мастера, скачущее к прогрессу не столбовой дорогой, а какими-то особыми кривыми путями, вне всяких исторических, жизненных условий? Эти блудящие огоньки не те ли «идеи века», за которыми так безоговорочно гоняются наши прогрессисты? Им нет дела до содержания идеи! Им достаточно того, что по справке, она оказывается европейской, современной, и в названии «идеи века» они видят высшую, безусловную похвалу! Они забывают, что не одни идеи Гизо, но и идеи Прудона – также идеи века,

что такое качество ничего не определяет, а потому и такое выражение ничто более, как пустая бессмысленная фраза! Но фраза-то нас губит!»*.

Так современная политическая элита России увлеченно мчится вперед с либеральной идеей естественных прав личности, демократией и правовой государственностью, не замечая духовных и национальных традиций России. Конституционные положения ст.1, 2, 3, 17 выражают западные государственно-правовые идеалы. Прав Р. В. Насыров, который замечает: «Если принять во внимание, что идеология либерализма (как в предыдущий, советский, период – идеология социализма) имеет иноземное происхождение и при этом закрепляется в законодательстве в качестве официальной, то тем самым отрицается само право России воплотить собственный исторический опыт в иных законодательных формулировках»**.

Славянофилы полагали ложным для России западный путь развития на началах рационализма, материального прогресса, господства закона и республиканской государственности. Российской альтернативой западным государственно-правовым институтам они считали православное и народное самодержавие, соборное единство общества и внутреннюю правду – духовно-нравственные начала православия.

---

* Аксаков И.С. Русский прогресс и русская действительность.//Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 133 – 135.

** Насыров Р.В. Христианская трактовка сущности государства (в аспекте соотношения светской и духовной властей)// Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма. Межвузовский сборник статей /Под ред. В.Я. Музюкина и В.В. Сорокина. – Барнаул. 2009, с. 108.

ГЛАВА 1. РУССКАЯ ИДЕЯ СЛАВЯНОФИЛОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ДУХОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1.1. Славянофильство: сущность, корни и этапы формирования

История призывает Россию стать впереди всемирного просвещения; она дает ей на это право за всесторонность и полноту ее начал, а право, данное историею народу, есть обязанность, налагаемая на каждого из его членов.

А. С. Хомяков

Возникновение славянофильского движения обусловлено природно-географическим и духовно-нравственным положением России на Евразийском континенте – тесным и открытым ее столкновением с западной и азиатскими культурами. Прав о. Георгий Флоровский, писавший: «Восток и Запад, Россия и Европа – за этой конкретной, фактической, историко-географической

противоположностью для романтического сознания идеалистов сороковых годов стояла другая, дававшая ей содержание, принципиальная антитеза – антитеза принуждающей власти и творческой свободы. В процессе систематического углубления и эта антитеза была сведена к еще более первичной – антитезе разума и любви*. Оплотом разума для славянофилов стал Запад, а средоточием любви – Россия.

Славянофилы представляют первое в истории России оглашение, обнародование традиционных черт национального характера. До славянофилов долгое время русский народ и его духовные подвижники (Иларион, Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, о. Сергей Радонежский, Д. Донской, М. Грек, старцы Оптиной пустыни и др.) находились в «невегласии», воплощая в жизни вековечные начала веры и духовного подвига жизни во Христе. Вера и соборная жизнь без раздумий и сомнений находила отклик в душах русских людей.

Национальное сознание пробуждается лишь в переломные эпохи, когда речь заходит об угрозе традиционным началам страны. Остро почувствовала Россия гибельность западного католического христианства во времена Александра Невского, когда крестоносцы предприняли поход на Северную Русь. Как отмечают отечественные историки-евразийцы (Г. В. Вернадский и Л. Н. Гумилев), в том случае, если бы Александр Невский не остановил продвижение немецких рыцарей, Россию бы ожидала агрессивная латинизация жизни и захват российской территории с целью материального разграбления. Татаро-монгольское иго, пав материальным и нравственным ярмом на русский народ, не привело к уничтожению

---

* Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. – М.: «Аграф», 1998, с. 37.

православного христианства и русской культуры*. В результате в российском менталитете сложилось нигде более не встречающееся в мировой мысли противопоставление двух начал – европейского и российского. Постоянная угроза со стороны Европы порождала в русской душе вопрос о самоидентификации, самоопределении русского народа в мировой истории**. Первые мысли об этом были высказаны еще митрополитом Илларионом, выступавшим с идеей о богоизбранности русского народа, а впоследствии – летописцем Нестором в «Повести временных лет»: «откуда есть пошла земля Русская»***.

Предтечами славянофилов можно считать А. Ртищеву, Ф. М. Ртищеву, Е. Славинецкого, Ю. Крижанича, братьев И. и С. Лихудов, которые еще в XVII в. (во времена правления первых царей династии Романовых) в эпоху проникновения западных ценностей в русскую жизнь выступали за сохранение русской православной культуры. Тогда, после смутного времени, Россия предстала перед Западной Европой в качестве грозного и сильного соседа. Близость и взаимодействие с Западным миром естественно побуждали мысли об осознании русского своеобразия и о возможности заимствования чужих достижений. Сторонники греческого направления стремились сохранить традиционный уклад российской жизни, тогда как представители латинства (С. Полоцкий, С. Медведев, А. Матвеев, А. Ордын-Нащокин и др.) настаивали на сотрудничестве с Европой, на развитии науки, просвещения и

* Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Алгоритм, 2008, с. 83 – 93.; Гумилев Л.Н. От Руси до России. – М.: Наука, 2003. С. 156 – 159.

** Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли.–М.: Юрид. Лит., 1985. 200 с.

*** Первые книги Святой Руси. – М.: «Дарь», 2005, с. 3 – 50.

светских порядков*. Н. А. Бердяев писал по поводу раскола русского мировоззрения на два лагеря – славянофилов и западников: «В Москве существовала немецкая слобода, и немецкое вторжение в Россию началось до Петра. Русская торговля и промышленность были захвачены иностранцами, вначале особенно англичанами и голландцами. Уже в допетровской России были люди, выходящие из тоталитарного строя Московского царства. Таков отщепенец кн. Хворостинин, и таков денационализировавшийся В. Котошихин. А. Ордын-Нащекин был предшественник Петра. Предшественником же славянофилов был хорват Ю. Крижанич»**.

Некоторые авторы рождение славянофильства связывают с Иваном Пересветовым и Юрием Крижаничем. Так, по мнению В. Е. Вальденбрега, появление славянофильской идеи (в смысле славянского союза) ведет к Крижаничу, а В. В. Мазуров считает родоначальником славянофильства Ивана Пересветова***.

В XVIII в. в России восторжествовал латинский путь исторического развития – заимствование и внедрение в общественную жизнь западной науки, техники, языка, философии, создание государства как регулярной, милитаристской организации, управляющей с помощью формализованных процедур и юридических актов. Засилье западных начал привело к тому, что высшее общество дворян, оторвавшись от родных корней и общаясь лишь по-французски и по-немецки, стало забывать свой родной язык. Сквозь пелену западного образа жизни выс-

---

* Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л. История политической и правовой мысли России. – М.: Гуманит. Издат. Центр ВЛАДОС, 1999, с. 35.

** Бердяев Н.А. Русская идея. М.: АСТ, 2007, с. 19.

*** Мазуров В.В. Имперская идея в государственно-правовых учениях России. – Ростов-на-Дону. 2008, с. 15.

ших сословий пробивались ростки народного самосознания: среди первых ученых и писателей от народа имена М. Ломоносова, Н. Карамзина*. Не случайно видный славянофил К. С. Аксаков связывал корни славянофильства с М. В. Ломоносовым и Н. М. Карамзиным. М. В. Ломоносов несмотря на европейское образование защищал особый путь русской истории и ожидал появления в России «своих» Платонов и Ньютонов**. Н. М. Карамзин, открывший России в своих «Записках русского путешественника» новый, удивительный и соблазнительный европейский мир, тем не менее оставался ярким сторонником охранительных начал в русской культуре – православия и самодержавия***.

Переломным стал девятнадцатый век. Крушение революционных преобразований во Франции, поражение Наполеона в европейской войне, духовная смута Запада, открытая русским солдатом, прошедшим путь по всей Европе до Парижа, стали катализатором формирования оригинальной русской философской и общественной мысли. Историк В. О. Ключевский писал: «События этих лет неодинаково подействовали на общество и на правительство: в первом они вызвали необычайное политическое и нравственное возбуждение; общество непривычно оживилось, приподнятое великими событиями, в которых ему пришлось принять такое деятельное участие. Это возбуждение долго не могло улечься и по возвращении армии из-за границы»****. Русский народ, включая выс-

* Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли X – XVIII века. – М.: Издательство Зерцало, 2003, с. 238 – 248.

** Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Москва – Ленинград: Наука, 1952, с. 4 – 73.

*** Эйдельман Н.Я. Последний летописец. – М.: Книга, 1983, 176 с.

**** Ключевский В.О. Русская история. – М.: Эксмо, 2008, с. 860 – 861.

шие слои общества, ощутил свое превосходство духом над французской армией и в то же время увидел материальные и технические успехи Запада.

Отец В. В. Зеньковский по поводу предпосылок развития философской мысли в первой половине XIX века в своей истории русской философии указывает: «Война 1812 г., получившая название «Освободительной», дала огромный толчок развитию идейной и общественной жизни в России. Огромное количество русских людей непосредственно прикоснулись – в движении русской армии на запад – к европейской жизни, и это живое знакомство с Зап. Европой гораздо сильнее повлияло на русскую душу, чем то увлечение Западом, какое проявилось в XVIII в. Ощущение русской политической мощи не только подымало чувство собственного достоинства, но и ставило остро вопрос о внесении в русскую жизнь всего, чем политически Запад импонировал русским людям... Вместе с тем с новой силой вспыхивает тема русской «самобытности» – уже не во имя возврата к старой русской жизни, как это часто бывает в XVIII веке, а во имя раскрытия «русской идеи», «русских начал», донныне лежавших скрыто в глубинах русского народного духа»*.

Появление славянофилов и западников в 30-50-ые гг. XIX в. явилось следствием европеизации русской жизни и обмирщения общества, питающим культ рациональной философии материального благополучия. Долгие муки внутренней работы русского духа выплеснулись в ярком и искрометном творчестве славянофилов. Н. А. Бердяев справедливо отмечает: «Славянофильство – первая попытка нашего самосознания, первая самостоятельная у нас идеология. Тысячелетие продолжалось русское бытие,

---

* Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001, с. 129.

но русское самосознание начинается с того лишь времени, когда Иван Киреевский и Алексей Хомяков с дерзновением поставили вопрос о том, что такое Россия, в чем ее сущность, ее призвание и место в мире. . . До славянофилов, до Чаадаева в России было лишь поверхностное, наносное, не выстраданное западничество русского барства и полуварварского просветительства да официально-казенный национализм – скорее практики власти, чем идеология»*.

Ранее, до славянофилов, в России господствовали учения философов-просветителей (Руссо, Монтескье, Вольтер, Дидро), к которым особое уважение питала Екатерина II; впоследствии их место заняли мистицизм и немецкая рационалистическая философия (И. Кант, Гегель, Фейербах). Все эти течения сближало отрицание религии и культ разума. Масонство, проникшее в жизнь российских дворян и государственных чиновников вплоть до императора, заменило веру в Бога верой в Человека как создателя и господина мира**.

Но не только свободомыслие и масонство как области духа вызвали к жизни славянофильство. Среди главных причин – насаждение Петром I и его последователями в жизни общества и в духовной сфере европейских порядков. Как известно, Петром был ликвидирован пост патриарха русской православной церкви, а сама церковь превратилась в государственный департамент – Синод; произошла секуляризация земель и общественного сознания бюрократического аппарата***.

* Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Алексей Степанович Хомяков. – М.: АСТ, 2007, с. 229 – 230.

** Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Издательская группа Прогресс, 1994, с. 14 – 17.

*** Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – М.: ООО Форма СТД, 2005, с. 567 – 575.

Резкое неприятие православия Петром и его симпатии к протестантству не случайно снискали ему в народе прозвище «Антихрист»*. Удивительно верно отечественный скульптор в памятнике Петру отразил слепоту императора в отношении родной страны – глаза императора закрыты.

В начале XIX века в России намечается раскол интеллигенции на славянофилов и западников. Первоначально спор о самобытности России выражался в литературных дискуссиях о пользе и вреде обогащения русского языка новыми словами. Группа литераторов во главе с Н. М. Карамзиным предлагала насытить русский язык новыми словами, в том числе иностранного происхождения. Другие писатели, под началом А. С. Шишкова, выступали за сохранение традиционного русского языка**.

После Отечественной войны 1812 г. в Москве стали появляться литературные салоны и кружки, здесь же в 1823 г. образовалось «Общество любителей». В его состав входили кн. В. Ф. Одоевский (председатель), Д. В. Веневитинов (секретарь), И. В. Киреевский, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, А. И. Кошелев и другие. Большинство из членов общества работало в Архиве Министерства Иностранных Дел, за что и получило от А. С. Пушкина прозвание «архивны юноши»***. В среде любителей царил дух немецкой рационалистической философии. Однако утрата религиозных основ и обожествление разума ущемляли цельность духа и остро отзывались в душах молодых любителей.

---

* Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: Римис, 2005, с. 397.

** Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001, с. 130.

*** Благова Т.И. Родоначальники славянофильства: А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. – М.: Высшая школа, 1995, с. 96 – 97.

Именно В. Ф. Одоевский впервые выразил необходимость восстановления цельности духа. Ему же приписывают слова о том, что «России принадлежит XIX век». Д. В. Веневитинов, по словам о. В. В. Зеньковского, «настойчиво выдвигал мысль о необходимости построения самостоятельной русской философии. Отрицательно относясь к слепому подражанию Западу, он готов был на какое-то время прервать отношения с Западом, чтобы найти собственный национальный путь: «Россия найдет свое основание, свой залог самобытности и своей нравственной свободы в философии»*.

Кружок Любомудров прекратил свое существование после восстания декабристов 14 декабря 1825 г., подготовив тем не менее основу для славянофильского движения. Из кружка вышли славянофилы И. В. Киреевский и А. И. Кошелев. Долгое время дружеские отношения сохраняли В. Ф. Одоевский, Д. В. Веневитинов и А. С. Хомяков.

По меткому выражению Н. А. Бердяева, обезьянничанье (подражание и заигрывание перед Западом) впервые прервалось в философии славянофилов, когда, опираясь на русскую почву, они построили свои взгляды на фундаменте православной веры. Верно и поныне то отношение к России, которое А. С. Хомяков уловил со стороны европейцев: «Домосед расспрашивает о содержании любопытной книги, и выходит на поверку, что лорд нас отделал так, как бы желал отделать ирландских крестьян; что маркиз поступает с нами, как его предки с вилланами; что книгопродавец обращается с нами хуже, чем с сочинителями, у которых он покупает рукописи; а доктор нас уничтожает пуще, чем своих больных... Недоброжелательность к нам других

* Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001, с. 133.

народов, очевидно, основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и на невольной досаде перед этою самостоятельную силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов»*.

На наш взгляд, становление философии славянофилов было естественным и закономерным как ответная реакция русского общества на искоренение традиционных национальных особенностей России реформами Петра I и его последователей. Долгое время терпение народа, его христианская смиренность переносили европеизацию русской жизни. Но когда появилась угроза гибели русской цивилизации под влиянием европейского рационального переустройства общества на светских, республиканских, парламентских началах и свободах, тогда на первый план вышли русские национальные поэты (Пушкин, Жуковский, Державин), историки (Татищев, Щербатов, Ломоносов, Карамзин), философы (Хомяков, Киреевские, Аксаковы, Самарин).

Любопытно, что первые ростки борьбы западных и русских начал в истории России славянофилы преимущественно связывали с постпетровским временем творчества М. В. Ломоносова и Н. М. Кармазина. Хотя в ряде работ основоположники славянофильства указывают на свою близость к учению нестяжателей в XVI в. Так, И. В. Киреевский пишет: «Один факт в нашей истории объясняет нам причину такого несчастного переворота; этот факт есть Стоглавый Собор. Как скоро ересь явилась в церкви, так раздор духа должен был отразиться и в жизни. Явились партии, более или менее уклоняющиеся от

---

* Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 549 – 551.

истины. Партия нововводительная одолела партию старины именно потому, что старина разорвана была разномыслием. Оттуда при разрушении связи духовной, внутренней явилась необходимость связи вещественной, формальной, отсюда местничество, опричнина, рабство и т.п. Оттуда искажение книг по заблуждению и невежеству и исправление их по частному разумению и произвольной критике. Оттуда перед Петром правительство в разномыслии с большинством народа, отвергаемого под названием раскольников. Оттого Петр как начальник партии в государстве образует общество в обществе и все, что за тем следует»*. Так российское общество раскололось на интеллигенцию и народ, друг друга не понимающие и не слышащие.

Подобно И. В. Киреевскому, А. С. Хомяков связывает начало раскола русской культуры на два противоположных умственных течения с проникновением европейского просвещения в Московскую Русь. В работе «По поводу Гумбольдта» родоначальник славянофильства пишет: «Борьба 1612 г. была не только борьбою государственною и политическою, но и борьбою духовною. Европеизм с его злом и добром, с его соблазнами и истиною являлся в России в образе польской партии. Салтыковы и их товарищи были представителями западной мысли. Правда, в нравственном отношении они не заслуживали уважения. Иначе и быть не могло: нравственно низкие души легче отрываются от святости народной жизни. Правда, люди желавшие изменить старину, были в то же время изменниками Отечеству, но это только была историческая случайность в их положении... но требование мысли, восстающей против стеснительного деспотизма

* Киреевский И.В. В ответ А.С. Хомякову. //Избранные статьи. – М.: Современник, 1984, с. 126.

обычаев и стихий местных, не оставалось без представителей. Худшая его сторона выражалась в таких людях, как развратный беглец и клеветник Котошихин или как Хворостинин, который говорил, что “русский люд так глуп, что с ним жить нельзя; но лучшая сторона того же требования находила сочувствие в лучших и благороднейших душах”^{*}. Победило такое направление под руководством Петра Первого.

Своеобразным реагентом, искрой, побудившей рождение славянофильства, явилась публикация «Философических писем» П. Я. Чаадаева в журнале «Телескоп» в мае 1836 г. Петр Яковлевич Чаадаев, сравнивая западное и восточное христианство, делает вывод, что принятие от Византии увядающего православия сковало и закрепило русский народ. Так, в первом письме он замечает: «Мы же замкнулись в нашем религиозном обособлении, и ничто из происходившего в Европе не достигало до нас. Нам не было никакого дела до великой мировой работы. Высокие качества, которые религия принесла в дар новым народам и которые в глазах здравого разума настолько же возвышают их над древними народами, насколько последние стояли выше готтентотов и лапландцев; эти новые силы, которыми она обогатила человеческий ум; эти нравы, которые вследствие подчинения безоружной власти сделались столь же мягкими, как раньше были грубы, – все это нас совершенно миновало. В то время, как христианский мир величественно шествовал по пути, предназначенному его божественным основателем, увлекаая за собой поколения, – мы, хотя и носили имя христиан, не двигались с места. Весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забившись в

---

^{*} Хомяков А.С. По поводу Гумбольдта.// Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 657.

свои лачуги, сложенные из бревен и соломы)* Естественно, что критика пассивности и безгласности русского народа, поправление самих православных начал не могли не вызывать резкого неприятия в среде будущих славянофилов. Поэтому, вероятно, первые произведения славянофилов были написаны как ответ Чаадаеву, а впоследствии и их противникам – западникам.

Возникновение в общественной мысли славянофильского течения, по сложившейся уже традиции, связывают с обменом статьями между А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским в 1838–1839 гг.** Алексей Степанович Хомяков в своей брошюре «О старом и новом», рассуждая об истории России в Московский период и анализируя острые парадоксы (от неправды, безграмотности и разрухи до признания господства веры и правды в жизни народа), пришел к мысли об обоснованности самобытного развития русского народа. Как современно звучат слова А. С. Хомякова: «Если ничего доброго и плодотворного не существовало в прежней жизни России, то нам приходится все черпать из жизни других народов, из собственных теорий, из примеров и трудов просвещеннейших и из стремлений современных. Мы можем приступить к делу смело, прививать чужие плоды к домашнему дичку, перепаживать землю, не таящую в себе никаких семян, и при неудачах успокаивать свою совесть мыслью, что как ни делай, хуже прежнего не сделаешь. Если же, напротив, старина Русская была сокровище неисчерпаемое всякой правды и всякого добра, то труд наш переменит

* Россия глазами русского. Чаадаев. Леонтьев. Соловьев. – СПб.: Наука, 1991, с. 31.

** В литературе о славянофилах автором мысли о рождении славянофильства с обмена статьями между А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским считается историк С.С. Дмитриев: См: Цимбаев Н.И. Славянофильство. М.: Изд-во Московского университета, 1986, с. 57 – 58.

свой характер, а все так же будет легко... Только стоит внести факт критики под архивные своды и воскресить, на просторе царства, учреждения и законы, которых трупы истлевают в забытых шкафах и сундуках»*.

В своем «Ответе А. С. Хомякову» И. В. Киреевский, признавая духовные достижения Московской Руси, все-таки призывал учитывать европейский опыт и достижения просвещения, нейтрализуя при этом их рационализм и искажение религиозной истины. В заключение своей работы И. В. Киреевский пишет: «Желать ли нам возвратить прошедшее России и можно ли возвратить его? Если правда, что сама особенность русского быта заключалась в его живом исхождении из чистого христианства и что форма этого быта упала вместе с ослаблением духа, то теперь эта мертвая форма не имела бы решительно никакой важности. Возвращать ее насильственно было бы смешно, когда бы не было вредно. Но истреблять оставшиеся формы может только тот, кто не верит, что когда-нибудь Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит ее церковь»**.

С этого диалога на страницах печати и в салонах развернулась борьба славянофилов, ратовавших за особый русский путь, и западников, предлагавших России пройти по стопам мудрого соседа в области науки и промышленности.

Вслед за А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским в защиту русских оригинальных черт, заложенных в религии, культуре, общественном и государственном устройстве, выступили К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин

---

* Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 207 – 208.

** Киреевский И.В. В ответ А.С. Хомякову. //Избранные статьи. – М.: Современник, 1984, с. 126.

и А. И. Кошелев. Характерно, что до сих пор отдельные исследователи рассматривают славянофилов как одно из направлений либерального движения в среде дворянства наряду с западниками, анархистами и революционными демократами. Так, политолог А. В. Широкова в своей диссертации пишет: «Главной целью диссертации стал комплексный анализ политической доктрины славянофильства как целостной системы политических воззрений, включающей в себя элементы консервативной, либеральной, социалистической идеологий и имеющей при этом ярко выраженную российскую специфику»*. Такие оценки ошибочны и пришли из философской мысли советского периода**. В действительности исследователи упускают из виду своеобразие славянофильства как отражения русского национального сознания, которое невозможно упростить до возникших в западной культуре социально-политических течений – либерализма, социализма, анархизма и т.п.

Именно славянофилам мы обязаны первым в истории России осознанием особого пути русского народа, формированием русской национальной идеи на основе исторического, географического и культурного своеобразия России. А. С. Хомяков так обосновывает особый путь русского народа: «При всем том перед Западом мы имеем выгоды неисчислимы. На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству Русскому, и деды не завещали

* Широкова М.А. Политическая доктрина ранних славянофилов. Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. Барнаул. 1999, с. 12. Аналогичную ошибку допускают В.А.Тонких и Ю.Л. Ярецкий, которые смешивают славянофилов с представителями либеральной мысли.

** Галактионов А.А., Никандров П.Ф. История русской философии. – Л.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961, с. 222 – 237.

внукам преданий ненависти и мщения. Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней и не проповедовала детям своих уроков неправосудия и насилия. Простота дотатарского устройства областного не чужда была истины человеческой, и закон справедливости и любви взаимной служил основанием этого быта, почти патриархального»*. Вслед за раскрытием самобытности русской истории славянофильство отстаивает необходимость возрождения Святой Руси, занимая лишь случайные открытия Запада, придавая им глубокий духовный смысл.

Не вдаваясь в споры о периодизации истории славянофильской мысли, выделим основные этапы ее развития:

1. 1838–1848 гг. – формирование философских воззрений славянофилов относительно соотношения веры и разума, учения о цельности духа и соборности, особом органическом пути России в истории. В это же время происходит сплочение славянофилов в тесном кругу единомышленников (соборе) – А. С. Хомяков, И. В. и П. В. Киреевские, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин и А. И. Кошелев. Причем к концу 50-ых гг. наметился раскол славянофилов и западников – К. С. Аксакова и В. Г. Белинского, Т. Г. Грановского и А. И. Герцена с Ю. Ф. Самаринским и А. С. Хомяковым;

2. 1848–1855 гг. – период борьбы правительства со славянофилами. И. В. и П. В. Киреевским запретили издание их работ, Ю. Самарина и И. Аксакова арестовали.

3. 1855–1861 гг. – участие славянофилов в подготовке освобождения крестьян и реформ государственного управления. К. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин предлагают проекты освобождения крестьян. В 1856 г. обрывается

---

* Хомяков А.С. О старом и новом// Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 221 – 222.

жизнь И. В. Киреевского, а в 1860 г. – А. С. Хомякова и К. С. Аксакова. Прошла пора «ранних (старших) славянофилов»

4. 1861–1875 гг. – период творчества младших (поздних) славянофилов, популяризация идей славянофильства Ю. Ф. Самариным, И. С. Аксаковым, А. И. Кошелевым, а также В. Елагиным и Чижевым*.

Среди отечественных исследователей до сих пор распространены неверные оценки философии славянофилов. Так, политологи М. А. Широкова, В. А. Тонких и Ю. Л. Ярецкий относят славянофилов к либеральному течению русской общественной мысли**. Известный исследователь славянофильства Н. И. Цимбаев категорически утверждает: «Политическая доктрина славянофильства при всем ее глубоком своеобразии может быть верно понята только в русле традиций российского либерализма. В основных, принципиальных вопросах (отношение к крепостному праву, реформистский путь решения социально-политических проблем, враждебность революции) славянофилы неотличимы от западников. Подлинный двуликий Янус»***.

Однако либерализм чужд взглядам славянофилов. Либерализм неразрывно связан с культом разума, индивидуализмом, свободой совести и буржуазным укладом хозяйственной жизни. Родоначальники славянофильства резко противились господству рассудка в познании и отдавали предпочтение цельной соборной верующей воле.

* Благова Т.И. Родоначальники славянофильства: А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. – М.: Высшая школа, 1995, с. 21 – 23.

** Широкова М.А. Указ. выше соч., с. 7.; Тонких В.А., Ярецкий Ю. Л. Указ. выше соч., с. 175.

*** Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX в.). – М.: Изд-во Московского университета, 1986, с. 120.

Все без исключения славянофилы стояли на православных позициях – свободной вере в Бога, но не отрицания Бога под прикрытием свободы совести, что характерно для Западной Европе в эпоху Возрождения, Реформации и революций. Эта свобода была свободой не от принуждения в вопросах веры, а свободой разума от веры. И. В. Киреевский по поводу соотношения веры и разума указывал: «Чем свободнее, чем искреннее верующий разум в своих естественных движениях, тем полнее и правильнее стремится он к божественной истине. Для православно-го мыслящего учение Церкви не пустое зеркало, которое каждой личности отражает ее очертание, не прокрустова постель, которая уродует живые личности по одной условной мерке, но высший идеал, к которому только может стремиться верующий разум, конечный край высшей мысли, руководительная звезда, которая горит на высоте неба и, отражаясь в сердце, освещает разуму его путь к истине... в том-то и заключается главное отличие православного мышления, что оно ищет не отдельные понятия устроить сообразно требованиям веры, но самый разум поднять выше своего обыкновенного уровня, стремится самый источник разумения, самый способ мышления возвысить до сочувственного согласия с верой»*.

По поводу либерализма И. С. Аксаков писал: «Либерал и кавалер – назовем его хоть Семен Иваныч – один из наших старых знакомых, говаривал обыкновенно: «Дали бы мне власть, я создал бы тотчас общественное мнение!» А его превосходительство либерал Иван Семеныч, также наш старинный приятель, постоянно возмущавшийся косностью, смирением и раболепством русского народа, о

---

* Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии.// Благова Т.И. Родоначальники славянофильства: А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. – М.: Высшая школа, 1995, с. 288.

котором вообще изволил отзываться с просвещенным негодованием, – его превосходительство либерал разрешал обыкновенно всякой гордиев узел общественных и административных недоумений и затруднений проектами разных законодательных мер и строгих либеральных указов. К счастью, ни тот, ни другой не достигли столь желанной ими, для пользы общества, власти... они бы принудили общество с покорностью идти к той свободе, которую они для него и за него придумали, или безмолвно и послушно выжидать, пока изготоятся ими, на их кухне, разные благополезные, благопригодные и благовременные либеральные гостинцы и сюрпризы»*.

Пытаться приклеить ярлык «либерализма» к славянофилам противно исторической правде и народной памяти. Рационализму славянофилы противопоставили цельность духа и «живознание», индивидуализму – соборность жизни духовной и в сельской общине, свободам личности – нравственный долг и обязанности перед обществом. Зачастую либеральные нотки славянофильской концепции усматривают в их борьбе за освобождение крестьян и свободу слова**. Славянофилы А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин и К. С. Аксаков действительно деятельно участвовали в подготовке проектов освобождения крестьян и в защите свободы слова. Но необходимость уничтожения крепостного права они обосновывали тем, что зависимость крестьян от помещика не исконно русское явление, а вызванное бюрократическими реформами государства. Крестьянин всегда на Руси был свободен и имел совместно с другими членами общины право на землю. Ему надо было вернуть то,

* Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 67 – 68.

** Цимбаев Н.И. Славянофильство. М.: Изд-во Московского университета. 1986, с. 103 – 135.

что у него отобрали (при Борисе Годунове). К. С. Аксаков в своей записке императору Александру II «О внутреннем положении России» 1855 г. подчеркивал безгосударственность русского народа и необходимость предоставления власти царю, а народу – внутренней правды и общественного мнения: «Сила власти царю – сила мнения народу»*. Возникает вопрос, в чем же здесь либерализм: в отказе народа от участия в государственному деле и возврате принадлежащей ему с давних времен внутренней духовной свободы и уничтожении внешней зависимости?

По поводу свободы слова достаточно процитировать рассуждения И. С. Аксакова, чтобы не смешивать славянофилов с либералами: «Свобода жизни разума и слова – такая свобода, которую по-настоящему даже смешно и странно формулировать юридически или называть правом: это такое же право, как право быть человеком, дышать воздухом, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая-либо политическая, а есть необходимое условие самого человеческого бытия; при нарушении этой свободы нельзя и требовать от человека никаких правильных отпращиваний человеческого духа, ни вменять что-либо ему в преступление; умерщвление жизни мысли и слова – самое страшнейшее из всех душегубств»**.

По политическому вопросу славянофилы и вовсе далеки от либеральных течений, приверженцы которых выступали за принятие конституций, ограничение монархии или создание республики. Славянофилы были едины в критике конституционных форм ограничения монархии и

* Перевезенцев С.В. Россия. Великая судьба. – М.: Белый город, 2006, с. 574.

** Аксаков И.С. Ошибочность взгляда, будто свобода слова несовместна с существующей у нас политической формой правления.// Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 214.

тем более негативно оценивали республиканский строй. Ю. Ф. Самарин относительно конституции высказывался следующим образом: «Что народ не может быть ни непосредственно, ни посредственно действующим лицом в какой бы то ни было конституционной форме правления – это, кажется, очевидно. Во-первых, народ не желает конституции, потому что он верит добрым намерениям самодержавного царя и не верит решительно никому из тех сословий и кружков, в пользу которых могла бы быть ограничена самодержавная власть; во-вторых, народ безграмотный, народ, разобщенный с другими сословиями, народ, реформами Петра выброшенный из колеи исторического развития, не способен, не может принять участия в движении государственных учреждений. Народной конституции у нас пока еще быть не может, а конституция не народная, то есть господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман. Довольно с нас лжепрогресса, лжепросвещения, лжекультуры; не дай нам Бог дожить до лжесвободы и лжеконституции»*.

Тем более абсурдно относить славянофильство к так называемому «либеральному дворянству», что было характерно для советской философии и государственно-правовой мысли **. Да, несомненно, славянофилы были помещиками, но их учение глубоко народно. Славянофилы любили русский народ, мужика, его образ жизни. Так, на учение А. С. Хомякова оказал влияние факт избрания его деда помещиком на крестьянской сходке. Его дальний род-

* Самарин Ю.Ф. Православие и народность / Составление, предисловие и комментарии Э.В. Захарова / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 317 – 318.

** Галактионов А.А., Никандров П.Ф. История русской философии. - Л.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961, с. 222 – 237.

ственник Кирилл Иванович Хомяков, будучи бездетным, предложил крестьянам самим избрать себе наследника из рода Хомяковых. Крестьяне выбрали прадеда Хомякова, который остался в памяти крестьян рачительным и добрым к крестьянам хозяином. Отсюда приверженность А. С. Хомякова к взгляду о собственности на землю всей общины, а также его наряд по мужицкому подобию – кафтан и мурmolка*. В целом применительно к славянофилам нельзя говорить о дворянских и помещичьих интересах. Не случайно в заслугу славянофилам ставят идею о всесословности – равенстве всех русских людей в вере.

Ошибочны и пошлы упреки в националистических идеях и панславизме в адрес славянофильства**. Вот что пишет О. Э. Лейст: «Славянофилам были присущи идеи панславизма и мессианской роли России. Порицая порядки буржуазного Запада, они утверждали, что православный русский народ – богоносец с его старинными формами общинности – избавит от «скверны капитализма» сначала славян, а затем и другие народы»***. Во многом такой подход обусловлен неудачным названием славянофилов. В буквальном значении «славянофилы» ассоциируются с людьми, питающими симпатии и любовь к славянам и всему славянскому. Отсюда рукой подать до национализма – отстаивания превосходства славян по отношению к другим народам в языке, культуре, религии и политике. Однако название в данном случае далеко от истинной сути учения А. С. Хомякова, И. В. Киреевского,

---

* Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Алексей Степанович Хомяков. – М.: АСТ, 2007, с. 254 – 255.

** См. например: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. – М.: АСТ, 2007. 506 с.

*** История политических и правовых учений. Учебник./Под ред. О.Э. Лейста. – М.: Издательство Зерцало, 2000, с. 483.

Ю. Ф. Самарина, К. С. и И. С. Аксаковых. А. С. Панарин писал о забвении и ложном понимании творчества славянофилов: «И как странен тот факт, что их попытка по достоинству до сих пор не оценена, а их подход к делу подвергся самой недобросовестной критике со стороны большей части просвещенного общества и у нас, и за рубежом. В них сразу же увидели этнографических почвенников, не только любующихся родной стариной (что в принципе не возбранялось), но и задумавших канонизировать эту этнографическую старину. Здесь, впрочем, мнения просвещенных критиков разошлись. Одни усмотрели в попытке славянофилов стремление изолировать Русь от универсалий прогресса, от передового Запада, создать из огромной страны нечто вроде этнографического заповедника. Другие увидели здесь нечто еще более крамольное: попытку возвести русскую отсталость в эталон для всего человечества, легализовать силы реакции посредством православных аргументов, снабдить российский империализм мессианскими амбициями. Все это вполне отвечало априорным установкам прогрессивного крикливого меньшинства, изначально чувствующего себя вынужденными эмигрантами в этой стране. Но как могли люди, искренне любящие свою страну и верящие в свой народ, с порога отвергнуть славянофильские поиски идентичности и призвания России – вот вопрос»*.

Само наименование «славянофилы» имеет более раннее происхождение, чем их философские взгляды. Так, Н. И. Цимбаев пишет: «Слово «славянофил» возникло в 1800–ых гг., при начале полемики о «старом» и «новом» слоге. Впервые оно встречается в переписке известного поэта И. И. Дмитриева с петербургским литератором

* Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Эксмо, 2003, с. 204.

Д. И. Языковым... Дмитриев писал 15 сентября 1804 г.: «Непременно желаю видеть продолжение ересей нашего славянофила (речь идет о А. С. Шишкове, авторе «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка»). В октябре Дмитриев, получив от Языкова экземпляр «Прибавлений», выслал в Петербург «5 рублей за славянофила». «Славянофил» – тонкая шутка, незрелая ирония, уместная в отношении писателя, который ратовал за церковнославянский язык, призывал учиться «красноречивому» смешению славянского величавого слога с простым российским^{*}. Иными словами, слово «славянофил» связывалось с сохранением древнего русского языка в его чистоте и приобретало форму иронии, насмешки.

В отношении А. С. Хомякова и И. В. Киреевского наименование «славянофилы» употребили их противники – западники, иронизируя над их идеализацией русской старины. Сами славянофилы не считали этот термин подходящим. А. И. Кошелев так объяснял дух славянофильства: «Мы вовсе не желали воскресить Древнюю Русь, вовсе не хотели, обожествляя крестьянина и его общину, всех превратить в него. Мы делали попытку найти в нем, этом крестьянине, истинно русские черты, свойственные нашему народу в целом»^{**}.

Интересен ответ А. С. Хомякова на данное ему «прозвище»: «Некоторые журналы называют нас насмешливо славянофилами, именем, составленным на иностранный лад, но которое в русском переводе значило бы славянолюбцев. Я со своей стороны готов принять это название и признаюсь охотно: люблю славян. Я не скажу, что люблю потому, что в ранней молодости, за границами Рос-

---

* Цимбаев Н.И. Славянофильство. М.: Изд-во Московского университета. 1986, с. 6.

** Кошелев А.И. Записки. – Берлин, 1884, с. 25.

сии принятый равнодушно как всякий путешественник в землях не-славянских, я был в славянских землях принят как любимый родственник, посещающий свою семью; или потому, что во время военное, проезжая по местам, куда еще не доходило русское войско, я был приветствуем болгарами не только как вестник лучшего будущего, но как друг и брат; или потому, что, живя в их деревнях, я нашел семейный быт своей родной земли; или потому, что в их числе находится наиболее племен православных, следовательно, связанных с нами единством высшего духовного начала; или даже потому, что в их простых нравах, особенно в областях православных, таятся добродетели и деятельность жизни, которые внушили любовь и благоговение просвещенным иностранцам, каковы Бланки и Буэ. Я этого не скажу, хотя тут было довольно много разумных причин; но скажу одно: я их люблю потому, что нет русского человека, который бы их не любил; нет такого, который не признавал бы своего братства с славянином и особенно с православным славянином... Поэтому насмешку над нашей любовью к славянам принимаю я так же охотно, как и насмешку над тем, что мы русские. Такие насмешки свидетельствуют только об одном: о скудности мысли и тесноте взгляда людей, утративших свою умственную и духовную жизнь и всякое естественное или разумное сочувствие в щеголеватой мертвенности салонов или односторонней книжности современного Запада»*.

Скорее славянофилов можно назвать русофилами, и то с долей условности в смысле обоснования уникальности истории и культуры русского народа. Славянская

---

* Хомяков А.С. О возможности русской художественной школы.// Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 323.

часть учения славянофилов занимает незначительную часть и касается только идеи освобождения братских славянских народов от гнета Османской империи. Не прав В. С. Соловьев, когда говорит о вырождении славянофильства до национализма и русского мессианизма. В действительности, славянофилы боролись за свободу славянских народов на Балканском полуострове. Идеи панславизма, создания единого государства всех славян во главе с русским народом принадлежат перу позднейших мыслителей, выросших на славянофильской философии – Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева*. Да и сам В. С. Соловьев раскрыл полнее и четче те мысли, которые лишь высказали славянофилы – учение о цельном знании, выросшее из философии цельного духа; от русской избранности до русского мессианизма в мировой истории. В славянофильстве ярко прочувствована идея всечеловечности русского народа, которая не терпит каких-либо форм национального шовинизма.

Не менее часто славянофильское течение смешивают с официальной теорией народности, которая разрабатывалась графом, министром народного просвещения С. С. Уваровым, профессором истории М. П. Погодиным и профессором русской словесности С. П. Шевыревым. Так, в учебнике по истории политико-правовых учений О. Э. Лейст ошибочно смешивает славянофилов с представителями официальной теории народности: «Ряд идей славянофильства совпадал с лозунгами официальной народности. Из провозвестников официальной народности литератор Шевырев принадлежал к правому крылу славянофилов, а историк Погодин обосновывал норманн-

---

* Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Эксмо, 2003. 640 с.; Леонтьев К.Н. Византизм и славянство: сборник статей. – М.: АСТ, 2007. 571 с.

скую теорию происхождения Русского государства в славянофильском духе»*. В 1832 г. С. С. Уваров в записке императору Николаю I писал «об истинно охранительных началах Православия, Самодержавия и Народности, составляющих последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия Отечества»**. При этом казенная теория народности исходила из преобладания в триаде самодержавия, которое должно охранять православную веру и народный быт. «Православие означало официальную доктрину церкви, превращенной в один из департаментов, самодержавие – неограниченную власть императора и жесткость цензуры, народность – национализм, усиление бюрократии»***.

Сам С. С. Уваров в 1843 г. в докладе царю писал: «Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, ввиду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие, собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить. Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал

* История политических и правовых учений. Учебник./Под ред. О.Э. Лейста. – М.: Издательство Зерцало, 2000, с. 483.

** Перевезенцев С.В. Россия. Великая судьба. – М.: Белый город, 2006, с. 508 – 518.

*** Благова Т.И. Родоначальники славянофильства: А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. – М.: Высшая школа, 1995, с. 30 – 31.

на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов православия, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова. Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия... Спасительное убеждение, если Россия живет и охраняется духом самодержавия, сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать народное воспитание и с ним развиваться. Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущие; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице Русского царства. Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, перемещает наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий, если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию. Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла все выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было бы не чуждо европейского

духа. Догматами русской политической религии должны быть самодержавие и крепостное право»*.

Д. А. Хомяков, сын А. С. Хомякова, разграничил теорию официальной народности и славянофильство: «Православие, состоящее в «Вере» и «Учении», охватывает настолько человека, что с ним рядом ставить другого ничего нельзя: оно абсолютно затмевает Самодержавие и Народность (несть Эллин, ни Иудей): если же его сопоставить для практических целей с этими двумя принципами, то надо его понимать «не в абсолютном смысле», а в каком-нибудь условном, в таком, который действительно может быть поставлен рядом с двумя другими»**. Официальная теория народности по сути дела укоренилась в николаевской России, став казенной практикой для привития и сохранения веры и самодержавных принципов. При этом бюрократическая машина не пыталась возродить внутренний дух православия, чтобы построить народную жизнь на традиционных началах. Напротив, вооруженное теорией официальной народности правительство пыталось сохранить те порядки, против которых как раз восставали славянофилы: подчинение церкви государству, крепостное право, невежество народа. Такое идеологическое течение принято именовать реакцией и ретроградством. Славянофилы видели и чувствовали изъяны российской жизни и не мирились с ними, а, напротив, предлагали вернуть Россию на самобытный путь развития, которым она шла до петровских реформ.

Вероятно, смешение воззрений славянофилов и теории официальной народности способствовало тому, что

* Десятилетие министерства народного просвещения. 1833-1843. – СПб, 1864, с. 106 – 108.

** Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. – Монреаль: Изд. Братства препод. Иова Почаевского, 1982.

ряд произведений славянофилов был опубликован в журнале М. П. Погодина «Московитянин». Как Ф. М. Достоевского, который, не имея выбора, печатался в журнале Каткова, за что обвинялся в катковщине и поддержке курса правительства, так и славянофилов смешивали с казенной идеологией.

Идейное противостояние славянофилов и представителей теории «официальной народности» ярко выразил И. С. Аксаков в одной из своих статей: «"Православие" понималось лишь как облеченное в государственный мундир, не как живая духовная, но как консервативная духовно-полицейская сила, освещающая порядок, дисциплину и правительственную систему, а потому постоянно руководимая и контролируемая светским правительством; «народность» разумелась в смысле исключительно внешнем, в смысле патриотизма или же просто преданности современной отечественной системе правления, – преданности, приправленной подчас наружной простотой чувств, хотя и грубой, маленько мужицкого пошиба... Таким образом, девиз: «Православие, самодержавие и народность», вполне истинный сам по себе, на деле выражался большей частью как система полицейско-канцелярской диктатуры или иностранного цезаризма в сослужении «православия» и «народности», причем последние являлись только орудиями служебными, почему и искажались в своем существе»*.

Об оппозиционности славянофилов свидетельствуют факты из их биографий. Журнал И. В. Киреевского «Европеец» был запрещен за «опасность либеральных мыслей». Ему же было отказано в кафедре философии Московско-

---

* Аксаков И.С. Что значит выйти нашему правительству на исторический народный путь?// Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 222 – 223.

го университета и руководстве журналом славянофилов «Московский сборник». Свыше года не издавалось собрание русских песен П. В. Киреевского. В 1848 г. были арестованы по тем же подозрениям Ю. Ф. Самарин и И. С. Аксаков. В 1850 г. задержали защиту диссертации К. С. Аксакова и постановку драмы «Освобождение Москвы». Над славянофилами был установлен тайный полицейский и цензурный надзор. Было время, когда их собирались арестовать. Но затем власти прислушались к одному из заступников, который сказал: «Нечего их бояться, ведь они все поместятся на одном диване». Разве государственные единомышленники могут так преследоваться государством? Н. А. Бердяев писал: «Славянофилы и бюрократы более чужды друг другу, чем славянофилы и русские радикалы. Аполитизм славянофилов, их антигосударственность и свободолюбие – свойства, которые нельзя использовать для целей политических и государственных».*

Нередко в юридической и политологической литературе встречаются суждения о ретроградстве, косности, антипрогрессизме и утопичности построений славянофилов. Несомненно, что славянофилы были традиционалистами, так как выступали за возрождение духовных порядков Руси – православия, цельности духа, соборности, самодержавия, нравственных идеалов. Однако славянофилов нельзя упрекнуть в реакционных мыслях и закоснелости. В их произведениях представлены блестящие знания истории, философии, искусства, литературы Запада и Востока. При этом славянофилы не только не упивались достижениями европейской рациональности, материальной жизни и государственности, но и видели в них оскудение духа, чреватое катастрофой в будущем. В

* Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Алексей Степанович Хомяков. – М.: АСТ, 2007, с. 289.

русской жизни славянофилы открыли неиссякаемый потенциал духовного преображения жизни – как в самой России, так и в Европе. Как все возвышенные души, они были мечтателями, но в то же время реалистично и чутко воспринимали русскую жизнь. О реализме и отсутствии ретроградства у славянофилов говорят следующие слова И. В. Киреевского: «Однако же, говоря ”направление“, я не излишним почитаю прибавить, что этим словом я резко ограничиваю весь смысл моего желания. Ибо если когда-нибудь случилось бы мне увидеть во сне, что какая-либо из внешних особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдруг воскресла посреди нас и в прежнем виде своем вмешалась в настоящую жизнь нашу, то это видение не обрадовало бы меня. Напротив, оно испугало бы меня. Ибо такое перемещение прошлого в новое, отжившего – в живущее было бы то же, что перестановка колеса из одной машины в другую, другого устройства и размера; в таком случае или колеса должны сломаться, или машина. Одного только желаю я, чтобы те начала жизни, которые хранятся в учении Святой Православной Церкви, вполне проникнули убеждения всех ступеней и сословий наших, чтобы эти высшие начала, господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но, напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие и чтобы та цельность бытия, которую мы замечаем в древней, была навсегда уделом настоящей и будущей нашей православной России...»*. И.В. Киреевский ратует за сохранение и возвышение духа России – христианской добродетели и любви, а не за восстановление древних московских учреждений и быта.

---

* Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России.//Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 227 – 228.

Таким образом, славянофильство – это глубоко оригинальное русское течение философской и государственно-правовой мысли, основанное на традициях русского народного православного духа, выступающее в защиту особого русского пути в истории. Можно признать славянофильство особой ветвью в консервативном, охранительном русле политико-правовой мысли, но подчеркивая его поиск православных и государственных начал не в современной ему государственной бюрократизированной жизни, а в ткани народного духа, который обнаруживал себя в Московской Руси и жизни русского православного народа.

1.2. Русская идея славянофилов

*Иди! Тебя зовут народы.
И совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!*

А. С. Хомяков «Раскаявшейся России»

*Кто из нас станет отвергать общее,
человеческое! Может быть, мир не ви-
дал еще того общего человеческого, какое
живит великая славянская, именно – рус-
ская природа... Где же национальность
шире русской?*

К. С. Аксаков

До сих пор, в начале XXI столетия, в русском мировоззрении нет единства в вопросе русской идеи –

русского пути в истории и особенности национального характера. В дискуссиях представителей различных наук стало общим местом ссылаться на отсутствие в России национальной идеи и на необходимость ее поиска. При этом было сломано столько копий вокруг русской идеи (вечного проклятого вопроса), что, казалось, общественная мысль зашла в тупик и дальнейшие споры просто бесплодны. Но, поразительно то, что все ищущие и думающие о судьбе России люди едины в одном: от определения русской идеи зависит судьба нашего отечества и его перспективы в мировой истории. Вот что пишет современный христианский философ В. Ю. Инговатов: «Вообще нынешнее время перемен отличается особым, в каком-то смысле даже мистическим интересом к судьбе России, к ее всемирно-историческому предназначению. Представители самых разных сфер политической, научной и культурной жизни общества, как у нас, так и за пределами России, пристально, а иногда и предвзято, пытаются оценить наш исторический путь и нашу историческую перспективу. Не будем скрывать, нам горестно смотреть на это специфическое духовное явление по примитивизации и опошлению русского мира, русского бытия, русской веры»*.

Вероятно, неудачность всех способы постижения русской идеи объясняется их рациональным характером. Прав Н. А. Бердяев, отмечавший, что «есть очень большая трудность в определении национального типа, национальной индивидуальности. Тут невозможно дать строго научного определения. Тайна всякой индивидуальности узнается лишь любовью, и в ней всегда есть

---

* Инговатов В.Ю. Горизонты и сумерки русской идеи: введение в метафизику исторической судьбы. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006, с. 5.

что-то непостижимое до конца, до последней глубины»*. В. С. Соловьев так отзывается о русской идее: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»**.

Аналитическая работа над национальным характером бесполезна. К русской идее нужно подступать духовно, мистически. Именно таким путем пошли славянофилы, постигая русскую идею путем проникновения в божественное откровение, по крупице отыскивая в истории, культуре, национальном и государственном быте России ее православное предназначение всечеловеческого приобщения к святыням христианства. В отличие от западников, которые пытались, сравнивая европейские интеллектуальные и технические достижения с русской «отсталостью», рационально выразить русскую идею как некое приобщение к европейской культуре, славянофилы интуитивно чувствовали глубоко внутри самой русской жизни ее своеобразие и непохожесть на другие национальные характеры. Причем славянофильский порыв к русской идее, мечте остается вне времени – вечным и живым. Предчувствия и прозрения славянофилов остаются верными до сих пор. Так, Владимир Эрн в 1915 г., в годы первой мировой войны, писал: «Время славянофильствует в том смысле, что русская идея всечеловечности загорается небывалым светом над потоком всемирных событий, что тайный смысл величайших разоблачений и откровений, принесенных ураганом войны, находится в поразительном созвучии, в совершенном ритмическом единстве с всечеловеческим предчувствием славянофилов».

---

* Бердяев Н.А. Русская идея. – М.: АСТ, 2007, с. 5.

** Россия глазами русского. Чаадаев. Леонтьев. Соловьев. – Спб.: Наука, 1991, с. 312.

Восприятие славянофилами России погружено в русскую духовность, в русский быт – при ясном осознании европейского просвещения и истории. Тот свет, который перед славянофилами раскрыл всю красоту русской индивидуальности, снизошел на них как благодать на православных верующих. Вера христианская и вместе с нею искренняя любовь к России позволили славянофилам прозреть и понять всей душой русскую идею. При этом, любя Россию, славянофилы не впадали в идеализацию России и в утопии, которые им приписывают. Для славянофилов дорога Россия во всех ее неурядицах и недостатках – без прикрас и преувеличений.

А. С. Хомяков в работе «О старом и новом», перечисляя недостатки жизни Московской Руси, писал: «Ничего доброго, ничего благородного, ничего достойного подражания не было в России. Везде и всегда были безграмотность, неправосудие, разбой, крамолы, угнетение личности, бедность, неустройство, непросвещение и разврат. Взгляд не останавливается ни на одной светлой минуте в жизни народной, ни на одной эпохе утешительной и, обращаясь к настоящему времени, радуется пышной картине, представляемой нашим отечеством»*. Поневоле, читая эти строки, думаешь, что их писал человек, ненавидевший Россию. Нет, в том-то и урок, что исторический путь России следует воспринимать во всех – ярких и темных – красках, тогда станет ясна ее трагическая судьба и истинное лицо – смиренной, кроткой и духовно сильной России, сражавшейся за сохранение своей культуры и памяти на протяжении двух тысячелетий.

---

* Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 206.

А вот другой пример – одно из стихотворений А. С. Хомякова, в котором автор ратует за освобождение славянских народов от турецкого владычества:

«России»

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую.
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, диких сил!

Вставай, страна моя родная!
За братьев! Бог тебя зовет
Через волны гневного Дуная –
Туда, где землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело;
Своих рабов Он судит строго –
А на тебя, увы, как много
Грехов ужасных налегло;

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,

Да гром двойного наказания
Не грянет над твоей главой!

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечом – то Божий меч!

Собственно говоря, именно споры славянофилов и западников обнажили проблему, получившую название «русской идеи». Можно сказать, что для западников никакой особой русской идеи не существовало. По их мнению, Россия должна была пойти путем развития западной цивилизации, чтобы воспринять созданные Западом умственные и материальные ценности. Так, И. А. Исаев и Н. М. Золотухина отмечают: «Основное различие, которое, несомненно, имело место, заключалось в противоположности их взглядов на пути исторического развития России: если славянофилы настаивали на собственном и особенном пути, западники предполагали повторение Россией уже пройденного Западом пути становления»*. Хотя славянофилы так и не представили русскую идею как некую систему постулатов, однако раскрыли ее в дискуссиях с западни-

---

* Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических правовых учений России XI – XX вв. – М.: Юристъ, 1995, с. 251 – 252.

ками и в критических оценках культуры рационализма, закона и безверия на Западе.

Для славянофилов русская идея – это преображение мира на православных началах любви, соборности и свободы. В области духа первенство отдавалось раскрытию свободы верующего в Бога: духа, который совместно с другими христианами ищет высшей правды и ждет царствия Божия. Во взаимоотношениях религий славянофилы отстаивали преимущества православия как единственного средоточия истинного христианства. Обоснование русской идеи славянофилами покоилось на нескольких китах:

1. Чистая, неискаженная православная вера, принятая русским народом в IX в. при князе Владимире;

2. Соборность – единство всех свободно верующих православных в любви друг к другу и ко Христу;

3. Цельность духа (веры и разума) в восприятии окружающего мира и «живознание»;

4. Сельская община как оплот и отражение соборной жизни русских людей, объединенных верой и единой материальной жизнью в труде, взаимопомощи, сострадании и любви;

5. Признание органичности русской истории в допетровскую эпоху и невозможности насильственной ломки народной жизни по западным образцам;

6. Обоснование роли России как спасительницы Европы от будущего хаоса революций и смут с помощью истинной веры и духовных начал всякого знания;

7. Стремление к внутренней правде – духовному и нравственному деланию и отрицание первенства юридических начал над религиозными и нравственными ценностями;

8. Аполитизм, безгосударственность русского народа, видевшего неизбежное зло со стороны власти и Земских Соборов;

9. Преклонение перед стародавними обычаями как формой народной жизни русских людей.

Важно заметить, что учение славянофилов о государстве и праве всецело проникнуто их православными взглядами. Аполитизм русского народа и недостаток юридических начал славянофилы объясняли, исходя из учения о православии, соборности, о целостном духе как органе познания, о внутренней правде*.

Альфой и омегой славянофильской философии является актуализация русского православия. Все без исключения славянофилы, при всем различии их взглядов, едины в одном: только на Руси сохранилась истинная христианская вера без искажений – православие. Само слово «православие» указывает на то, что православный – это тот, кто правильно славит Бога. Не случайна в русском языке близость слов: православие, славяне, право, справедливость. Все эти слова отражают верность русского народа святым идеалам христианства – Добру, Правде и Красоте**.

Славянофилы показали, что на Руси православие пало на благодатную почву. Русскому народу от природы были присущи христианские чувства любви к ближнему и поиск высших основ своего бытия в Боге. И. В. Киреевский писал в своем «Ответе А. С. Хомякову»: «Россия не блистала ни художествами, ни учеными, не

---

* Каплин А.Д. Мировоззрение славянофилов. История и будущее России. Отв. ред. О.А. Платонов. – М., Институт русской цивилизации, 2008, 448 с.

** Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. – М. 2007, 490 с.

имея времени развиться в этом направлении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу. Но зато в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств; в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам. Все святые отцы греческие, не исключая самых глубоких писателей, были переведены и читаны, были переписываемы и изучаемы в тишине наших монастырей – этих святых зародышей несбывшихся университетов. Исаак Сирий, глубокомысленнейшее из всех философских писаний, до сих пор еще находится в списках XII – XIII веков. И эти монастыри были в живом, беспрестанном соприкосновении с народом»*.

Чистоту и возвышенность православия славяно-филилы связывали с тем, что Византия, передавшая веру Руси, хранила ее в первоначальном, неискаженном, виде. Западная же католическая церковь исказила христианскую истину и отпала от действительной веры. А. С. Хомяков в своих богословских произведениях представил ход развития западного христианства от католицизма (как единства без свободы) до протестантства (как свободы без единства) и далее – вплоть до атеизма. Не созывая Вселенского собора, Западная церковь в IX в. приняла решение изменить один из догматов, касающихся учения о Святой Троице. Католический мир признал, что святой дух исходит не только от Бога-Отца, но и от Сына (филиокве). Такое независимое от других поместных церквей изменение догмата раскололо единую христианскую церковь на Западную и Восточную.

* Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984, с. 125.

Претензии католического Рима на верховенство в делах веры породили догмат о непогрешимости папы. В противном бы случае независимое от других поместных церквей изменение догмата было бы воспринято верующими как ересь. По мысли славянофилов, то, что западная ветвь христианства опирается на авторитет римского папы как главы церкви, пагубно сказывается на полноте и истине христианства. А. С. Хомяков в работе «Церковь одна» писал: «Церковь является единою, святою, соборною (кафолическою и вселенскою), апостольскою, потому что она едина и свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности, потому что ею светятся все человечество и вся земля, а не одни какой-нибудь народ или одна страна; потому что сущность ее состоит в согласии и единстве духа и жизни всех ее членов по всей земле, признающих ее; потому, наконец, что в писании и учении апостольском содержится вся полнота ее веры, ее упований и ее любви. Из сего следует, что, когда называется какое-нибудь общество христианское Церковью местною, как-то: Греческою, Российскою или Сирийскою, такое название значит только собрание членов Церкви, живущих только в такой-то стране (Греции, России, Сирии и т.д.), и не содержит в себе предположения, будто бы одна община могла выразить учение церковное или дать учению догматическое толкование без согласия других общин; еще менее предполагается, что какая-нибудь община или пастырь ее могли предписывать свое толкование другим»*.

Отпадение Запада от единой церкви как собора верующих привело к искажению истинной веры в Западной Европе, разрушило цельность духа верующего, за-

---

* Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 20.

ронив семена рационализма, а впоследствии и сомнения в авторитете Церкви, а затем – и Бога. А. С. Хомяков указывает на неизбежность появления протестантства и безбожия в католической Европе: «Частное мнение, личное или областное (это все равно), присвоившее себе во Вселенской церкви право на самостоятельное решение догматического вопроса, уже заключало в себе установление протестантства, то есть свободы исследования без живого Предания единства, основанного на взаимной любви»*.

Вслед за А. С. Хомяковым И. В. Киреевский ищет объяснения загадки западного мира, отличающего его от России. Он находит расхождение в трех началах – католицизме, язычестве варварских народов и греко-римской культуре: «Этот классический мир древнего язычества, не доставшийся в наследие России, в сущности своей представляет торжество формального разума человека над всем, что внутри и вне его находится, – чистого, голого разума, на себе самом основанного, выше себя и вне себя ничего не признающего... Римская церковь в уклонении своем от восточной отличается именно тем же торжеством рационализма над преданием, внешней разумности – над внутренним духовным разумом. Так, вследствие этого внешнего силлогизма, выведенного из понятия о божественном равенстве Отца и Сына, изменен догмат о Троице в противность духовному смыслу и преданию; так вследствие другого силлогизма папа стал главою церкви вместо Иисуса Христа, потом мирским властителем, наконец, непогрешаемым»**.

* Хомяков А.С. Сочинения в 2-х тт. Т.2. Работы по богословию. – М.: Изд-во Медиум, 1994, с. 25 – 71.

** Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984, с. 119.

Россия как продолжатель Византии в области веры несет в себе православие в первозданном виде и с его помощью может возродить величие своей родины и преобразить западный мир, пребывающий в кризисе. Так, А. С. Хомяков выражает надежду, что Запад признает свою духовную неполноту и обратится к православию. Вот что он пишет: «Когда исчезнут все ложные учения, излишним станет и имя православия: ибо ложного христианства не будет. Когда распространится Церковь или войдет в нее полнота народов, тогда исчезнут все местные наименования; ибо не отождествляется Церковь с какой-нибудь местностью и не хранит наследства языческой гордости; но она называет себя Единою, Святою, Соборною и Апостольскою, зная, что ей принадлежит весь мир и что никакая местность не имеет какого-нибудь значения, но только временно служит для прославления имени Божьего, по его неисповедимой Воле»*.

Основываясь на православном учении, А. С. Хомяков сформулировал идею соборности как единство всех верующих в лоне церкви, основанное на началах любви и свободы. Четкие определения соборности в произведениях А. С. Хомякова отсутствуют. Однако анализ написанного им позволяет раскрыть смысл соборности в понимании славянофилов. В своем «Ответе русского русскому» (письмо редактору «L'Union Chretienne» о значении слов «кафолический и соборный»). По поводу речи отца Гагарина, иезуита) А. С. Хомяков писал: «Им (отцам церкви) и на мысль не пришло определить Церковь географически или этнографически; такое определение, видно, не имело места в их богословской системе. Они остановились на слове «соборный»; «собор» выражает идею собрания,

---

* Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 39.

не обязательно соединенного в каком-либо месте, но существующего потенциально без внешнего соединения. Это – единство во множестве... Церковь католическая есть Церковь «согласно всему» или «согласно единству всех», Церковь свободного единодушия, единодушия совершенного, Церковь, в которой нет больше народностей, нет ни греков, ни варваров, нет различия по состоянию, нет ни рабовладельцев, ни рабов»*.

Соборность в восприятии А. С. Хомякова характеризуется рядом черт:

1. Единство верующих христиан как видимой (земной), так и невидимой (божественной) церкви. В протестантстве такого единства не существует, каждому предоставляется свобода веры и поиска истины, но не в единстве с другими.

2. Единство создается органически, естественно, по свободной воле людей. Церковь, по Хомякову, – это не организация, учреждение, механически соединяющее людей, а живое тело Христово, в котором люди пребывают добровольно. Церковь-учреждение существует в западном католицизме, не имеющем возможности называться вселенским или соборным, потому что оно само отказалось от соборного с восточными братьями проникновения в божественную благодать. Гордыня папского Рима и изменение догмата – пример нарушения соборного единства.

3. В соборности люди едины, независимо от своего положения в земном мире, любовью к Христу и будущему царствию Божьему. Христианство открыто для всех людей.

4. Только соборному единству людей открывается благодать и божественное знание. В единстве с другими человек открывает мир и Бога и получает знание в Цер-

---

* Там же, с. 81.

ковном общении. Оторванный от общины верующих интеллектуал может надеяться лишь на поверхностное, ограниченное и зачастую ошибочное знание.

5. Реальным, живым подобием соборности в России выступает сельская, крестьянская община. Вот как оценивал А. С. Хомяков значение сельской общины для России: «Община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его, не останется ничего; из его же развития может развиваться целый гражданский мир»*.

Примечательно, что соборность объединяет все поколения людей, покоящихся в лоне Церкви, – как жившие ранее, живущие в настоящем, так и будущие поколения вплоть до наступления Апокалипсиса. Впервые, с подачи А. С. Хомякова, в отечественной мысли отличительной характеристикой русского национального сознания стала считаться соборность. Правда, зачастую соборность воспринимают приземленно, вещественно, в смысле коллективизма и общинного образа жизни. Славянофилы же имели в виду, прежде всего, внутреннюю, духовную связь между христианами, а не внешние ее проявления – крестьянскую общину и Земские соборы.

Жизненность и перспективность славянофильского учения о соборности заключается в том, что разрешение конечных вопросов о жизни человека и всего общества вряд ли под силу отдельной личности. Только единство страдающих, сопереживающих, любящих друг друга людей способно приоткрыть загадку человека во вселенной; соборность дает человеку шанс найти себя в общении с другими и преобразиться на базе христианской любви к ближнему и к Богу. Многие проблемы современной жизни могут разрешиться именно в процессе религиозного

* Там же, с. 350.

общения людей – внутреннего поиска и делания, нравственного самосовершенствования личности, а не путем разрушения и господства.

Философ Н. О. Лосский так отзывается о значении соборности: «Соборность есть сочетание единства и свободы многих лиц на основе совместной любви к Богу и всем абсолютным ценностям. Нетрудно заметить, что принцип соборности есть ценная основа не только для жизни церкви, но и для решения многих проблем в духе синтеза индивидуализма и универсализма»*.

Своеобразие соборности четко проявляется в противопоставлении ее индивидуализму – самообожествлению отдельной личности. Западная культура, что уже не подвергается сомнению, коренной чертой жизни считает полное и совершенное развитие человеческой свободы**. Во все эпохи развития западного мира, от седой античности и до Нового времени, человек претендовал на статус творца своей судьбы, близкого Самому Богу. В эпоху Возрождения гуманизм проявлялся не как любовь к людям, а как обожествление человеческой личности. Славянофилы остро ощутили индивидуализм в сознании людей Запада. В этом отношении крайне актуальны мысли И. В. Киреевского: «Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внешних формальных отношений, святость собственности и условных постановлений важнее личности. Каждый индивидуум – частный человек, рыцарь, князь, город – внутри своих прав есть

---

* Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Издательская группа Прогресс, 1994, с. 442.

** Насыров Р.В. Человек как самоценность. К критике формулировки ст. 2 Конституции РФ 1993 г. – Барнаул: Азбука, 2008, с. 113 – 129.

лицо самодержавное, неограниченное, само по себе дающее законы. Первый шаг каждого лица в общество есть окружение себя крепостью, из нутра которой оно вступает в переговоры с другими независимыми властями*.

Закономерно, что из православия и соборности вытекает идея цельности духа и живознания в гносеологии славянофилов. В православии человек обретает цельность разума и веры. Разум бессилён отыскать высшую истину. Западный человек, подчиняясь культу разума, раздвоен, расколот и потому неудовлетворён полученным знанием. Проводником высшего знания, по мнению славянофилов, является цельный соборный дух, в котором согласованы вера и разум**.

Целый ряд произведений А. С. Хомякова и И. В. Киреевского посвящён анализу эволюции западного рационализма – от эллинизма до гегелевской системы. По поводу философии Эллады А. С. Хомякова замечает: «Её первоначальный характер, её отличительная черта есть полнейшее развитие антропоморфизма (человекообожания)... Она стала поклоняться единственно его красоте внешней и внутренней, его телесной стройности – источнику прелести или силы, его красоте душевной – источнику ума или доблести»***.

Высочайшее развитие обожествления ума проявилось в трудах Аристотеля, учение которого о силлогизме и анализе как способах отыскания истины арабские мыслители передали Западной Европе на заре Возрож-

---

* Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984, с. 121.

** Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Изд-во Эксмо-Пресс, 2001, с. 213 – 217.

*** Хомяков А.С. Аристотель и всемирная выставка. //Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. – М.: Высш. Школа, 1995, с. 183.

дения. В Европе, где господствовало католическое христианство, рассудочную философию Аристотеля стали использовать для доказательства догматов веры, вплоть до существования самого Бога. И. В. Киреевский справедливо указывал: «Бытие божие во всем христианстве доказывалось силлогизмом; вся совокупность веры опиралась на силлогистическую схоластику; инквизиция, иезуитизм – одним словом, все особенности католицизма развились силою того же формального процесса разума, так что и самый протестантизм, который католики упрекают в рациональности, произошел прямо из рациональности католицизма»*.

Так рационализм стал господствующим органом познания в Европе, начиная со схоластической христианской философии через «*Cogito ergo sum*» Декарта к немецкой идеалистической философии И. Канта и Г. Гегеля. В результате сама философия в XIX в. превратилась в догматическую науку об умственном постижении конечных пределов бытия. При этом все сверхъестественные, сверхчувственные способы познания были отвергнуты как не существующие. Существующим ныне объявлялось то, что поддается восприятию органов чувств и разума. Разум победил веру в эпоху Возрождения и Реформации, когда дело веры стало уделом отдельной личности и могло быть обосновано рационально.

Венца рационализм достиг в философской системе Гегеля – о раскрытии во вселенной и истории мирового разума. А. С. Хомяков пишет по поводу немецкой классической философии следующее: «Общая ошибка всей школы, еще не ясно выдающаяся в ее основателе – Канте и резко характеризующая ее довершителя – Гегеля, состоит

---

* Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984, с. 119.

в том, что она постоянно принимает движение понятия в личном понимании за тождественное с движением самой действительности (всей реальности)»*.

Хомякову вторит И. В. Киреевский, также связывая корни европейского рационализма с греческим философским наследием: «Система Аристотеля разорвала цельность умственного самосознания и перенесла корень внутренних убеждений человека вне нравственного и эстетического смысла, в отвлеченное сознание разума»**. Для разума все возможно и нет никаких границ для него в нравственности и религии. Разум устремлен к познанию мира для человеческого господства над ним. Как результат такого увлечения рационализмом – пороки западного общества и возможная будущая гибель, которую ощущали славянофилы.

И. В. Киреевский так описывает изъяны европейского обожествления разума: «В последнем торжестве формального разума над верою и преданием пронизательный ум мог уже наперед видеть в зародыше всю теперешнюю судьбу Европы как следствие вотще начатого начала, то есть и Штрауса, и новую философию со всеми ее видами, и индустриализм как пружину общественной жизни, и филантропию, основанную на рассчитанном своекорыстии, и систему воспитания, ускоренную силой возбужденной зависти, и Гете, венец новой поэзии, литературного Талейрана, меняющего свою красоту, как тот свои правительства, и Наполеона, и героя нового времени, идеал бездушного расчета, и материальное большинство, плод рациональной

---

* Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 433 – 434.

** Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии.//Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. – М.: Высш. Школа, 1995, с. 279.

политики, и Лудвига Филиппа, последний результат таких надежд и таких дорогих опытов!»*.

А. С. Хомяков показывает трансформацию бездушно-го рационализма в материализм, когда разум как субстанцию всего мира заменила более приземленная материя. «И вот самое отвлеченное из человеческих отвлеченностей – гегельянство – прямо ухватилось за вещество и перешло в чистейший и грубейший материализм. Вещество будет субстратом, а затем система Гегеля сохранится, т.е. сохранится терминология, большая часть определений, мысленных переходов, логических приемов и т.д., сохранится, одним словом, то, что можно назвать фабричным процессом Гегелева ума»**.

В том-то и все дело, что, выбросив из своих рассуждений религиозные, духовные ценности, западная мысль с неизбежностью должна была скатиться в материализм – расчет, корысть, наживу и материальный фетишизм. Другого пути у Запада не было, если не брать во внимание русскую культуру. Действительно, западный рационализм не проник в Россию и не был ей свойственен: «Христианство восточное не знало ни этой борьбы веры против разума, ни этого торжества разума над верою»***.

По этой причине в душе русского человека не наступило раскола и он способен целостно воспринимать истину – и сердцем, и умом. Исцеление Запада – в усвоении и следовании этой цельной теории знания. Лучше самого основателя концепции цельности духа И. В. Киреевского

---

* Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984, с. 120.

** Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 439.

*** Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984, с. 122.

никто не может сказать: «Первое условие для такого возвышения разума заключается в том, чтобы он стремился собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы, которые в обыкновенном положении находятся в состоянии разрозненности и противоречия; чтобы он не признавал своей отвлеченной логической способности за единственный орган разумения истины; чтобы голос восторженного чувства, не соглашенный с другими силами духа, он не почитал безошибочным указанием правды; чтобы внушения отдельного эстетического смысла независимо от развития других понятий он не считал верным путеводителем для разумения высшего мироустройства; даже чтобы господствующую любовь своего сердца отдельно от других требований духа он не почитал за непогрешительную руководительницу к постижению высшего блага; но чтобы постоянно искал в глубине души того внутреннего корня разумения, где все остальные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума.

И для разумения истины в этом собрании всех душевных сил разума не будет приводить мысль, ему предстоящую, последовательно и отдельно на суд каждой из своих отдельных способностей, стараясь согласить все их приговоры в одно общее значение. Но в цельном мышлении при каждом движении все ее струны должны быть слышны в полном аккорде, сливаясь в один гармонический звук»*.

В оценке славянофильства не следует впадать в две крайности. С одной стороны, часто славянофилов называют противниками западной культуры. Но, несмотря на трезвый взгляд в отношении Запада, все-таки славянофилы признавали его достижения и их значение для Рос-

---

* Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии.//Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. – М.: Высш. Школа, 1995, с. 289.

сии. А. С. Хомяков называл Европу «страной святых чудес» и очень высоко ценил английский быт – уважение к старине, традициям, народную культуру. Причем сам он считал, что англичане происходят от угличан. И. В. Киреевский и вовсе пережил европейский этап в своем умственном развитии. Вернувшись из Европы, он предпринял попытку издавать журнал «Европеец». В своем «Ответе А. С. Хомякову» он писал: «Я совсем не имею намерения писать сатиру на Запад; никто больше меня не ценит тех удобств жизни общественной и частной, которые произошли от того же самого рационализма. Да, если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привычками; но в сердце человека есть такие движения, есть такие требования в уме, такой смысл в жизни, которые сильнее всех привычек и вкусов, сильнее всех приятностей жизни, выгод внешней разумности, без которых ни человек, ни народ не могут жить своею настоящею жизнью»*.

Прав о. В. В. Зеньковский, который выразил отношение славянофилов к Западу следующими словами: «Вопреки ходячему словоупотреблению, согласно которому антизападничество отождествляется со славянофильством, как раз можно утверждать, что в славянофильстве, при всей остроте и напряженности их критики Запада, антизападничество не было не только не сильно, но даже постоянно смягчалось их христианским универсализмом, этой исторической транскрипцией вселенского духа, веяние которого в Православии именно они так глубоко чувствовали

* Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984, с. 120.

и выражали. Защита русского своеобразия и острая, часто даже пристрастная борьба с западничеством, с нелепым или обдуманым перенесением на русскую почву западных обычаев, идей и жизненных форм, наконец, острое чувство религиозного единства Запада и невозможность игнорировать религиозное различие Запада и России – все это вовсе не было антизападничеством, а соединялось даже со своеобразной и глубокой любовью к нему»*.

С другой стороны, ни в коем случае нельзя соглашаться с пониманием славянофильства как течения русской либеральной мысли в рамках западной идеологии. К примеру, о. Георгий Флоровский считал, что «славянофильство есть звено в истории русской мысли, а не только русского инстинкта. И это было звено в диалектике русского "европеизма"»**. Все – от корней до концепции церкви, соборности, цельности духа, поиска нравственной правды и негосударственной жизни в русской сельской общине – показывает глубоко русский характер славянофильства. Заслуга славянофилов в том, что они открыли интеллигенции глаза на русский мир православия, истории, общины и сформулировали требование о возрождении самобытной культуры России и преображении Запада на этих началах.

Иван Васильевич Киреевский, проводя сравнение западной и русской культур, пришел к таким выводам: «Христианство проникало в умы западных народов через учение одной Римской церкви — в России оно зажигалось на светильниках всей Церкви Православной; богословие на Западе приняло характер рассудочной

---

* Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 2005, с. 38.

** Флоровский Г. Пути русского богословия. – Минск: Изд-во Белорусского экзархата, 2006, с. 251.

отвлеченности — в православном мире оно сохранило внутреннюю цельность духа; там раздвоение сил разума — здесь стремление к их живой совокупности; там движение ума к истине посредством логического сцепления понятий — здесь стремление к ней посредством внутреннего возвышения самосознания к сердечной цельности и средоточию разума; там искание наружного, мертвого единства — здесь стремление к внутреннему, живому; там Церковь смешалась с государством, соединив духовную власть со светскою и сливая церковное и мирское значение в одно устройство смешанного характера, — в России она оставалась не смешанною с мирскими целями и устройством; там схоластические и юридические университеты — в древней России молитвенные монастыри, сосредоточивавшие в себе высшее знание; там рассудочное и школьное изучение высших истин — здесь стремление к их живому и цельному познанию; там взаимное прорастание образованности языческой и христианской — здесь постоянное стремление к очищению истины; там государственность из насилий завоевания — здесь из естественного развития народного быта, проникнутого единством основного убеждения; там враждебная разграниченность сословий — в древней России их единоклубная совокупность при естественной разновидности; там искусственная связь рыцарских замков с их принадлежностями составляет отдельные государства — здесь совокупное согласие всей земли духовно выражает неразделимое единство; там поземельная собственность первое основание гражданских отношений — здесь собственность только случайное выражение отношений личных; там законность формально-логическая — здесь выходящая из быта; там склонность права к справедливости

внешней — здесь предпочтение внутренней; там юриспруденция стремится к логическому кодексу — здесь, вместо наружной связности формы с формой, ищет она внутренней связи правомерного убеждения с убеждениями веры и быта; там законы исходят искусственно из господствующего мнения — здесь они рождались естественно из быта; там улучшения всегда совершались насильственными переменами — здесь стройным естественным возрастанием; там волнение духа партий — здесь незыблемость основного убеждения; там прихоть моды — здесь твердость быта; там шаткость личной самозаконности — здесь крепость семейных и общественных связей; там щеголеватость роскоши и искусственность жизни — здесь простота жизненных потребностей и бодрость нравственного мужества; там изнеженность мечтательности — здесь здоровая цельность разумных сил; там внутренняя тревожность духа при рассудочной уверенности в своем нравственном совершенстве — у русского глубокая тишина и спокойствие внутреннего самосознания при постоянной недоверчивости к себе и при неограниченной требовательности нравственного усовершенствования — одним словом, там раздвоение духа, раздвоение мыслей, раздвоение наук, раздвоение государства, раздвоение сословий, раздвоение общества, раздвоение семейных прав и обязанностей, раздвоение нравственного и сердечного состояния, раздвоение всей совокупности и всех отдельных видов бытия человеческого, общественного и частного, — в России, напротив того, преимущественное стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего, общественного и частного, умозрительного и житейского, искусственного и нравственного. Потому, если справедливо сказанное нами прежде, то *раздвоение и цельность, рассудочность*

и разумность будут последним выражением западноевропейской и древнерусской образованности»*.

Подытоживая рассуждения о русской идее в трактовке славянофилов, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, славянофилы первыми поставили вопрос о самобытной культуре России и невозможности заимствования для нее чужого западного просвещения, в том числе государственно-правового опыта.

Во-вторых, в сфере философии краеугольными камнями русской мысли славянофилы считали православие, соборное единение верующих в церкви, цельность духа в познании мира и приоритет духовно-нравственных ценностей Любви и Добра.

В-третьих, на базе исторических материалов славянофилы обосновали необходимость органического развития истории – вырастания жизни из традиций и обычаев без насилия и переворотов. Поэтому славянофилы так остро отвергали ценность реформ Петра I.

В-четвертых, православный дух славянофильства обусловил его концепции: государства как необходимости, а не как блага; аполитизма народа; внутренней правды, вытекающей из народного обычая, а не из формального закона.

В-пятых, славянофилы полагали, что духовный потенциал российской православной цивилизации поможет западному миру – на началах христианской любви и единства всего человечества – устранить раздвоение духа, односторонность рассудочности, культ свободы и чувственных наслаждений, самодовлеющую роль государства и формализм в отношениях.

---

* Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России.// Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007.

Русскую идею славянофилы трактовали не как путь самобытного, органического развития русской культуры в стороне от остального человечества. Русскую идею они интерпретировали как несение света православной истины всему человечеству для спасения мира от грядущих катастроф индивидуализма и культа материального благополучия.

Вселенские устремления православной России А. С. Хомяков выразил в стихотворении «России»:

Не верь, не слушай, не гордись!
Всей этой силой, этой славой,
Всем этим прахом не гордись.
И вот за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты
В молчанье сердца сокровенна
Глагол Творца прияла ты, —
Тебе Он дал свое призванье,
Тебе Он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел;
Хранить племен святое братство,
Любви живительный сосуд,
И веры пламенной богатство,
И правду, и бескровный суд.
Твое все то, чем дух святится,
В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится,
Начала славы и чудес!..
О вспомни свой удел высокий,
Былое в сердце воскреси,
И в нем, сокрытого глубоко,
Ты духа жизни допроси!

Внимай ему – и все народы
Обняв любовью своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный,
Прозрачный Вышнего покров!

ГЛАВА 2. УЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ О ГОСУДАРСТВЕ

2.1. Взгляды славянофилов на сущность власти и государства

Первый, явственный до очевидности вывод из истории и свойства русского народа есть тот, что это народ негосударственный, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного.

К. С. Аксаков

Государственные взгляды славянофилов проистекают из христианского учения о власти и русской исторической жизни. Славянофильский кружок как единство верующих исходил из представлений Священного

Писания и Предания о значении государства и отношениях между верующими и властью. Христианское откровение наполнено апокалипсическими настроениями – ожиданием наступления Царства Божьего на земле. Поэтому первые христианские общины, уходя от мирской жизни и земных забот, в молитве и общих делах ожидали прихода Антихриста и конца света*. В глазах верующего мерк свет земной жизни, в том числе и его отношения с государством. В Новом Завете Иисусом Христом сказано: «Царствие мое не от мира сего». Поэтому истовые христиане жаждали не земного удовольствия, богатства и власти, а небесного царствия – мира любви и добра между людьми. Отрицание государственности со стороны первых христиан возникло из-за их преследования властями Римской империи (I–II вв.) и последующих казней**.

Для спасения своей души и вступления в благодатную жизнь человек по канонам христианства должен внутренне духовно совершенствоваться и жить в любви с другими людьми. Мирские блага тленны и ограничены земным путем человека. Вечны только вера и душа человека, которая соблазняется и искушается земными удовольствиями. По словам Христа, «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Естественно, христианство не отвергает самой земной жизни, но и не придает ей абсолютной ценности. Поэтому и богатый человек может быть принят Богом, но не за его предприимчивость, а за веру, любовь к людям, добрые дела и сострадание. Аналогич-

---

* Ленцман Я.А. Происхождение христианства. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960, с. 115 – 140.

** Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. – М.: Политиздат, 1989, с. 76 – 117.

но отношение христианства и к власти. Власть – создание земного мира, которое несет на себе печать человеческого грехопадения и потому не может быть целью человеческой жизни. При этом сама власть – от Бога, как и все созданное в мире. По этой причине христианство не остается безучастным и равнодушным к государству. Человек в своей жизни неизбежно сталкивается с властью, даже если избегает или ненавидит ее. Коль скоро человеческое общество в земной жизни должно творить добро и избегать зла, то и государство должно ограждать христианские добродетели и способствовать делам веры каждого человека. Поэтому не случайно апостол Петр указывал: «Будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро. Ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей. Как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии. Бога бойтесь, царя чтите»*.

При этом не следует искажать христианское отношение к власти в смысле государственных притязаний на творение духовных дел. Свобода внутреннего духа – вера – должна оставаться делом каждого человека, а не принуждением со стороны государства. Вера по самому ее определению свободна и не может быть вызвана искусственно. Внутреннее духовное деланье, согласно учению отцов церкви и нестяжателей – Нила Сорского, Вассиана Патрикеева, Максима Грека – абсолютно неподвластно никакой силе, кроме Бога. Именно так следует трактовать ответ Иисуса Христа на вопрос лукавых фарисеев: «Как тебе кажется, позволительно ли давать

* Первое послание апостола Петра к римлянам. 2, 13 – 17.

подать кесарю, или нет?» Но Иисус, видя их лукавство, сказал: «Искушаете Меня, лицемеры? Покажите мне монету, которою платится подать». Они принесли Ему динарий. Он и говорит им: «Чье это изображение и надпись?» Говорят ему: кесаревы. Тогда, говорит им, «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»*. В этих словах из Нового Завета говорится не только о необходимости подчинения верующих власти, но и о четком размежевании духовной области, в которой господствует Бог, и светской сферы, где порядок обеспечивает государство, Богом данное. Причем одно не может подменять другое, то есть недопустимо ни огосударствление церкви (цезарепапизм), ни приобретение церковью светских полномочий (папацезаризм).

Следует признать правоту протоиерея Валентина Асмуса, который, толкуя текст Священного Писания относительно царя, приходит к выводу о том, что «христианское государство явилось не как извращение библейского идеала, но как осуществление теократических чаяний Ветхого и Нового Заветов»**. Теократические мечты христиан при этом следует понимать как воплощение в христианском царстве божественных заветов, а не придание государству ореола святости. Бесспорно, что Священное Писание рассматривает власть как Богом учрежденную и данную верующим: «Несть бо власти, аще не от Бога». При этом следует избегать крайностей в восприятии Библии, которые нередко случаются в философских трудах и в государствоведении.

---

* Евангелие от Матфея. 22, 17 – 21.

** Протоиерей Валентин Асмус. Царь в Библии. // Православная государственность: 12 писем об империи // Сборник статей под ред. А.М. Величко и М.Б. Смолина. – Спб.: Изд-во Юрид. Института. 2003, с. 241.

Так, вряд ли можно согласиться с позицией Н. А. Бердяева, что «истолкование этих слов носило рабий характер, ничего общего с христианством не имеющее».

Прежде всего, взгляд Н. А. Бердяева опровергается самим Библейским текстом и святоотеческой литературой. Здесь нет и намека на безразличие христианства к государству и нейтральность Бога по отношению к власти. Да, насмешки иудеев над Иисусом Христом как новым царем и его ответ показывают разделение двух градов – небесного и земного. Но, признавая весь мир творением Бога, нельзя изымать власть из Его ведения. Поэтому все земное, в том числе государство – детище божественного замысла. Жажда власти, как и плотские удовольствия, имеют земное происхождение, а потому изначально греховны и тленны. В попытках иудеев избрать себе царя Бог усмотрел отступление от Него и потому жестоко наказал их за грех*.

К тому же не следует путать историческое развитие государств с христианскими идеалами государственности. Можно найти немало случаев сервилитета церкви и подчинения ее светским монархам. Но тем ярче и светлей становится христианский путь развития государственности – не рабской покорности, а свободы духа людей в церкви и государства как ограждения от зла и греха, царящих в мире. Таким образом, остается констатировать, что бердяевский антиклерикализм сопряжен с очевидными ошибками в толковании христианства.

С крещением Руси русское сознание приняло православную истину о власти и государстве как временных,

---

* Смолин М.Б. Идеал самодержавия как православный тип русской государственной власти. // Сборник статей под ред. А.М. Величко и М.Б. Смолина. – Спб.: Изд-во Юрид. Института. 2003, с. 208 – 212.

земных учреждениях, предназначенных для обуздания зла. Славянофилы лишь открыли причины и суть русского воззрения – как христианского по своему существу – на государственную власть. К тому же некоторые из славянофилов подчеркивали, что и до принятия христианства русский народ в общинном устройстве был близок к первым христианским общинам, основанным на взаимопомощи, общности судьбы, любви и милосердия. Так, К. С. Аксаков замечает: «Еще до христианства, готовый к его принятию, предчувствуя его великие истины, народ наш образовал в себе жизнь общины, освященную потом принятием христианства»*.

Более того, власть в русском мировоззрении представлялась чуждой народу, поскольку мотивы грядущего Апокалипсиса всегда были сильны и прорывались в общественном сознании. К примеру, Н. А. Бердяев, вскрывая противоречия русской души, отмечает: «Все своеобразие славянской и русской мистики – в искании града Божьего, града грядущего, в ожидании сошествия на землю Небесного Иерусалима, в жажде всеобщего спасения и всеобщего блага, в апокалипсической настроенности»**. Когда не за горами Царство Бога, всякая земная власть ничтожна и теряет какой-либо смысл. Нужно отдаться духовной жизни, а не растрачиваться на мирские заботы о совершенствовании государства.

По общему мнению славянофилов, русский народ исторически был «безгосударственен» и не нуждался во власти. Православие и общинная жизнь вели русского человека к поиску высших абсолютов добра и

* Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т.1. – М., 1861, с. 72.

** Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: АСТ, 2004, с. 43. Заметим, что Н.А. Бердяев видел недостаток философии А.С. Хомякова в отсутствии пророчеств и ощущений Небесного Царства.

любви в вере и в нравственной жизни, а не во власти. В душе русского человека смысл жизни связывался с верой во Христа и с исполнением в соборной жизни (в церкви и общине) душеугодных дел, а не с отправлением властных функций.

Для русского народа превыше всего стоит общественный быт и христианская добродетель. Государство как внешний, механический атрибут не обеспечивает людям органически совместной жизни. Они находят ее в соборной церкви, в общине. Приверженность русского народа православию и русская история привели славянофилов к утверждению об аполитичности и безгосударственности русского народа, избравшего для себя духовное совершенствование как идеал всей жизни.

Славянофилы не рассматривают государство как благо и некую ценность. Согласно их учению, государство – неизбежное зло; его необходимость продиктована защитой от внешних врагов для сохранения народа; оно было создано, а то и привнесено на Русь варягами. На Западе, напротив, государству придается первенствующее значение, доходящее до его абсолютизации в жизни общества. И. С. Аксаков замечает относительно европейской концепции государства: «Наука, или та совершенная и замкнутая, со всех сторон отшлифованная и отделанная теория, которая выдает себя за науку, возвещает вам, что в мире нет ничего, кроме мертвого государственного механизма, что все совершается и должно совершаться от власти и посредством власти, в какой бы форме она не проявилась, лишь бы носила она на себе печать внешней законности, что, наконец, сама жизнь, следовательно, и жизнь духа, есть одно из отправлений или функций государства. С точки зрения такой несчастной доктрины, нет места вне порядка государственности никакому сво-

бодному творчеству народного духа»*. Государственный соблазн опасен для народа: он порабощает его духовную жизнь, свободу и стремления к поиску Бога. Но путь к Богу проходит в земной жизни, которая не лишена греха, внешних опасностей и происков зла. Для охраны духовной и общественной жизни русский народ нуждается в сильной и нравственной власти, которая готова избрать для себя тяжкий путь служения ради других.

Внимательное изучение трудов славянофильского кружка, посвященных власти и государству, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, для славянофилов государство не является идеалом, некой высшей ценностью. Оно лишь средство, способ охранения внешнего порядка жизни русского народа, который устремлен к высшей духовной истине. «Государство для русского народа, – заявил И. С. Аксаков в своей речи в связи с коронацией Александра III, – не есть конечная цель бытия, а только средство и способ более или менее мирного и благоденственного человеческого сожительства ради высшей нравственной цели, – сожительства, пред которым преподносится иной образ бытия, предвозвещенный Христом»**.

Н. А. Бердяев усматривал в славянофильстве анархические черты: «Славянофилы не любили государства и власти, они видели зло во всякой власти. Очень русская у них та идея, что складу души русского народа чужд культ власти и славы, которая достигается государственным мо-

* Аксаков И.С. Доктрина и органическая жизнь.//Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 109.

** Аксаков И.С. Речь на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего.// Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 261.

гуществом. Из славянофилов наиболее анархистом был К. Аксаков. "Государство как принцип – зло; государство по своей идее – ложь", – писал он*. Прав русский философ в том, что славянофилы не находят в русской душе любви к власти и потому не придают ей абсолютной ценности. Забота человека должна быть направлена на духовные дела, а не на совершенствование внешнего порядка жизни, которое доверено государству. Разве тот анархист, кто отдает предпочтение духовному совершенствованию, а не власти? К тому же славянофилы указывали на социально-нравственное предназначение русского государства, а именно: охранять жизнь, здоровье, быт православных верующих от внешних врагов и обеспечивать порядок общежития. При сильном неприятии власти славянофилы все-таки подчеркивали условную ценность государства как средства борьбы против земного несовершенства людей и народов, посягающих с оружием на русскую землю. Принуждение же к правде необходимо лишь для нравственно слабых и пошатнувшихся людей.

По поводу анархизма славянофилов Н. В. Устрялов замечает: «Но все же нужно оговориться, что этот анархизм был именно своеобразным, сильно отличным от типических его образцов. Анархизм в буквальном, обычном значении этого термина был чужд славянофильской идеологии. Славянофилы не отрицали государство абсолютным отрицанием, как например, штирнерианство или толстовство, они лишь смотрели на него, как на «необходимое зло», «неизбежную крайность», как постороннее средство, а не цель, не идеал народного бытия. По их мнению, христианство, указав человеку и человечеству высшее призвание вне государства, ограничив государство областью внешнего, значением только средства и

* Бердяев Н.А. Русская идея. – М.: АСТ, 2007с. 166.

формы, а не цели бытия, поставив превыше его начала божественной истины, низвело таким образом самый принцип государственный на низшее, подобающее место. Принуждение само по себе греховно и, в сущности, недостойно человека: нравственное дело должно совершаться нравственным путем, без помощи внешней принудительной силы. Лишь ради слабости и греховности людей необходим закон внешний, необходимо государство»*. Стоит добавить, что сильные мотивы безгосударственности русского национального характера можно найти только у К. С. Аксакова, а не у всех славянофилов, разделяющих мысль о неизбежности государства**.

Во-вторых, славянофилы рассматривали государство как внешний для народа механический агрегат, своеобразную машину. Механичность, искусственность государства проявляется в том, что люди объединяются в нем не добровольно, а по принуждению. Поэтому государство – это искусственная, принудительная организация общества. Органичность присуща русскому обществу, которое в своей бытовой деятельности всецело печется о вере и христианских обязанностях взаимной помощи и любви. Община и церковь в отличие от внешнего и принудительного государства – добровольные, естественные, органичные для России союзы, питающиеся любовью к людям и Богу. И. С. Аксаков замечает: «Как птица, прежде всего, свивает себе гнездо, так и первым действием народов было создать себе внешнюю государственную форму, форму, в которой бы они могли свободно совершать свое развитие и таким образом исполнить свое назначение в

* Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофилов. – Харбин. 1925, с. 17.

** Цимбаев Н.И. Славянофильство. – М.: Изд-во Московского университета. 1986, с. 90 – 170.

человечестве. Общества еще нет, а уже возникает государство над народом, продолжающим жить жизнью непосредственной. Но не выражает ли государство народного самосознания? Нет, оно только есть внешнее определение, данное себе народом; деятельность его, то есть государства, и сфера его деятельности чисто внешние»*.

В-третьих, государство возникает в России как необходимость, вызванная историческими условиями борьбы с агрессивными народами-завоевателями. Образование государства – не прихоть народа, а вынужденный шаг для организации внешнего порядка на Руси.

Русский народ, воспринявший православие, мечтал о достижении христианской благодати в общинной жизни, в которой не место государству. А. С. Хомяков по этому поводу писал: «Просветительное начало, сохраненное для нас византийскими мыслителями, требовало для быстрого и полного развития таких условий цельности и стройности в жизни общественной, которых еще нигде не встречалось; достигнуть же их можно бы было только при такой независимости от влияний внешних, которые невозможны на земле ни одному народу, всегда стесняемому и совращаемому с пути силою и напором других народов. Россия не имела этой цельности с самого начала, а к достижению ее встретила и должна была встретить препятствия неодолимые. Она – не остров среди хранительной защиты моря, но земля, со всех сторон открытая и беззащитная по слабости своих естественных границ и со всех сторон искони окруженная народами, не знающими мира в себе и потому всегда готовыми посягать на мир других. Северные земли славянские и колонии славянские

---

* Аксаков И.С. Народ, государство, общество.//Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 76.

в землях финских призвали вождя иноземного княжить у них, устраивать порядок внутренний в отношениях друг к другу и ограждать тишину внешнюю от нападения недружелюбных соседей*. Коль скоро внешние условия не позволяли русскому народу воплотить в жизни христианскую истину, то закономерно потребовалась организация государства для сохранения народа и предоставления ему свободы духовной жизни.

В-четвертых, славянофилы по сути дела исходят из идеи предопределенности государства и его формы историческими, природными, культурными факторами, что ранее предлагалось Монтескье, Гердером и др. Для них государство – продукт общественной жизни, истории и внешней среды. Поэтому не может быть и речи о заимствовании государственных начал у других народов. Государственность глубоко укоренена в культуре народа. Его внешняя организация, предназначение всегда зависят от национального характера. Ю. Ф. Самарин верно вскрыл национально-исторические корни формы правления: «Какая форма правления есть лучшая? Этот вопрос очень похож на следующий: по какой мерке всего лучше кроить платье? Задайте этот вопрос портному. Он вам ответит, что такой мерки нет и быть не может, а нужно кроить по росту и складу того, на кого шьется платье. Нетрудно применить тот же самый ответ к лорду-мэру и к составителю инструкции. Если бы первый мог отрешиться от своих национальных предубеждений, он убедился бы, что английская конституция как нельзя лучше облекает весь организм Англии именно потому, что она не с чужого плеча на нее набро-

---

* Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с 381.

шена, а ею самую построена по ее собственному вкусу, по ее потребностям и средствам. Он уразумел бы, что самая естественность и законность постепенного образования этой конституции из местных условий Англии представляет сильнейшее возражение против мечты о повсеместной ее применимости*». Основываясь на национально-исторических традициях России, славянофилы выделили ряд особенностей русской государственности:

- Возникновение русского государства было делом добровольным (в форме принятия варяжской легенды). «Общею волею составился союз под княжеским правлением Рюрикова дома», – отмечает А. С. Хомяков**. Завоевание, как в Западной Европе, не лежало в основе русского государства: «Какое бы ни было наше мнение о пришествии варягов: добровольно ли вся Русская земля призвала их, или одна партия накликала на другую, но ни в каком случае это пришествие не было нашествием чужого племени, ни в каком случае также оно не могло быть завоеванием, ибо, если через полтора года так легко можно было выслать их из России, или по крайней мере значительную их часть, то как же могли бы они так легко завоевать ее прежде? Как могли бы так безмятежно держаться в ней против ее воли? При них спокойно и естественно совершалось образование ее общественных и государственных отношений, без всяких насильственных нововведений, единственно вследствие внутреннего устройства ее нравственных понятий. С введением же христианства нравственные понятия русского человека изменились, а вместе с ними и его

* Самарин Ю. Ф. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 267.

** Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России»././ Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 381.

общежительные отношения; и потому все общественное устройство Русской земли должно было в своем развитии принять также направление христианское»*. Борьба вокруг форм государства характерна для европейского общества, поскольку в западном мироощущении государство выступает одной из абсолютных ценностей, поскольку западные государства и возникали в результате завоеваний, которым предшествовала борьба завоевателей и завоеванных. Разобщенность народа, насильственность, принудительность власти и борьба за сословные привилегии, иммунитеты, права – все это факторы развития европейской государственности. В отличие от Запада, на Руси, по мнению славянофилов, идея самодовлеющей государственности иноземного происхождения (варяжского, а позднее, в петровское время, – немецкого и голландского) рассматривалась как ценность более низкого порядка – служебное орудие для обеспечения порядка и внешней правды. И. В. Киреевский пишет об образовании государства на Руси: «Не искаженная завоеванием, Русская земля в своем внутреннем устройстве не стеснялась теми насильственными формами, какие должны возникать из борьбы двух ненавидящих друг другу племен, принужденных в постоянной вражде устраивать свою совместную жизнь. В ней не было ни завоевателей, ни завоеванных. Она не знала ни железного разграничения неподвижных сословий, ни стеснительных для одного преимуществ другого, не истекающей отсюда политической и нравственной борьбы, ни сословного презрения, ни сословной ненависти, ни сословной зависти»**.

---

* Киреевский И.В. Разум на пути к истине. – М.: Правило веры, 2002, с. 160.

** Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. // Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с 201 – 202.

- Функции русского государства исторически были ограничены охраной внешних границ и обеспечением внешнего порядка – внешней правды. О функциях государства А. С. Хомяков писал: «Все, что можно разобрать в первых началах истории русской, заключается в немногих словах. Правительство из варягов представляет внешнюю сторону; областные веча – внутреннюю сторону государства. Во всей России исполнительная власть, защита границ, сношения с державами соседними находятся в руках одной варяго-русской семьи, начальствующей над наемною дружиной; суд правды, сохранение обычаев, решение всех вопросов правления внутреннего предоставлены народному совещанию»*.

- Русское государство должно не вмешиваться в дела земли – русского народа. Как точно отметил И. С. Аксаков: «Нет ничего опаснее и вреднее политического элемента, к которому так влекутся наши публицисты. Мы говорим здесь не о критике явлений политического мира, которая есть неотъемлемое право общества, но о политическом элементе как начале внешнего принуждения, внешней условной правды, внешней организации, какой бы формы последняя не имела»**. Действительно, внешнее принуждение не должно быть ведущим мотивом общественной жизни. Общество должно жить свободной духовной и внутренней жизнью, а не отравляться формализмом и подавлением инициативы.

- В русской государственности отчетливо проявляются черты народоправства – в призывании варягов и

---

* Хомяков А.С. О старом и новом.// Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с 213.

** Аксаков И.С. Народ, государство, общество.//Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 88.

избрании на престол в 1613 г. Михаила, мирском суде и вечевом устройстве.

- Русское государство, по мнению славянофилов, чуждо идее подчинения себе религии и церкви. Между ними и государством не может быть борьбы и конкуренции: у них разное предназначение в мире. Прав Н. А. Бердяев в трактовке взаимоотношений церкви и государства: «Верно понятый дуализм царства Кесаря и царства Божьего, духа и природы, духа и организованного в государство общества может обосновать свободу»*. Тем не менее, государство и церковь едины в движении к христианской жизни: государство охраняет добро от проявлений зла во внешнем быте, а церковь во внутреннем строении человеческой души уберегает ее от зла и греха и ведет по пути любви и единства.

- История русской государственности выглядит органичной вплоть до петровских реформ. Хотя взгляды славянофилов на петровские реформы разнятся, но в целом все они едины в том, что дух этих реформ и их форма были противны русской культуре и насильственно сломали вековые устои русской жизни. Так, А. С. Хомяков по сути дела отчасти признает закономерность петровских реформ: «Явился Петр, и, по какому-то странному инстинкту души высокой, обняв одним взглядом все болезни отечества, постигнув все прекрасное и святое значение слова государство, он ударил по России, как страшная, но благодетельная гроза. Удар по сословию судей-воров; удар по боярам, думающим о родах своих и забывающих родину; удар по монахам, ищущим спасения в кельях и поборов по городам, а забывающим Церковь, и человечество, и братство Христианское. За кого из них заступится История? Много ошибок помрачат славу преобразователя России,

* Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. – М.: АСТ, 2006, с. 51.

но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы. Средства, им употребленные, были грубые и вещественные; но не забудем, что силы духовные принадлежат народу и Церкви, а не правительству; правительству же предоставлено только пробуждать или убивать их деятельность каким-то насилием, более или менее суровым. Но грустно подумать, что тот, кто так живо и сильно понял смысл государства, кто поработил вполне ему всю личность, так же как и личность всех поданных, не вспомнил в то же время, что там только сила, где любовь, а любовь – там, где личная свобода»*. Признавая историческую необходимость борьбы с пороками силами государства, А. С. Хомяков не мог согласиться с тем, что правительство коснулось духовной жизни общества – веры и обычаев предков. Насилие в вопросах веры и традиций бесполезно и губительно для государства. Органичность русской истории И. В. Киреевский противопоставляет западным переворотам и революциям: «И князья, и бояре, и духовенство, и народ, и дружины княжеские, и дружины боярские, и дружины городские, и дружины земские – все классы и виды населения были проникнуты одним духом, одними убеждениями, однородными понятиями, одинаковою потребностью общего блага. Могло быть разномыслие в каком-либо частном обстоятельстве, но в вопросах существенных следов разномыслия почти не встречается. Таким образом, русское общество выросло самобытно и естественно, под влиянием одного внутреннего убеждения, Церковью и бытовым преданием воспитанного»**.

* Хомяков А.С. О старом и новом.// Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 220.

** Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России.//Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 202.

Наряду с призывами охранять традиционные основы русской жизни славянофилы провозглашали естественный ход исторического развития. Рациональные попытки переустройства общественной жизни славянофилы считали бесперспективными и опасными. Современная вера во всемогущество разума и проекты усовершенствования государственного порядка были чужды концепции славянофилов. Они тонко предчувствовали грядущие катастрофы в Европе и в России, которые были построены на рациональных теориях социалистической и реформистской ориентации. Рациональным проектам присущи недостатки рационализма: потеря связи с реальностью, забвение иррациональных начал культуры (веры, традиций, архетипов), недооценка естественного течения истории народа. Вряд ли можно признать правоту и успехи революций в России начала и конца XX в. Распространенные ныне теории социального конструирования – опасные идеи экспериментов с человечеством. Ограниченность разума не позволяет предвидеть грядущие метаморфозы общественной жизни и адекватно учитывать роль сверхрациональных сил человеческой культуры. Так, невозможно рационально объяснить стойкость и героизм, жертвенность русского духа. Победа в Великой Отечественной Войне, как и в Отечественной войне 1812 г. – это победа духа народа, а не стратегии и военного искусства. Следуя рациональной логике, построенной на сохранении собственной жизни и комфорта, невозможно представить себе таких героев, как Александр Матросов, защитники Брестской крепости, блокадники и 26 миллионов других героев фронта и тыла. Современная Россия, пережившая смутное время 90-х гг. XX столетия, обязана своим существованием жертвенности нашего народа, который в условиях кризиса и хаоса экономической и по-

литической жизни продолжал – в работе и быту – борьбу за жизнь детей и своих близких.

В-пятых, поскольку русская душа прилепилась к православию и ожидает Царствия Божиего, постольку православный не жаждет власти и не желает осуществлять ее как один, так и совместно с другими. Поэтому политический идеал славянофильства связан с самодержавием, которое берет на себя тяжкое бремя власти-служения ради остальных членов русского общества*. Как справедливо заметил К. С. Аксаков, «русский народ, отделив от себя государственный элемент, предоставив полную государственную власть правительству, предоставил себе жизнь, свободу нравственно-общественную, высокая цель которой есть общество христианское**». Самодержавие обусловлено религиозно-нравственным мировоззрением русского народа. Отдавшись всей душой христианству, русские люди не стремятся во власть и не борются за нее. Они вверяют власть внешнего порядка в руки избранного ими князя или царя, который, жертвуя собой ради России, всю жизнь несет свой крест. Идеалы республики и конституционной монархии славянофилы отвергают как противные русской духовной жизни. Вот что пишет Ю. Ф. Самарин по поводу заимствования чужих политических форм: «Доискиваться единой, все-совершенной и безусловно применимой формы правления – такое же заблуждение в области политики, какое в области политической экономии – стремление к изобретению непреложного мерил ценности. Достоинство всякой формы заключается в полнейшей ее гармонии с содержанием. Чем свободнее форма облекает содержа-

* Величко А.М. Философия русской государственности. – Спб.: Издательство Юрид. Института. 2001, с 220 – 236.

** Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т.1. – М., 1861, с. 73.

ние, чем вернее проявляет собою сущность его, тем лучше форма и тем она прочнее»*.

Русский народ, уповая на свет православия, никакой иной формы государственного правления, кроме самодержавия, не приемлет. Следуя мысли славянофилов, русский народ избрал самодержавие как форму государственной жизни, оставив себе свободу внутренней жизни духа.

По мысли славянофилов, христианский поиск духовной жизни русского народа не мыслим без признания самоценности власти и государства. Государство – служебное орудие для сдерживания сил зла и охраны порядка, и в этом смысле оно богоугодно и ценно. Однако никакой тяги к власти в русской душе нет. Власть отдаляет человека от духовного деланья и соблазняет его. И. С. Аксаков отметит: «Русский народ, подтверждаем снова, чужд всякого поползновения к политическому державству; он желает себе лишь свободы быта, свободы внутреннего общественного служения и самороста, свободы жизни и деятельности»**.

В западной культуре, напротив, торжествует жажда власти как действенная сила для юридического и физического подчинения людей. На подсознательном уровне европейский человек увлечен идеей власти государства, которое после Реформации порабощает личность своими соблазнительными преимуществами – силой, материальным благополучием и самоутверждением. Любопытно, что разрушение в Европе традиционных религиозных, сословных и семейных ценностей, по мнению западных философов и психологов, приводит к формированию слабой личности,

* Самарин Ю. Ф. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 278.

** Аксаков И.С. Речь на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего.// Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 263.

не испытывающей уверенности в стабильной жизни. Потерявшая веру, утратившая традиционные ценности личность находит опору в безграничной демонической власти*.

По мнению славянофилов, русский народ, не испытывая аномального влечения к власти, отстраняется от политической борьбы и вверяет государственные дела Божьему избраннику – царю. Отрицая безбожное правление так называемого большинства в современных республиках, славянофилы отстаивают идею самодержавия. При самодержавии властью облачается человек с необходимым духовным стержнем, соединяющий в себе жертвенность и заботу о народе с любовью и кротостью – самодержавный царь.

В литературе, посвященной славянофилам, отдельные авторы (Н. В. Устрялов, Н. А. Бердяев) оспаривают славянофильскую идею безгосударственности русского народа, отмечая имперские черты русского государства – обширная территория, полиэтнический состав, агрессивность политики. Так, Н. А. Бердяев пишет: «Какую бы идеологию ни строить, остается факт, что Россия создала могущественную империю – империю расширяющуюся и агрессивную. Русская историческая власть движется духом империализма, пафосом могучего земного царства. Славянофильская идеология всегда была чуждой русской власти. Эта власть никогда не была смиренной, она была полна гордости и самоутверждения... Бюрократизм и абсолютизм славянофилы целиком относили на счет петербургского периода русской истории, считали изменой русским началам»**. Действительно, чем можно объяснить колонизацию востока России и ее многонациональный состав?

---

* Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2003, с. 45 – 86.

** Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Алексей Степанович Хомяков. – М.: АСТ, 2007, с. 397.

Агрессивность политики русских императоров славянофилы объясняли петровским подражанием Европе и созданием полицейской, бюрократизированной системы управления. Соглашаясь с имперскими притязаниями России, нельзя обойти стороной уникальность ее национально-географического состава. Территории и народы, вошедшие в состав России, присоединялись к ней не силой оружия и путем агрессии, а добровольно, по желанию народностей, обращавшихся к русскому народу за помощью (армяне, грузины, алтайцы и др.). Известный исследователь отечественной политико-правовой мысли В. А. Томсинов подчеркивал, что «выраженная в послании Феодосия Печерского этническая терпимость, отношение к представителям всех этнических групп как к людям, хотя и чужой веры, но имеющим равные права с православными русскими на житейские блага и защиту от бедствий, насилия, станет доминантой русского политического и правового сознания на все последующие эпохи русской истории. Благодаря ей в поле этого сознания никогда не будет места расовым, националистическим теориям, проповедующим превосходство какой-либо этнической группы над другими. Именно этническая терпимость позволит русскому народу создать империю, удивительное государственное образование – государство-мир, в рамках которого сохраняют себя, объединяются в одно общество сотни различных народов и народностей»*.

К тому же Россия никогда не проводила политику дискриминации и ограничений по отношению к народам России; исключения составляют сталинские репрессии в отношении немцев Поволжья и кавказских народов в пе-

---

* Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли X–XVIII века. – М.: Издательство Зерцало, 203, с. 26.

риод военного времени. Победы русского оружия давались ценой непоколебимого православного духа русского народа, а не путем варварской агрессии. Преимущественно все войны в истории России носили оборонительный или освободительный характер и никак не походили на агрессивные попытки захвата чужой территории, присоединения населения и присвоения богатств. В этом смысле Россия близка Китаю и Индии, которые при ограниченности ресурсов и перенаселении не борются за новые земли и ресурсы, в отличие от европейцев (испанцев и португальцев в эпоху Великих географических открытий и англичан в XVIII – XX вв.), а также американцев в конце XX – начале XXI вв. Как верно подметил Н. Я. Данилевский, китайцы изобрели порох и компас, но так и не использовали их для войны и открытия новых континентов*.

Однако ошибочно было бы считать славянофилов сторонниками имперской государственности. Так, В. В. Мазуров пишет: «Сопоставляя различные концепции образования русской империи, славянофилы и консерваторы сходятся во мнении, что объективные условия ее генезиса начинают формироваться со времен правления князя Олега (после 882 г.) и прямо связаны с географическими, этнокультурными, политическими и военными условиями. Автор разделяет общее мнение славянофилов и консерваторов о том, что формирование государства на принципах создания империи было единственно возможным вариантом развития, защиты и сохранения русской государственности**».

---

* Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Издательство Эксмо, 2003, с. 74 – 95.

** Мазуров В.В. Имперская идея в государственно-правовых учениях России. Автореферат на соискание ученой степени к.ю.н., Ростов-на-Дону. 2008. с. 17.

Толкование В. В. Мазурова расходится с государственным мировоззрением славянофилов. Имперская идея, как признает сам автор, предполагает распространение государственной власти и идеологии на максимально возможную территорию. Славянофилы же считали государство неизбежным злом, видели его необходимость только для защиты народа от внешнего врага и для обеспечения внутреннего мира и не считали его средством завоевания и порабощения. По сути дела миграция русского населения до Дальнего Востока и Аляски происходила благодаря активности народа, а не деятельности государства. Имперские идеалы были чужды славянофилам, что блестяще доказал Дмитрий Хомяков, связывая империю с культом власти и материального благополучия (наглядный пример – Римская империя, ставшая образцом для Европы и России Петра I). Д. А. Хомяков справедливо замечает: «Римские императоры являют из себя не органическое, а утилитарное явление: они преемственные диктаторы, появившиеся тогда, когда весь состав республики сделался колоссальной аномалией, поддержать такую можно было лишь тем средством, которое в древнем же Риме применялось только в минуты исключительной опасности. Опасность распада сделала хронической и она вызвала учреждение хронического диктаторства Империи. Кесарство римское обратилось со временем в вечный идеал, к которому «внутренне» стремится всякий властитель, европейски воспитанный, могущий и не могущий его осуществить. Всякая иная власть: королевская, царская и т.п. с тех пор кажется уже всегда не полной, ибо только императорско-римский абсолютизм выражает собою чистую идею ничем не стесняемой неограниченной власти, почитающей себя «альфой и омегой всякой человеческой

деятельности», источником благ, эманацией Божества. Римские императоры, естественно, должны были обожествляться, обожествляются также и все их подражатели и последователи»*.

Имперская идея и славянофильский государственный идеал резко расходятся. Во-первых, империя является искусственным образованием, появившимся в ходе завоевания. Русское же государство складывалось органично, и присоединение новых территорий происходило в нем, как правило, мирным путем в ходе колонизации Востока. Во-вторых, император является никак не ограниченным монархом, тогда как русский самодержец ограничен православно-нравственными путями и народным доверием. В-третьих, власть императора обожествляется, тогда как славянофилы не считали власть царя божественной, выводя святость самодержавия из жертвенности царя и бремени его власти. В-четвертых, империя основывается на культе власти, а русское самодержавие не совместимо с властолюбием. Власть царя носит служебный характер, это не право, не привилегия, а подвиг, служба.

Вместе с тем славянофилы полностью не отрицали государственных начал в русском национальном характере. Они отмечали такие качества русского менталитета как терпимость и кротость по отношению к государственной власти. Несмотря на жестокость власти, временами даже на тотальное порабощение личности властью, народ оставался смирен и терпел эти притеснения, понимая, что без власти Русь-Россию ждет опасность уничтожения внешними врагами или внутренними смутами,

---

* Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. – Монреаль: Изд-во Братства Преподобного Иова Почаевского, 1982, с. 100 – 101.

как это было в Смутное Время, когда Москва вынуждена была присягнуть польскому царевичу Владиславу ради спасения отечества*. Так что народ покорялся власти как фактору национального благоденствия, в отсутствие которого Россия могла стать добычей врага.

Интересны размышления Р. В. Насырова: «Образ святых Бориса и Глеба является символичным и подготавливает национальное сознание зарождающейся российской державы к будущей трагической (мученической в религиозном смысле) истории. Это не означает, что покорность и христианское смирение в их пассивной форме выражения полностью определяют суть национального самосознания и содержания самой отечественной истории. Эти качества могут проявляться в разных формах, не только в бездействии, но и в активном действии. Установлению на Руси монгольского ига предшествовало героическое сопротивление иноземцам, а поражение объяснялось одной из главных причин бед в российской истории – отсутствием формы, организации. В условиях, когда русские князья попали в жесткую вассальную зависимость от ханов Золотой Орды, именно существование особой, автономной по отношению к государственной, церковной власти и организации и позволило самосохраниться молодой российской государственности»**.

Несмотря на трепетное отношение к вере, славянофильское мировоззрение в вопросе государственности

* Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. – М.: ООО Фирма СТД, 2008. 784 с.

** Насыров Р.В. Христианская трактовка сущности государства (в аспекте соотношения светской и духовной властей)// Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма. Межвузовский сборник статей/Под ред. В.Я. Музюкина и В. В. Сорокина. – Барнаул. 2009,с. 123.

не совпадает с теологическими концепциями власти*. В работах славянофилов нет и намека на богоустановленность власти и самодержавия. Скорее, они рассматривают власть в качестве земной, условной ценности, но не как Богом данного учреждения. Сама форма государства определяется духовным складом народа, его историей и традициями. Как верно пишет Н. В. Устрялов: «Славянофильство не может быть причислено к разряду известных науке государственного права «теологических теорий власти». Оно не обожествляет власти, равно как и не устанавливает прямой связи между нею и божеством. Оно превращает ее в особый нравственный подвиг и только таким образом, условно и косвенно, дает ей религиозную санкцию»**.

В вопросе обожествления власти славянофилы расходятся с официальным богословием. Так, архиепископ Серафим (Соболев) выразил божественное происхождение царской власти в России следующим образом: «... одной из основ возрождения России является царская самодержавная власть. Будем свидетельствовать, что никакая иная форма правления в России не приемлема, что наш государственный строй только может быть сообразным православной вере русского народа, так как только об этой власти говорят нам богооткровенные писатели и св. отцы как о происшедшей от Бога, свидетельствуют о ее неприкосновенности, требуют почитания ее, которое должно выражаться в наших мо-

---

* Об обосновании в православии богоучрежденности власти и самодержавия см: Смолин М.Б. Идеал Самодержавия как православный тип русской государственной власти//Православная государственность: 12 писем об Империи/Сборник статей под ред. А.М. Величко, М.Б. Смолина. – СПб.: Изд-во Юрид. Инс-та, 2003, с. 206 – 229.

** Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофилов. – Харбин. 1925, с. 32.

литвах за царя и его власть как основу благоденственной жизни и в нашем ей повиновении»*.

Славянофилы же не придавали божественных, мистических, черт самодержавию. К примеру, Ю. Ф. Самарин отмечал: «Закон Божественный благословляет власть государственную *вообще* и вменяет каждому лицу в обязанность покоряться ей, потому что государственный строй (*тот или другой*) как существенное условие общежития служит к достижению предначиненных человечеству целей. В этом смысле: «Несть власть, аще не от Бога». Но что такое *власть* и что признавать властью? Этого вопроса церковь не решает. Он до нее не касается. Спаситель и апостолы создали церковь и дали человечеству учение об отношении человека к Богу, но они не создавали государственных форм и не писали конституций. Выработать себе государственную форму, монархическую, ограниченную или неограниченную, аристократическую или республиканскую – это дело самого народа. Каждый народ создает себе *власть* по своим потребностям и убеждениям, и эта власть, им поставленная, получает значение власти, *обязательной* для каждого лица, к тому народу принадлежащего»**.

Возможно, то, что славянофилы придавали власти земное значение, объясняется следующими причинами. Во-первых, искажением идеала самодержавия в петербургский период русской истории, когда власть превратила церковь в один из органов государства. Вряд ли можно оправдать реформы Петра I, касающиеся церкви, их божественным происхождением. Поэто-

* Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. Историко-религиозный очерк. – СПб, 1994, с. 85.

** Самарин Ю. Ф. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 314.

му славянофилы не могли признать императора помазанником Бога.

Во-вторых, славянофилы отмечали, что исторически власть на Руси устанавливалась по воле народа: призвание варягов в 862 г. и избрание Земским Собором Михаила Федоровича русским царем в 1613 г., то есть славянофилы не делали акцента на вмешательстве Бога.

Наконец, власть в понимании славянофилов – детище земной жизни, которое несет на себе печать несовершенства и греха, и потому власть не может быть абсолютно святой. В то же время тяжесть бремени власти превращала русского царя в нравственную, святую личность. Относительно бремени власти, граничащей с духовным подвигом ради других, Д. А. Хомяков писал: «Народ, живущий верой и бытом, твердо стоит на принципе Самодержавия, т.е. устранения от политиканства, в котором видит лишь «необходимое (или неизбежное) зло», которое возлагает как бремя на избранное и жертвующее собою для общего блага лицо – Государя, за что и воздает ему и честь, и любовь, соразмерную с величием его царственного подвига, понимая всю оною тяготу, нисколько не умаляемую внешними атрибутами блеска и роскоши, которыми оно обеспечено как средоточие земного величия с его земной показностью»*.

От «Повести временных лет» с легендой о призвании варягов в русскую землю, где порядка нет, до современных социологических опросов русская культура остается верной традиционному архетипу – предпочтению свободы духовной жизни и быта политическим интригам и борьбе за власть. При этом отстранение от политики нельзя воспринимать как недостаток российской культу-

---

* Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. – Монреаль: Изд. Братства Преп. Иова Почаевского, 1982, с. 125.

ры. На самом деле это – достоинство русской культуры, избравшей для себя высокий идеал духовного преображения жизни, а не ведение мелочной, суетной войны за власть и материальный успех.

Известный правовед, представитель евразийства Н. Н. Алексеев, подвергая сомнению идею славянофилов об органичном эволюционном пути развития России, тем не менее, признавал аполитичность русского народа: «Снимая романтический флер с русской истории, мы должны сказать, что определяющими силами ее были, с одной стороны, силы, организующие государство, силы порядка, с другой, – силы дезорганизующие, анархические, внешне выражающиеся в различных проявлениях русской смуты. Особенностью русской истории является то, что смута эта не была попыткой организации вольности в пределах государственного порядка, но представляла собою вечный выход ее из государства в дикое поле и в темные леса. Уход от государства есть первостепенный факт русской истории, который физическое свое воплощение нашел в казачестве и свое нравственное оправдание – в различных политических воззрениях, оправдывающих бегство от организованных политических форм общественной жизни»*. Выдающийся русский историк В. О. Ключевский считал, что одним из решающих факторов в истории России выступает колонизация: первоначально северо-западных территорий, а впоследствии – Сибири и Дальнего Востока**.

Пафос славянофильства заключается в возвышении духовности, нравственного идеала в человеке. Заботы и мысли о власти не позволяют человеку продвигаться по пути к небесному миру. Для него

* Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998, с. 75.

** Ключевский В.О. Русская история. – М.: Эксмо, 2008, с. 35 – 60.

власть – тяжкая и подвижническая доля, удел жертвующих собой государей и служащих. Удивительно верно слова «государственная служба» передают ответственность и обременительность властных полномочий и служебное назначение государства по отношению к Отечеству и народу.

2.2. Самодержавие – государственный идеал славянофилов

Преданность самодержавию в сфере политической пропорциональна сравнительному индифферентизму народа к делам мира всего вообще, а следовательно, силе его интересов в высшей области духа (чистой человечности).

Д. А. Хомяков

В мировоззрении представителей славянофильского движения единственной возможной формой правления для России является самодержавие. Даже одно время сомневающийся И. В. Киреевский признавал: «Русский человек любит своего царя. Это действительность несомненная, потому что очевидная и ощутительная для каждого»*. Русский народ, отказавшийся от политической жизни ради духовного спасения, в земном мире нуждается во власти – хранительницы мира от зла и пороков. Но коль

---

* Киреевский И.В. Записка об отношении русского народа к царской власти. // Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 33 – 34.

скоро весь народ отстраняется от власти, то естественно, что государство вверяется в руки одного человека, который ни с кем не разделяет своих властных полномочий. В государственном плане идеал для славянофилов – неограниченное законом самодержавие, чутко оберегающее духовный мир русского народа от проникновения зла, политиканства, материального порока.

Российское самодержавие выступает формой народного менталитета, отражает его мечту о духовной свободе в поисках царствия Божьего. Политика отвлекает человека от нравственных дел и веры, приземляет его мир до материальных успехов и благополучия. Поэтому в политике человек подвержен искушениям и соблазну и постепенно отдаляется от Бога в мирских заботах и делах. Власть не прельщает русского человека своим внешним блеском и могуществом, так как в его глазах земные блага тленны, а истинный смысл человеческой жизни в духовном подвижничестве. Знаток славянофильства Н. В. Устрялов подметил: «При самодержавии народ свободен. Славянофилы думали даже, что только при самодержавии он свободен воистину. Он всецело предоставлен самому себе. Он не вмешивается в область правительственной власти, но зато и правительственная власть должна уважать его внутреннюю жизнь»*.

Д. А. Хомяков, сравнивая западного и восточного человека пишет: «Но именно этот «гром земли» никогда не оглушал вполне восточного человека, всегда понимающего, что есть интересы выше этой земной мишуры и что настоящая цель человека – это проявление внутренней свободы и охранения ее не столько от так называемой политической зависимости, сколько от зависимости от по-

---

* Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофилов. – Харбин. 1925, с. 25.

гложения интересами политическими, тем, что на Западе выражается словом «цивилизация». Восточный человек искал просвещения, а западный – цивилизации, т.е. просвещения же, но на почве градостроительства, обращения человека в гражданина... Русский народ в отношении духовном ближе стоит к жителям разноплеменной Азии»*.

В своих трудах относительно самодержавия славянофилы сформулировали ряд характерных черт самодержавного строя.

1. Русское самодержавие обусловлено христианским сознанием народа, ищущего не земного, а божественного, святого, духовного в мире. Самодержавие для славянофилов – отражение народного духа, доверившего власть верховному и неограниченному законом властителю ради освобождения себя от тягостей политической жизни. В силу этого политический идеал славянофилов можно назвать народной монархией. Народный характер русского самодержавия А. С. Хомяков выразил в следующих словах: «Когда после многих крушений и бедствия русский народ общим советом избрал Михаила Романова своим наследственным государем (таково высокое происхождение императорской власти в России), народ вручил своему избраннику всю власть, какую облечен был сам, во всех ее видах. В силу избрания, Государь стал главою народа в делах церковных, так же как и в делах гражданского управления»**.

Сын А. С. Хомякова, Дмитрий Алексеевич Хомяков, так трактовал своеобразие русской политической формы: «Таким путем получают два народных типа: один, нуждающийся в Самодержавии духовном и не терпящий

* Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. – Монреаль: Изд. Братства Преп. Иова Почаевского, 1982, с. 115.

** Хомяков А.С. Собр. соч. Т. 2, с. 36.

его в области политической: это Запад эллино-римской культуры; и другой – Восток с Россией во главе, твердо стоящий за самодержавие гражданское, но не терпящий никакого властного вмешательства в дела духа и даже почти не понимающий такового. В одном случае Самодержавие государственное и республика в области духа; а в другом Самодержавие духовное и республика в области гражданской»*.

2. *Власть самодержца не ограничена юридическими нормами, поскольку между народом и царем не может быть формальных гарантий, а существует нравственная связь – доверие друг к другу.* Вот что по этому поводу писал Ю. Ф. Самарин: «Мы твердо убеждены, что все современные толки о перемене формы правления не что иное, как пустая болтовня, чуждая не только правды, но даже искренности. России нужно не то. После освобождения крестьян, которое могло быть исполнено успешно и мирно только самодержавной властью, нам нужны: веротерпимость, прекращение полицейской проповеди против раскола, гласность и независимость суда, свобода книгопечатания как единственное средство выгнать наружу все зараженные соки, отравляющие нашу литературу, и через это самое вызвать свободное противодействие искренних убеждений и честного здравомыслия. Нам нужны: упрощение местной администрации, преобразование наших налогов, свободный доступ к просвещению, ограничение непроизводительных расходов, сокращение придворных штатов и т. д., и т. д. И все это не только возможно без ограничения самодержавия, но скорее и легче совершится при самодержавной воле, чуждой страха и подозрительности, понимающей свою несокрушимую силу и потому

---

* Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. – Монреаль: Изд. Братства Преп. Иова Почаевского, 1982, с. 122.

внимательной к свободному выражению народной мысли и народных потребностей»*.

В дальнейшем многие мыслители подхватили идею неограниченности самодержавной власти. Так, М. Б. Смолин на основе работ Л. Тихомирова, В. Д. Каткова и П. Е. Казанского формулирует следующую мысль: «Законы для Верховной Власти имеют – очевидно – лишь нравственное значение. Как только нравственная правда закона перестает работать, как только закон перестает обеспечивать поддержание правды в обществе, так в отношении такого закона Верховная власть теряет необходимость самоограничиваться и либо изменяет, либо отменяет его вовсе. Самодержец владеет Верховной Властью не для утехи вседозволенностью, а для исполнения своего долга и пробуждения других к его исполнению. Поэтому, собственно, будучи ограниченным самой сущностью монархического принципа, Самодержец должен быть образцом служения долгу, правде»**.

3. Самодержавная власть передается по наследству, что ограждает от прихода к власти, с помощью насилия и борьбы, незаконных преемников, неприсутствующих к несению тяжкого бремени государственного дела. «Наследственность высшей власти – особенно по душе русскому человеку, – указывает Д. А. Хомяков, – во-первых, потому, что еще более удаляет от необходимости совершать избрание, что опять-таки форма политического действия, и, во-вторых, потому, что наследственность власти дает союзу с ее народом характер «ограниченности всего строя», при

* Самарин Ю. Ф. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 314.

** Смолин М.Б. Идеал Самодержавия как православный тип русской государственной власти//Православная государственность: 12 писем об Империи/Сборник статей под ред. А.М. Величко, М. Б. Смолина. – СПб.: Изд-во Юрид. Инс-та, 2003, с. 228.

которой личные черты властителя сглаживаются фактом «прирожденности», следовательно, гармоничной связи, которая по народному понятию, крепче, чем связь только утилитарная, при которой власть будто бы поручается всегда лучшему. Лучший для народа тот, кто органически вырос во властителя, хотя бы другой был и умнее и способнее: ибо относительные достоинства человека не исчерпываются одним формальным умом»*.

4. Самодержавная власть ограничивается, обрамляется нравственным долгом царя и доверием народа. Можно сказать, что между царем и народом в России сложилась органическая нравственная связь, которая оберегается как самодержцем, так и обществом. Царь не всевластен и не абсолютен в своем государевом деле. Его забота – благо народа всеми силами и средствами. В своей речи И. С. Аксаков раскрывает нравственное ограничение самодержавного строя: «Не скрыта от мудрости немощь человеческого естества, возможность греховных уклонений или падений, да и не ищет он безрассудно совершенства в делах земных, но споспешествует им молитвою, нравственным подвигом жизни, ждет, долготерпит, и веруя в благую мощь Божией правды, неуклонно верует и в святыню души, и совести человеческой. «Верой в человека» любят рядиться порой на Западе так называемые гуманисты, но эта их вера лишена нравственной божественной основы, а потому посрамляется ежечасно. Ни в одном народе не живет эта вера с такой силой, как в Русском; высшим ее проявлением и служит полнота власти, которой облечены его самодержцы. Не бездушным, искусно сооруженным механизмом является власть в России, а с человеческой душой и сердцем...

* Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. – Монареаль: Изд. Братства Преп. Иова Почаевского, 1982, с. 122.

В том-то вся и сущность союза царя с народом, что божественная нравственная основа жизни у них едина, единый Бог, единый Судия, един Господень закон, единая правда, единая совесть. На совести, на вере в Бога и на страхе Божиим утверждаются их взаимные отношения, и вот почему ни для царской власти, ни для народного послушания не существует иных ограничений, кроме заповедей Господних»*.

По мысли славянофилов, юридические гарантии в отношении власти бессильны и делают нравственные отношения царя с народом формальными, устанавливая лишь узкие и хрупкие правовые связи. Там, где имеет место внешняя правда (закон), теряется живое, органическое доверие между людьми. Общество и власть противопоставляются друг к другу, поскольку между ними нет больше доверия. Таким путем пошла Европа, выдвинув теорию общественного договора, чтобы в условиях борьбы, отчуждения и недоверия найти взаимовыгодный компромисс.

Сила самодержавия в России не в законе и принуждении, а в вере народа. Константин Аксаков восклицал: «Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет ничего доброго, чем стоять с помощью зла. Вся сила в идеале. Да и что стоят условия и договоры, коль скоро нет силы внутренней?.. Вся сила в нравственном убеждении. Это сокровище есть в России, потому что она всегда верила в него и не прибегала к договорам»**.

---

* Аксаков И.С. Речь на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего.// Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с 261.

** Аксаков К.С. Собрание сочинений. – М., 1889. Т. I, с. 18.

Любопытно, что с точки зрения славянофильского учения концепции общественного договора и правового государства не выдерживают никакой критики. Юридическое самоограничение власти договорами или законами – колосс на глиняных ногах, который в любое мгновение может рухнуть. Юридические рамки не выражают совести и веры человека, от которых зависит каждый поступок как власти, так и народа. По сути дела правовое государство – это политический миф, обеспечивающий мнимое и лишь кажущееся уважение народа к власти в западных странах. Действительно, разве не способна власть, издавшая закон, отменить его? Какие юридические гарантии помешают ей снять с себя ограничения? Границы задаются зовом человеческой совести, которая одна способна сдержать внутренние порывы зла.

5. *Самодержец – человек, несущий гнет власти, а потому почитаемый народом как человек нравственно-го подвига.* Иван Сергеевич Аксаков справедливо указывал: «Русский венец, или жезл правления, не игралище периодических выборов, не предмет добычи для борющихся партий – способом насильственного или искусственного захвата. При благословенном наследственном образе нашего правления Царь приемлет власть не своим честолюбивым или властолюбивым хотением, а по произволению Божьему, приемлет как бремя, как служение, как подвиг, Богом ему сужденный»*. В русском отношении к власти нет патологической тяги, жажды господства над людьми и самообожания. Власть дается не для удовольствия и выгод, а для служения обществу.

---

* Аксаков И.С. Речь на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего.// Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 262–263.

В противном случае, это не власть, а вырождение, нравственная деградация.

А. С. Хомяков описывает так национальное мироощущение по поводу власти: «Государство, скрепляясь в своем единстве для исполнения потребности разумной и неотвратимой, никогда не теряет из вида своего несовершенства и, сохраняя язык и чувство смирения, не допускает в себя ни гордости, ни самоуспокоения. Ему неизвестны ни древние триумфы, ни торжества самодовольной силы, ни притязания на святость, как в Святой Римской Империи... В народе пороки, следствие невежества или увлечения страсти, не оправдывали себя пред судом совести или закона божественного призраками самосозданных законов, и никогда личное или общественное самодовольство не наряжало себя в мишурный блеск мнимоправедной гордости»*.

По сути дела бремя власти, вверенной царю, превращает его жизнь в подвижничество, схожее с русским старчеством, только в области земного порядка. Н. В. Устрялов так охарактеризовал нравственное бремя самодержавного правителя: «И вот царь, живой русский человек, человек из народа, берет на себя народом на него возложенное бремя власти, государствования. Во имя служения Земле он как бы отрекается от себя и посвящает себя тем делам государственным, которым так чужд по природе всякий русский человек... На венец царя славянофилы смотрели, как на своего рода мученический венец, жертвенный символ самоотречения»**.

* Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России.» // Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 405–406.

** Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофилов. Харбин. 1925, с. 14.

Тягость власти венценосного самодержца А. С. Хомяков отразил в стихах:

А ты, в смирении глубоком
Венца принявший тяготу,
О, охраняй неспящим оком
Души бессмертной красоту!

6. *Функции царя ограничиваются охраной порядка и мира от внешних угроз и проявления зла со стороны людей. Обществу, земле предоставлена свобода духа и быта.* Дмитрий Алексеевич Хомяков в следующих своих рассуждениях раскрывает отношения между государством и обществом: «Древнерусское понятие о земле и государстве было такое живое, что ни народ, ни Царь ни минуты не задумывались насчет взаимоотношения этих двух факторов государственного строя. Земля очень хорошо понимала, что есть государево дело; и что ей в это дело мешаться не подобает без приглашения; но и Царь очень понимал, что такое великое земское дело, и знал, что цель его великого государева дела состоит в том, чтобы дать Земле жить своею земской жизнью. Древнерусские Самодержцы так и смотрели на вещи: они не боялись в народе властолюбия, а напротив, зная, как народ чуждается власти, и вместе с тем, зная, как необходимо общение умственное с народом для правильного «бега родного корабля», понуждали его к разрешению государственных дел, от которых этот самый народ был склонен ”сверх меры уклоняться”»*.

7. *Самодержавие должно опираться на православные идеалы.* Безбожная власть славянофилами отвергалась как власть порочная, дьявольская. Принципы от-

---

* Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. – Монреаль: Изд. Братства Преп. Иова Почаевского, 1982, с. 125 – 126.

деления церкви от государства, светского государства, декларированные современной Конституцией России (1993 г.), славянофилы восприняли бы как ложные, расходящиеся с национальным духом России и с ее историей. Власть, не имеющая религиозной основы, мертва и обречена на катастрофу. Такая власть не имеет духовной перспективы, ограничена земными заботами и не устремлена к высоким нравственным задачам общественного развития. И. С. Аксаков писал о православных началах русской власти в речи по случаю коронации императора Александра III: «Сегодня, во имя Бога и под страхом Божиим, приял единый человек тяжчайшее, хотя и освященное бремя – дар полновластия над братьями-человеками... О, то был дивный и вещий миг, когда, как бы удрученный такою непомерною тягостью, нововенчанный Царь, могущественнейший из владык мира, облеченный во все знамения земного величия, повергся в прах пред величеством Божиим как бранный, немощный человек, как раб Божий и, смиряясь пред неисследимым о нем смотрением Господа, коленопреклоненно, во услышание всем, молил Царствующих: да наставит, да управит Его в великом служении сем, да восполнит Его человеческую немощь, да вразумит Его – что есть угодно пред очами Твоими и что есть право в заповедях Твоих, Господи! Казалось, будто в сей миг, из самой глубины веков, коих этот древний храм – живой свидетель, простерлись над царственной головой незримые благословляющие длани... Когда же вслед за сим, как бы укрепленный силой выше, воздвигся Он во всем сиянии и блеске своего сана, – коленопреклонялись в свой черед все предстоявшие в храме, и устами первосвященника, от имени всего Русского народа, вознесли горячую мольбу к Милосердному Судии царей и поданных – да «не посрамит Господь народного чаяния»

и ниспошлет духа правды и истины, дар разума и премудрости Тому, кому народ вверяет свою судьбу и несет дар самоотверженной преданности и послушания... Это было воистину венчание Царя с Землей, обмен их обетов Господу и друг другу, обетов любви и верности... Это светлый праздник взаимных уз!»*.

В литературе, посвященной политическим идеям славянофилов, высказывается мнение, будто славянофилы к признакам самодержавия относили «широкие социальные функции государства»**. Вряд ли с такой интерпретацией можно согласиться. Прежде всего, славянофилы четко размежевали государево дело по охране мира и поддержанию порядка, с одной стороны, и по свободе духа и быту земли, с другой. Во-вторых, славянофилы были против неуместного вмешательства государства в общественную жизнь. Активный защитник самоуправления и свободы общества И. С. Аксаков писал: «Всякая попытка организовать общество политически противоречила бы самому существу общества, убила бы внутреннюю свободу его развития, внесла бы в стихию его духовной деятельности начало внешнего принуждения. При всем том общество такое имеет значение в организме народа, граждански живущего, что без него бессилен народ и несостоятельно государство»***. Внешнее принуждение, мелочная юриди-

---

* Аксаков И. С. Речь на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего.// Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 259.

** Широкова А. В. Политическая доктрина ранних славянофилов. Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. Барнаул. 1999, с. 22.

*** Аксаков И. С. Народ, государство, общество.// Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 89.

ческая регламентация общественных устоев убивает свободу духа и ущемляет жизнь народа. Поэтому государство должно ограничиваться сферой обороны страны, охраны общества от всплесков зла, то есть теми областями, где целесообразно применение принуждения.

Достоинства самодержавия как формы правления государством славянофилы и их последователи видели в следующих моментах. Прежде всего, самодержавие предоставляет народу свободу духовной жизни. Любая другая форма правления требовала бы участия народа в государственной жизни и отвлекала бы его от христианской веры. Н. В. Устрялов точно подметил: «Ясно, что при таких условиях неограниченная власть может быть облечена только в монархическую форму, ибо всякая другая форма в большей или меньшей степени предполагала бы участие народа в высшем правительственном организме»*.

Далее, сила самодержавия заключается в том, что самодержец несет личную нравственную ответственность за судьбы государства перед народом и Богом. В других формах правления ответственность государства размывается и исчезает. «Самодержавие, – пишет Д. А. Хомяков, – конечно, устраняет некоторые дурные стороны представительного правления. Главное его достоинство заключается в личной нравственной ответственности власти. Но ведь нельзя сказать, чтобы представительное правление «принципиально» уничтожало это начало: оно его ослабляет в лице государя и переносит на ответственного министра»**. Важно иметь в виду, что речь идет о нравственной, а не юридической ответственности само-

* Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофилов. Харбин. 1925, с. 17.

** Хомяков Д. А. Православие, самодержавие и народность. – Монреаль: Изд. Братства Преп. Иова Почаевского, 1982, с. 123.

держца. Юридически самодержец не несет ответственности за свои поступки, поскольку его власть неограниченная и верховная. Славянофилы, оставаясь верными себе, имели в виду нравственный долг царя, который добровольно связывает его узами народного доверия и служения общества. Юридически вызвать любовь царя к народу невозможно, поэтому остается исключительно уповать на совесть самодержавного правителя.

Далее, достоинством самодержавия является стабильность, устойчивость, преемственность власти, переходящей по наследству к детям самодержца. Наследственный характер власти обеспечивает мирный переход престола без политических интриг и борьбы, которые характерны для выборов в республиканских государствах. В то же время будущий наследник вбирает в себя опыт государственного искусства и к моменту венчания на царство готов к тяготам государствования*.

Следующим достоинством самодержавного правления является его народный характер. Между царем и народом существует духовная, нравственная, связь, вера друг в друга, которая сильнее любых юридических гарантий и договоров. Такая вера обеспечивает небывалый авторитет и любовь к царю, единство народа и царя, приближает царя к трудностям народной жизни. Д. А. Хомяков так раскрывает это преимущество монархии: «При таком духовном состоянии народа, или, точнее, при таком настроении народного духа, не может быть места подозрениям между властью и им. Народ не подозревает власть в наклонности к абсолютизму, ибо он считает власть органической частью самого себя, выразительницей его самого, неотделимой от него; и потому самому ему

* Величко А.М. Философия русской государственности. – СПб.: Изд-во Юрид. Института, 2001, с. 232.

не придет никогда в голову мысль об ее формальном ограничении, пока он не поймет возможности того, что власть может от него отделиться, стать над ним, а не жить в нем. Власть вполне народная свободна и ограничена в одно и то же время: свободна в исполнении всего, клонящегося к достижению народного блага «согласно с народным об этом блага понятием»; ограничена же тем, что сама возвращается в сфере народных понятий, точно так, как всякий человек ограничен своею собственной личностью: в нем одновременно соединяются свобода и несвобода. Если власть в ее носителе не отрешилась от духовной личности народа, то она ограничена, следовательно, своею принадлежностью к народу и единением с ним. Власть, уверенная в этой связи, не внешней, а внутренней, с народом, никогда не может подозревать в нем каких-либо опасных поползновений на так называемые политические права, ясно и умом и чувством понимая, что ее собственное бытие основано на нежелании народа властвовать»*.

Органичное, нравственное единство царя и народа описал Ю. Ф. Самарин: «Не обаяние отвлеченной власти, иначе силы, и не формальная законность связывает в России подданных с государем. Русский народ видит и любит в своем государе православного и русского человека от головы до ног. В основании любви подданных к государю лежит вера и народность; такой широкой и твердой основы не имеет ни одно правительство, и вот почему у нас оно так сильно. За что дорожит Россия правительством, чем правительство сильно, тем самым определяется его историческое призвание, характер его действий, пределы его власти; пределы, полагаемые не хартиєю, не буквою конституции, но самым существом его, которое

---

* Хомяков Д. А. Православие, самодержавие и народность. – Монреаль: Изд. Братства Преп. Иова Почаевского, 1982, с. 125.

глубоко и живо сознается духом народным. Россия и правительство тесно сплелись, потому что растут на одном корню, оторвать корень правительства от корня народного и пересадить его на другую, искусственно созданную почву, – об этом могут помышлять только или враги правительства и России, или те близорукие друзья его, для которых наше прошедшее непонятно, настоящее мертво, а будущее страшно»*.

Наконец, подвиг царя, бремя власти придают им священные черты. Как говорилось выше, взгляды славянофилов расходятся с богословской точкой зрения на божественное происхождение власти самодержавного правителя. Но, тем не менее, подвижничество царя делает его миссию святой, поскольку он отрекается от душеспасительных дел ради народа, жертвует собой для духовного спасения других. В этом смысле его жертва близка к жертве Иисуса. Таким образом, русский царь обретает мистический ореол избранности.

В работе Д. А. Хомякова четко выражена эта мысль славянофилов: «Отсюда истекает тот чисто нравственный (а потому «священный») характер, который имеет в глазах русского народа Самодержавие. Оно не представляется ему *de droit divin* (*франц.* – божественное право) в западном смысле: священно оно по своему внутреннему значению. Царь, царствуя, почитается совершающим великий подвиг, подвиг самопожертвования для целого народа. Начало принуждения, неизбежное в государственном домостроительстве (хотя, конечно, не в нем одном заключается суть государственного союза), служащее в нем орудием осуществления высшего идеала, т.е. сверхгосударственного, – начало не благое и поэтому претя-

* Самарин Ю. Ф. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с . 285 – 286.

щее непосредственно каждому отдельному человеку, составляющему народ и особенно Русский. Тот, кто берет на себя, на пользу общую, подвиг орудования мечом и тем избавляет миллионы от необходимости к нему прикасаться, конечно, по идее (не всегда на деле) – подвижник, положивший душу свою за други своя: «больше же сея любви никто же иметь». Поэтому царь представляется народу выразителем начала любви к нему, любви по возможности абсолютной; а это, конечно, функция священная, и сам Царь священен как проявитель этого священного начала. Власть, понятая как бремя, а не как привилегия, – краеугольная плита самодержавия христианского... Но самодержавие священно, так сказать, из себя, и эта его священность как идея возможна лишь там, где и все и каждый видят во всяческой власти лишь бремя, а не вкусили прелести ее*.

Священность власти царя в силу его жертвы вошла в плоть и кровь русского национального сознания. В противном случае было бы трудно объяснить иррациональную преданность русского народа после свержения монархии руководителям советской власти – В. И. Ленину, И. В. Сталину и др., а также в постсоветскую эпоху – Президенту страны. Высокий политический рейтинг доверия по различным социологическим опросам, несмотря на ошибки и провалы власти, показывает устойчивую нравственную веру в высшую власть, олицетворяемую главой государства. Говоря словами И. А. Ильина, русский народ по-прежнему верен своему монархическому правосознанию, любви к верховному правителю**.

* Хомяков Д. А. Православие, самодержавие и народность. – Монреаль: Изд. Братства Преп. Иова Почаевского, 1982, с. 132 – 133.

** Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. – М.: АСТ, 2006, с. 314 – 354.

Славянофильское понимание самодержавия как идеальной государственной формы России не следует смешивать с реалиями XVIII–XIX вв. По признанию славянофилов близкой к идеалу самодержавия была Московская Русь, в особенности при первых царях из династии Романовых. Реформы Петра I привили русскому государству абсолютизм по европейскому образцу.

Общая оценка петровских преобразований дана Ю. Ф. Самариним. Глубина его мысли заслуживает того, чтобы привести ее полностью: «Российское государство и русская земля, правительство и народ, так давно и так далеко разошлись друг с другом, что теперь они как будто раззнакомились; народ разучился понимать правительство, правительство отвыкло говорить языком, для народа понятным. Под языком мы разумеем не только выбор слов и оборотов, но и самые понятия, внушаемые слушателям или предполагаемые в них. Из одного источника истекает безграмотность языка и бесцветность мысли, господствующие в произведениях официальной литературы. Оттого последние манифесты, задуманные по-французски, со всеми двусмысленными тонкостями дипломатических нот, приспособленные к требованиям общественного мнения Западной Европы и потом пересыпанные текстами из Священного писания, достигали до народного слуха, не проникая в его душу. Ни один из них не произвел и не мог произвести впечатления полного и цельного. Представьте себе чиновника, сидящего перед снарядом электрического телеграфа на центральной станции, к которой примыкают проволоки, проведенные от разных точек; пальцы его усердно работают, перебегая по клавишам, и нет ему отдыха ни днем, ни ночью; вести и приказания, казалось, должны бы разноситься во все стороны с быстротою молнии, но – увы! Усердный труженик не знает, что уже давно

перержавели и порвались все проволоки и что его работа пропадает втуне. Вот верный образ отношений правительства к народу или, точнее, к народному духу. Между мыслью, правящей судьбами государства, и народной жизнью не достает только одного – *живого проводника*.

Итак, с одной стороны, правительство располагает одними вещественными средствами России как покорным и добротным материалом; оно набирает рекрутов, взимает подати, делает наряды; но нравственные, невесомые силы, заключенные в духе народном, остаются ему неподвластными. С другой стороны, народ, равнодушный к государственным событиям, принимает их как атмосферические явления, как ненастье и вёдро, и, продолжая жить бытовую, неисторическую жизнью, стоит в молчаливом раздумье, не подвигаясь ни на шаг к самосознанию. Дух общественный в народе *замер*.

Происхождение и ход этого органического недуга известны всем. Он начался с Петра и усиливался постоянно до настоящей поры. С каждым днем внешние его признаки бросаются явственнее в глаза. Этими немногими словами мы невольно затронули один из самых важных и живых современных вопросов. Мы говорим «невольно» потому, что вовсе не имеем намерения поднимать его. Если нам скажут, что преобразование России в той именно форме, в которой оно совершилось, было делом исторической необходимости, разумно сознанной; что тяжелая рука, одним ударом разрубившая живую нить исторического предания, через которую питательные соки, накапливаемые прошедшим, переливаются в будущее, нисколько не поранила общественного организма; что все существенное, живое и предназначенное к дальнейшему развитию, что только имела в себе древняя Русь, спаслось и перешло под другими названиями в Россию преобразованную; что мы

не оставили за собою ничего такого, о чем бы нам приходилось жалеть; что все, по-видимому, печальные последствия реформы происходят не от ее односторонности, не от излишеств ее, а, напротив, оттого, что преобразование еще не окончено и не доведено до последних его применений, – все это мы пропустим без всякого возражения; ибо мы ничего спорного не хотим вводить в изображение современного состояния России»*.

Та форма правления, которая сложилась при Петре I и его преемниках, славянофилами не рассматривалась в качестве самодержавия. Секуляризация церковных земель, общественной жизни, создание разветвленной системы органов управления, полиции и цензуры, внедрение громоздких и формальных процедур делопроизводства наводили на мысль об абсолютизме в России. Д. А. Хомяков замечает: «Вся суть реформ Петра сводится к одному – к замене русского Самодержавия абсолютизмом. Самодержавие, означавшее первоначально просто единодержавие, становится с него римско-германским императорством»**.

Разница между самодержавием и абсолютизмом в первом приближении может показаться незначительной. Но, на самом деле, между ними великая пропасть. Самодержавие воспринимается царем и народом, ищущим высшего духовного мира, как служебное орудие обеспечения народного блага. Абсолютизм же идеологически строится на мысли о самоценности власти, ее непогрешимости и величии. Политика становится доминирующей областью жизни, а государство стремится к главенству в делах земли.

---

* Самарин Ю. Ф. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 300 – 301.

** Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. – Монреаль: Изд. Братства Преп. Иова Почаевского, 1982, с. 103.

При самодержавии существует нравственное средоточие между царем и народом. В условиях абсолютистского государства связь между ними разрывается и союз прекращает существование*. Непосредственное и живое общение между царем и народом заменяется канцелярской волокитой и борьбой с бюрократией. М. А. Широкова верно связывает политический идеал славянофилов с отсутствием бюрократии как промежуточного звена между государством и обществом, между народом и самодержавным правителем. Она пишет: «Государственная машина России – имперский чиновничье-бюрократический аппарат был создан в петровскую эпоху с целью, по примеру Запада, максимально рационализировать отношения между властью и обществом. Однако – славянофилы постоянно подчеркивали это – политический тип отдельного человека и политическая культура общества в целом в России совершенно иные, чем в Западной Европе. А, следовательно, слепое заимствование того, что на Западе может давать относительные улучшения, «частную выгоду», для России губительно и недопустимо. Бюрократия встала между государством и обществом, отделила народ от его избранника – царя, превратив тем самым самодержавие в абсолютизм»**.

Дмитрий Алексеевич Хомяков провел четкое различие между абсолютизмом и самодержавием, указав, что «Царь есть отрицание абсолютизма именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть

* Солоневич И. Л. Народная монархия. – М.: РИМИС, 2005. 472 с.

** Широкова М. А. Основные черты самодержавия как политического идеала в славянофильской философии политики. // Философские дескрипты: сборник статей. Вып. 5. Барнаул: Изд-во Азбука, 2006, с. 275 – 276.

может и должна почитать себя свободной. Например, народ верил (и верит доселе), что Царь, когда ему это кажется нужным, думает о великом государевом, земском деле вместе с Землею, в этом он так уверен, что ему никогда на мысль не приходило допытываться достаточно или недостаточно Царь обращается к Земле с вопросами? Для него тверд принцип, одинаково твердый и для Царя, что совместное думание есть условие правильного течения государственно-земских дел; а когда и как Царь будет сдумываться с народом – это дело царское; на то он и Царь, чтобы знать и ведать, когда это нужно. Во всяком случае, верно для народа то, что из тех рамок, которые поставлены верой и обычаями, Царь также мало может выступить, как и он сам»*. Для совещания с народом царь созывает Земские Соборы, в которых представлены лучшие люди земли русской. Земский Собор не стоит смешивать с западными представительными учреждениями и парламентами, которые имели своей целью ограничить власть монарха. Земский Собор, имевший в истории России исключительно совещательные функции, был голосом Земли, к которому, как правило, прислушивались Московские Цари. Однако Земские Соборы никогда не преследовали цель взять бразды правления в свои руки и решать самостоятельно государственные задачи. В Смутное время Собор избрал царя и устранился от власти**.

При абсолютизме монарх не считает себя связанным, ограниченным какими-либо обязанностями, и, тем более, народным мировоззрением. К сожалению, российские императоры зачастую воспринимали народ как невежествен-

---

* Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. – Монреаль: Изд. Братства Преп. Иова Почаевского, 1982, с. 104.

** Величко А. М. Философия русской государственности. – СПб.: Изд-во Юрид. Института, 2001, с. 236 – 258.

ную толпу, которой надо помыкать. Так, император Николай I, показывая на свою императорскую грудь, говорил: «Все должно исходить только отсюда».

Наконец, самодержавие сочетается с народным самоуправлением и свободой быта и духовной жизни*. Абсолютизм же уничтожает самоуправление и вмешивается в общественный быт, контролируя свободу духовной жизни. Позднейший последователь славянофильства Иван Солоневич точно заметил: «В самом деле, даже по признаниям левых историков московское самодержавие все время работало для самоуправления, а когда самодержавие пало (Смутное Время), то оно было восстановлено самоуправлением. Когда самодержавию удалось справиться с крепостным правом, оно сейчас же возродило самоуправление. В Московской Руси и самодержавие, и самоуправление неизменно поддерживали друг друга: и только наследие крепостного права изувечило эту традицию... Но в петербургской атмосфере русской жизни наше «средостение», т.е. наша интеллигенция, или, что то же, наша бюрократия, покушалась – как бюрократия – на права самоуправления и – как интеллигенция – на права самодержавия. В результате мы остались и без самодержавия, и без самоуправления**».

Сомнений нет, что европейской цивилизации абсолютизм был необходим. Во-первых, сословные противоречия, социальная борьба, насильственный характер формирования государственности требовали неограниченного арбитра для разрешения общественных конфликтов и обе-

---

* См: Величко А. М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб.: Изд-во Юрид. Инс-та, 1999, с. 128 – 142.

** Солоневич И. Л. Народная монархия. – М.: РИМИС, 2005, с. 52 – 53.

спечения порядка. Однако в России такой социальный антагонизм не играл существенной роли, и за исключением отдельных всплесков народного недовольства, власть и народ не выступали в роли соперников. Во-вторых, приверженность западного мировоззрения идее государства как некоей самоценности и преклонение перед идеалом Римской Империи – силой и могуществом; в русском же сознании подобные идеи не находили отклика, поскольку предпочтение отдавалось доминантам веры и нравственности, а не власти и земным благам. В-третьих, абсолютизм обеспечивал централизацию народа и территорий в эпоху зарождающихся буржуазных экономических отношений, требовавших разрушения старых форм зависимости, сословных и территориальных ограничений. Россия же как преимущественно аграрная страна не нуждалась в такой централизации.

По этим причинам перенесение европейских государственных начал на российскую почву славянофилы считали политическим самоубийством для России. Константин Сергеевич Аксаков в записке императору Александру II писал: «Внешнее величие России при императорах точно блестяще, но внешнее величие тогда прочно, когда истекает из внутреннего. Нужно, чтоб источник был не засорен и не оскудевал. — Да и какой внешний блеск может вознаградить за внутреннее благо, за внутреннюю стройность? Какое внешнее непрочное величие и внешняя ненадежная сила могут сравниться с внутренним прочным величием, с внутреннею надежною силою? Внешняя сила может существовать, пока еще внутренняя, хотя и подрываемая, не исчезла. Если внутренность дерева вся истлела, то наружная кора, как бы ни была крепка и толста, не устоит, и при первом ветре дерево рухнет, ко всеобщему изумлению. Россия держится долго потому, что еще не исчезла

ее внутренняя долговечная сила, постоянно ослабляемая и уничтожаемая; потому, что еще не исчезла в ней допетровская Россия. Итак, внутреннее величие — вот что должно быть первою главною целью народа и, конечно, правительства»*.

По сути дела славянофилы в вопросе о форме государства близки к школе географического детерминизма Монтескье и Гердера, которые связывали форму государства с природно-климатическими, этническими и историческими факторами. Только при этом славянофилы первенство отдавали религиозным и историческим факторам образования государственности. В православной России единственно возможной формой правления могло быть самодержавие. Каждый народ индивидуален не только в культурном плане, но и в государственном отношении. Вследствие этого абсурдно заимствование инородных политических форм, и форма абсолютизма или республики не могла прижиться в русской духовной культуре.

С учетом идеи аполитичности русского христианского сознания понятно, почему славянофилы отвергали республиканские лозунги и демократию. Республика предполагает участие народа в политических делах — в представительных учреждениях, периодических выборах и т.п. Но в этом случае народ теряет возможность свободы быта и нравственной жизни, постоянно отвлекаясь на государственные заботы.

Далее, республика связана с идеей правления, основывающегося на волеизъявлении большинства, что вновь претит славянофилам. Им противна процедура искусственного подсчета большинства голосов, тогда как самодержавие естественно вырастает в народную жизнь. Республиканские и демократические грезы опасны тем, что

---

* Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т.1. — М., 1861, с. 73.

формализм и механицизм власти способны убить живую свободу и привести к власти нравственно слабую или разложившуюся личность. В XX веке демократические процедуры показали, что к власти может прийти бесчеловечная, безбожная власть (нацизм в Германии). Не случайно славянофилы усматривали возможность установления в республиканских государствах диктатуры в области духа и подавления духовной свободы человека. Славянофилы остро ощущали полицейский характер государства в странах Западной Европы, где порядок основывался на законе и государственном контроле за поведением людей, а не на нравственных убеждениях человека.

Н. В. Устрялов, хотя и спорил со славянофилами, но, тем не менее, признавал их уникальные прозрения: «Однако, в основе соответствующих рассуждений славянофилов лежала все-таки одна плодотворная интуиция. Ими владела чуткая боязнь арифметического народоправства, и, чтобы отгородиться от него, они возвели в перл создания пресловутый аполитизм русского народа и мнимые достоинства русской монархической старины. Они пронизательно угадывали опасность формальной демократии, и Константин Леонтьев со своей оценкой этой формы государственности вряд ли погрешил против духа истинного славянофильства. Выражаясь современным языком, центр проблемы тут – в применении власти. Славянофилы смутно чувствовали, что принцип этот, чтобы быть живым, должен быть органичным, должен захватывать душу человеческую, корениться в тайнах веры, в обаянии авторитета, а не в выкладках корыстного расчета»*. Действительно, в XX веке республиканские начала демократического правления, основанные на арифметике большинства, от-

---

* Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофилов. Харбин. 1925, с. 48.

крыли путь к власти в России, Германии, Италии опасным разрушительным политическим силам (большевикам, нацистам, фашистам).

Наконец, в республике избранные чиновники, хотя и несут юридическую ответственность за свои решения и действия, но нравственный долг над ними не довлеет. В области политики начинают господствовать корысть, властолюбие, обман и другие нравственные пороки. И. С. Аксаков отмечал: «Но не одну свободу духовную от буквы и формализма внешней законной правды обретает Русский народ в свободе верующей совести или личной власти – Царя-христианина. Есть и другая свобода – свобода быта и общественной жизни, совместимая вполне лишь с сильной, незыблемой, вполне независимой властью. Ни одна страна в мире не способна вынести такой широкой, истинно доброй свободы, какую, если и не имеет, то могла бы вынести Россия благодаря основному началу своего государственного строя. Ибо в то время, как на Западе во имя свободы кипит вечная борьба из-за власти между правительством и народом или же отдельными общественными кругами, и всякая сторона, захватывающая власть, лишает свободы другую, в России нет и не может быть о власти даже и спора. Русский народ не только не ищет для себя политического «верховенства», но и отвращается от него всеми помыслами, всем существом своим и никогда не допустит перемещения центра верховной самодержавной власти (ибо высшая власть, в источнике своем, и не мыслится иначе, как безусловная по существу своему) с царского престола на министерский стул или на относительно-микроскопическое большинство так называемых представителей народных. Никогда не предпочтет Русский народ самодержавию – личной, нравственно-ответственной совести человека-царя – слу-

чайное, перескакивающее самодержавие вечно зыблущегося, изменчивого арифметического перевеса безличных голосов, даже и нравственно-безответных»*.

Необходимо особо оговорить, что самодержавие славянофилы считали политическим идеалом исключительно для русского народа. Природа национального характера России естественным образом связывается с властью личности, духовной, нравственной, жертвующей собой во благо остального общества. Но они никогда не называли самодержавие универсальной формой государства, идеально подходящей для всех народов, как ошибочно считал Н. В. Устрялов**.

Юрию Федоровичу Самарину принадлежат строки: «История всех христианских народов, события, совершающиеся на наших глазах, аналогические выводы из векового опыта доказывают нам, что политические формы изменяются и должны изменяться; что в жизни каждого народа наступает пора, когда участие его в собственной политической судьбе (всегда предполагаемое или подразумеваемое) делается явным и гласным, облекается в определенную форму, требует себе признания как права, и что дальнейший ход развития ведет к постепенному расширению этого участия. Таков факт несомненный, неотразимый и в то же время разумный, факт, служащий выражением правильного прогресса. Безрассудно было бы это отрицать и одинаково безрассудно было бы, забегая вперед, требовать немедленного осуществления на практике необходимого в будущем и очевидно невозможного

* Аксаков И. С. Речь на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего.// Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 262.

** Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофилов. Харбин. 1925, с. 12.

в настоящем, – требовать на том только основании, что требование логически верно и выражается в форме правильного силлогизма. – Да, говорят вам, а поперек политическому прогрессу стоит Церковь. – Почему же? – А потому, что Церковь определяет государственную власть не как делегацию, а как прирожденное, свыше данное право, следовательно, по ее понятиям, форма власти предустановлена и неизменна по существу своему, и всякое ограничение ее каким-либо иным правом получило бы характер посягательства на божественную заповедь. – Но где же доказательства? – А тексты, в которых говорится о царях, именно о царях, а проповеди, приветствия, комплименты, произносимые с амвона или на церковной паперти с крестом в руке и в полном облачении: кажется, довольно? – Довольно, чтобы доказать напыщенность церковной риторики, часто бесцеремонно обращающейся с текстами, и, к сожалению, принявшей окраску учения *de jure divino* (лат. – по божественному закону), которого никогда не допускала Церковь. Вы указываете на тексты; сперва вникните в них и поймите их. Церковь говорила о царях, да вспомните, когда и с кем она говорила. Могла ли она говорить о парламентах, сеймах, президентах и камерах, когда ни понятий этих не существовало, ни слов для их выражения? Спаситель говорил, что, кто хватается за нож, тот от ножа погибнет, значит ли это, что слово его относилось именно к холодному оружию и не применяется к огнестрельному? Церковь говорила о царях потому, что царская власть была в то время единственной формой государственной власти, но Церковь благословляла *идею государства* вообще как народного общежития под одною властью, и никогда не приковывала ее к той или другой форме ее исторического проявления, за исключением других, прошедших или будущих. К этой форме, к вопро-

су о том, как устроить, кому верить власть, Церковь равнодушна и так же мало стесняет свободу политического развития, как и развития торговли или языка. Повторяю: Церковь благословляет государство как свободное общество и требует от каждого лица подчинения признанной всеми государственной власти не токмо за страх, но и за совесть, ибо признает в государстве орудие для осуществления благих целей, которого действие не должно быть возмущаемо вторжением личного произвола; далее она не идет и, следовательно, нимало не стесняет свободы политического развития»*.

Именно в данном аспекте славянофилы расходятся с православным богословием, которое на основе трактовки Священного Писания и Предания среди форм государственного правления отдает предпочтение монархии – царской власти, которая упомянута в Библии**.

Вряд ли можно согласиться с мнением О. В. Груздевой, которая отмечает, что «в нынешних условиях ”народная монархия“ и даже просто монархия в стране, потерявшей национально-религиозные основы, где значительная часть населения вообще смутно их представляет – это невозможно, да и не нужно. Оценив многовековую историю, современный русский народ понял, что ни монархия, ни тем более народная монархия не может существовать в России. Общественное сознание не приемлет единовластного правителя. Такая форма правления, опираясь

* Самарин Ю. Ф. Предисловие к богословским сочинениям А. С. Хомякова. // Самарин Ю. Ф. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 75 – 76.

** :Православная государственность: 12 писем об Империи/Сборник статей под ред. А. М. Величко, М.Б. Смолина. – СПб.: Изд-во Юрид. Инс-та, 2003.; Величко А. М. Философия русской государственности. – СПб.: Изд-во Юрид. Института, 2001.; Архиепископ Серафим (Соболев) Русская идеология. СПб., 1994.

на исторический опыт, неоднократно приводила страну к жесточайшим кризисам. Но это уже страница прошлого. Сейчас мы идем по демократическому пути развития, по пути народовластия»*.

Поразительна зашоренность сознания современной интеллигенции западными стереотипами. Верность монархическим традициям русского народа глубоко укоренена в общественном сознании, что и показывает дореволюционная, советская и постсоветская история России. На Руси царь именовался батюшкой, заступником, а в советское время И. Сталина называли отцом народов. Полновластие политического лидера вкупе с отстранением народа от власти – неизменная характеристика российского государственного уклада. Ведь в таких резких суждениях по поводу русского самодержавия не учитываются три главных достоинства данной формы правления: органичное и духовное принятие русским народом самодержавия; тесная и живая связь народа с царем; духовная основа царской власти. Власть, лишенная духовной поддержки народа и церкви, может поддерживаться лишь полицейскими средствами и рано или поздно рухнет.

Таким образом, русским государственным идеалом для славянофилов являлась самодержавная монархия, которая не имеет ничего общего ни с абсолютизмом, ни с империей, ни тем более с республиканским порядком. Самодержавие – это нравственный, духовный подвиг верховного, наследственного православного царя во имя блага народа, его духовной свободы, быта и недопущения зла в общественной жизни. Подвижничество царя дарует ему необъятную любовь и доверие народа, сближает его с представи-

---

* Груздева О. В. Идея «народной монархии» в работах Ю. Ф. Самарина. // Вестник МГТУ. том 11, №1, 2008, с. 36.

телями духовенства. При самодержавии народ имеет свободу, самоуправление в вопросах земского дела. Когда необходимо, царь советуется с народом при помощи созыва Земского Собора.

2.3. Церковь, общество и государство

Без общества все эти политические обеспечения силы и свободы служат ненадежной опорой государства и слабой гарантией для народа; следовательно, истинное обеспечение силы и свободы лежит в существовании общества, в общественной силе и в общественной деятельности.

И. С. Аксаков

Славянофильские воззрения на взаимоотношения церкви и государства основаны на идее духовного превосходства церковного единства и соборной жизни православных христиан над заботами государственного порядка. Однако такая мысль никак не может быть интерпретирована как поглощение государства церковью. Славянофилы строго размежевывали духовное и мирское, церковные дела и дела государственные. Наиболее полно существо славянофильского учения о церкви и государстве выразил И. В. Киреевский: «Церковь определила с начала навсегда твердые границы между собою и государством, между безусловною чистотою своих высших начал и житейскою смешанностью об-

щественного устройства, всегда оставаясь вне государства и его мирских отношений, высоко над ними, как недостижимый, светлый идеал, к которому они должны стремиться и который сам не смешивался с их земными пружинами. Управляя личным убеждением людей, Церковь Православная никогда не имела притязания насильственно управлять их волею, или приобретать себе власть светски-правительственную, или, еще менее, искать формального господства над правительственной властью»*. Церковь обращена к внутреннему, духовному миру человека – его вере в Бога, душевному состоянию. Государству вверена забота о внешних условиях жизни верующих людей. Духовный мир для государства закрыт, абсурдно вмешательство в него силой принуждения.

Признавая Божью волю в созидании мира, человека и государства, славянофилы отмечали органический, естественный характер единства людей в церкви. Ю. Ф. Самарин в предисловии к сочинениям А. С. Хомякова писал: «Церковь, действительно, имеет свое учение, составляющее одно из неотъемлемых ее проявлений; Церковь, действительно, в другом историческом своем проявлении соприкасается со всеми учреждениями, как своего рода учреждение; и все-таки Церковь не доктрина, не система и не учреждение. *Церковь* есть живой организм, организм истины и любви, или, точнее: *истина и любовь как организм*»**. В церкви как едином организме люди объединяются добровольно по зову сердца и, выходя как соборное целое за пределы

* Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России.// Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 200.

** Самарин Ю.Ф. Предисловие к богословским сочинениям А.С. Хомякова.// Самарин Ю.Ф. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 40.

мирской жизни, соединяются друг с другом и с Богом на началах любви и свободы.

Государство же – искусственный механизм, созданный в исторической земной жизни для исполнения временных функций по охране общества от пороков и зла. Единство государственное зиждется не на добровольной любви, а на потенциальных и действующих механизмах подчинения и принуждения. Поэтому поглощение церкви государством или государства церковью может приводить к нравственной порче человеческой души, преследованию по религиозным мотивам, а также к властолюбию духовенства.

Западноевропейский путь католической церкви, которая с X века стала претендовать на создание христианской теократической монархии во главе с папой Римским, резко осуждался славянофилами*. Папацезаризм, или господство духовной власти над светской, по их мнению, искажал истинное значение церкви и веры. Когда церковь приобретает черты государственности, она в делах духовного порядка начинает прибегать к насильственным и принудительным средствам, тем самым разрушая внутреннюю свободу человека и его нравственный мир, не терпящий какого-либо вмешательства. Алексей Хомяков справедливо заметил: «Русской земле не только не известна борьба, но даже и недоступна мысль, подавшая повод к борьбе государственного права, стремившегося управлять правдою церковною, с церковною иерархию, стремившеюся оторваться от тела Церкви и потом овладеть правом государственным»**. Аналогичные мысли

* Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: Инфра-Норма, 1998, с. 93 – 123.

** Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России.// Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 405.

высказывает современный правовед Р. В. Насыров: «Деформация принципа разделения властей и симфония церковной и государственной власти в католицизме и фактический отказ от такого разделения в протестантизме и предопределили такую фундаментальную черту современной западной политико-правовой культуры как господство полицейского государства и значительную этатизацию общественной жизни»*.

По этим причинам для славянофилов непонятны и властолюбивые намерения католической церкви, и крестовые походы, и воинственные ордена, и судебные процессы над еретиками, и их казни. Борьба церкви и государства за приоритет церкви и ее самостоятельность от государства привели в Западной Европе к формированию теократии в виде Папской области, которая в наше время сократилась до размеров карликового государства (Ватикан). Рассудочной односторонностью И. В. Киреевский объясняет претензии западной церкви на мирской статус: «По той же логической причине должно было полудуховное владычество папы распространиться над всеми правителями Запада и породить все устройство так называемой Святой Римской империи и весь характер исторического развития средних веков, где светская власть беспрестанно смешивалась с духовною и беспрестанно боролась с нею, взаимно приготавливая одна другой место для будущего падения во мнении народном, между тем как в то же время внутри человека западного происходила тоже борьба между верою и разумом, между Преданием и личным сомнением; и как духовная

* Насыров Р.В. Христианская трактовка сущности государства (в аспекте соотношения светской и духовной властей)// Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма. Межвузовский сборник статей /Под ред. В.Я. Музыкина и В.В. Сорокина. – Барнаул, 2009, с. 118.

власть искала себе основания в силе светской, так духовное убеждение умов западных искало себе основания в рассудочном силлогизме»*.

Ивану Киреевскому вторит А. С. Хомяков, описывая развитие западной церкви после раскола: «Рим сделался центром вещественным и историческим, по необходимости развивающим свои исконные начала. Папа должен был облечься в непогрешимость по делам веры. Обоготворение политического общества, истинная сущность римской образованности, было так связано с нею, что западный человек не мог понять самой Церкви на земле иначе, как в государственной форме. Ее единство должно было быть принудительным, и родилась инквизиция с ее судом над совестью и с казнью за неверие. Епископ Римский должен был домогаться власти светской, и он достиг ее. Он должен был стремиться к праву безусловного и бесспорного суда над всею Церковью, и это право было за ним признано, и область этого права получила название Всехристианства, так же как прежняя область Римского права называлась Римом. Ее государственное единство требовало общего государственного языка, и латинский язык по необходимости получил это значение, которого не могли у него оспаривать безобразные говоры ново-строящихся языков Запада. Государство должно было выступать в мире политическом с силою вещественного оружия, и Всехристианство взялось за меч, и папа сделался главою нестройного народного ополчения Крестовых походов, из которых последовательно возникли сперва орден монашествующих рыцарей, постоянное церковное войско, а потом, когда меч был исторгнут из римского правителя,

* Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России.// Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с 176.

орден иезуитов, который есть не что иное, как западный католицизм в боевом строю»*.

В то же время славянофилы отрицали возможность главенства государства в делах церкви, когда государь подчиняет себе духовную власть и превращает церковь в орган государства. Проявления цезаропапистских начал славянофилы усматривали в конечном периоде существования Византийской империи, а также в России после реформ Петра I. Начиная с Петра, государство стало вмешиваться в церковную жизнь, произвело секуляризацию церковных земель, отменило патриаршество и ввело в качестве высшего духовного органа – Священный Синод, исполнявший волю императора в церковных делах**. Известный специалист по церковному праву дореволюционной России А. С. Павлов писал: «В истории отношений русской церкви к государству довольно резко отличаются три периода. Первый – от начала христианства на Руси до утверждения московского единодержавия в XVI в.: это период наибольшей церковной самостоятельности, когда церковь в духовно-иерархическом отношении зависела от константинопольского патриарха, а для мирских прав своих находила поддержку, с одной стороны – в могущественном влиянии духовенства на правительство и общество, с другой – в недостатках удельно-вечевой системы. Второй период – от начала московского единодержавия и до Петра Великого. В этот период отношения между духовной и мирской властью, с одной стороны, получают большую определенность, с другой – характеризуются ре-

* Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России.// Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 366.

** Никольский Н.М. История русской церкви. – М.: Политиздат, 1983, с. 188 – 234.

шительным стремлением правительства подчинить церковь своему определяющему влиянию. Третий период – от Петра Великого, или учреждения Святейшего Синода, до настоящего времени. Это период политического господства государства над церковью»*.

Идеологически роль государства в делах веры и церкви обосновал архиепископ Феофан Прокопович. Исследователь жизни и трудов Феофана Прокоповича В. Г. Смирнов так раскрывает суть реформ Петра и его сподвижника Феофана: «В первой части Духовного Регламента 1720 г. с обескураживающей откровенностью Феофан объяснял причины замена патриаршества Духовной коллегией: ”Дабы у простого народа не возникал соблазн видеть в патриархе некое второе лицо в государстве, почти равное первому, ибо нет царства, которое бы не разорилось бы, будучи в обладании попов“. Тут же поминался «русский папа» Никон с его замахами подчинить себе царя. Главный вывод: церковь не может быть государством в государстве, а должна жить по единому с прочим народом закону»**.

Преобладание государства в вопросах церковной жизни и веры резко осуждалось славянофилами. Они признавали наиболее совершенным такой порядок, при котором церковь и государство не поглощают друг друга, а имеют собственную сферу влияния, но в то же время не отделены непреодолимой пропастью, как в современных светских государствах. По сути дела славянофилы были очень близки к православной концепции симфонии государственной и светской властей – идее их взаимодействия и взаимной поддержки. Как писал архиепископ Серафим (Соболев), « в силу симфонии византийские императоры

* Павлов А.С. Курс церковного права. – СПб.: Изд-во Лань, 2002, с. 347 – 348.

** Смирнов В.Г. Феофан Прокопович. – М.: Соратник, 1994, с. 79 – 80.

прежде всего действовали как Божественные стражи и охранители православной веры, оказывая Церкви свое покровительство в ее борьбе с еретиками»*.

Следует признать правоту Р. В. Насырова, который сформулировал общую закономерность: «разделение и сосуществование двух властей (духовной и государственной) – гарантия от излишней этиатизации общественной жизни, а смешение этих властей, как известно, является признаком тоталитарного государства. Одной из причин известных трагических фактов и периодов российской истории (вплоть до XX века включительно) можно считать проявление этой закономерности»**. Ослабление духовной власти, отделение государства от церкви приводит к расширению сферы функционирования государственной власти – вплоть до вторжения в духовный мир личности и подавления свободы нравственного выбора человека.

Близок к православной концепции власти Иван Киреевский: «Государство, правда, стояло Церковью: оно было тем крепче в своих основах, тем связнее в своем устройстве, тем цельнее в своей внутренней жизни, чем более проникалось ею. Но Церковь никогда не стремилась быть государством, как и государство, в свою очередь, смиренно сознавая свое мирское назначение, никогда не называло себя «святым». Ибо если Русскую землю иногда называли «Святая Русь», то это единственно с мыслию о тех святынях мощей и монастырей и храмов Божиих, которые в ней находились, а не потому, чтобы

---

* Архиепископ Серафим (Соболев) Русская идеология. СПб., 1994, с. 130.

** Насыров Р.В. Христианская трактовка сущности государства (в аспекте соотношения светской и духовной властей)// Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма: Межвузовский сборник статей/ Под ред. В.Я. Музюкина и В.В. Сорокина. – Барнаул, 2009, с. 120.

ее устройство представляло сопроничание церковности и светскости, как устройство Святой Римской империи. Управляя таким образом общественным составом, как дух управляет составом телесным, Церковь не облакала характером церковности мирских устройств, подобных рыцарско-монашеским орденам, инквизиционным судилищам и другим светско-духовным постановлениям Запада, но, проникая все умственные и нравственные убеждения людей, она невидимо вела государство к осуществлению высших христианских начал, никогда не мешая его естественному развитию»*.

Основываясь на том, что церковь и государство в русской культуре не могут быть разделены, славянофилы выдвинули тезис: русский царь должен быть православным. Как верно заметил И. В. Киреевский: «Потому желать, чтобы правительство русское перестало иметь дух и носить характер правительства православного, но было совершенно равнодушно к исповеданиям, принимая дух так называемого общего христианства, ни к какой особенной Церкви не принадлежащего и выдуманного в новейшие времена некоторыми неверующими философами и полуверующими протестантами, — желать этого значило бы для настоящего времени разорвать все связи любви и доверенности между правительством и народом, а для будущего, — т. е. если бы правительство скрывало свое равнодушие к Православию до тех пор, покуда воспитает народ до такой же холодности к своей Церкви, — это произвело бы совершенное разрушение всей крепости России и уничтожение всей ее мировой значительности. Ибо для того, кто знает Россию и ее православную веру, несомнен-

* Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России.// Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 200.

но, что как на ней она выросла и ею окрепла, так ею только может быть сильна и благоденственна»*.

Одной из интересных в историческом и общекультурном плане тем в творчестве славянофилов является вопрос об отношениях общества и государства. **Славянофилы разработали оригинальную теорию русского общества, основанную на соборном единстве людей в семье и общине – людей, которые свободны от политических забот, посвятив себя духовной жизни и быту. Главное, что отличает славянофильское учение об обществе, – это вера в единство русского общества, его духовную и материальную жизнеспособность. Славянофилы обосновали идею сословности общества и единства русского народа. В таком обществе отсутствуют перегородки, социальные и юридические стеснения между членами общества. Народ духовно един и заражен общим духом любви к отечеству.**

Иван Аксаков писал: «Все эти сословные деления, все эти силы: аристократия и демократия, теряют значительную долю своей важности, как скоро взглянем на них с точки зрения, предлагаемой нами читателям. Мы поймем необходимость иной опоры и найдем ее не в политической только деятельности, не в том или другом сословии, а в обществе с его общественной деятельностью и силой общественного мнения, – обществе, образуемом независимо от всяких сословий. Напротив того, резко разделенное существование сословий только препятствует свободному образованию той среды, из которой совершается общественная деятельность; мы видим из истории, что общество везде возникает и развивается, так сказать, вопреки сословности, несмотря на нее, поборая постепен-

---

* Киреевский И. В. Записка об отношении русского народа к царской власти.// Там же, с. 35.

но препятствия, полагаемые его деятельностью всякими юридическими перегородками, сглаживая и уравнивая сословия своей победоносной силой! Чем меньше сословий, тем меньше перегородок, разделяющих людей между собой, тем легче их соединение, тем возможнее дружная деятельность единиц. Следовательно, не создавать вновь, а уничтожать по возможности все разъединяющее – вот к чему мы должны стремиться, чтобы усилить общество, его значение, его силу – единую, могучую, нравственную, человеческую силу, вполне достойную человеческих обществ, силу, без которой ничтожна сила политических учреждений и не свободна политическая свобода»*.

По общему признанию славянофилов, петровские акты о предоставлении земли дворянам в наследственное владение без обязательной службы государству привели к формированию оторванного от народа и нужд государства самодовлеющего и паразитирующего сословия дворян. Такое сословие, предстоящее перед царем, столетиями заглушало голос, сам дух русского народа. Юрий Самарин ради гармонизации жизни общества предлагал: «В отношении собственно к России правительству предстоит увериться единожды и навсегда, что оно имеет дело не с завоеванным краем, готовым к восстанию, а с землею, признающею власть его бесспорно и свободно. Откинуть этот вечный страх и трепет, привитый к нему извне, питаемый видом беспорядков, в которых мы непричастны, очистить свою душу от эгоистической заботливости об охранении каких-то особенных интересов власти и убедиться, что возрастающее просвещение, богатство и могущество России не ослабит и не подорвет, а, напротив,

---

* Аксаков И. С. Народ, общество и государство. // Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 93 – 94.

усилит правительство. Понять, что если русское самодержавие в общественном сознании не должно смешиваться с деспотизмом, отжившим свой век на Западе, то, со своей стороны, и правительство не должно увлекаться обманчивым сходством и заподозривать русское народное начало в революционном демократизме, - а потому не мешать сближению высших слоев общества с народом, в каких бы, по-видимому, странных формах это сближение не начиналась; но, напротив, поощрить его облегчением перехода из одного состояния в другое и изысканием мер к упразднению крепостного права. Последнее есть дело настоящей необходимости»*.

Алексей Хомяков указывает на отчуждение высших слоев общества от народной почвы еще задолго до Петра I. По его мнению, дружины киевских князей являли собой первых представителей высшего сословия и тогда уже стали терять живую связь с обществом. А. С. Хомяков писал: «Кочевая общерусская дружина много содействовала скреплению всей Руси в одно могучее целое, потому что была вообще чужда областному эгоизму, много билась и страдала за землю Русскую, много помогла спасительному возвышению князей московских; но едва ли при ней была возможность той стройности и цельности, которой требовало для своего развития начало разумного и цельного просвещения, ибо в ней были уже допущены раздвоение и внутренний разлад общественной жизни, и вредные их влияния были только сдержаны крепостью еще свежей земской жизни и кроткою силою общего христианского чувства. Но зло не могло оставаться без последствий. Дружина не принадлежала области и вольно служила князю.

---

* Самарин Ю. Ф. Чему мы должны научиться.// Самарин Ю. Ф. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 311.

Таким образом, в ней существовала с самого начала крайность личной отделенности, которая должна была воздействовать на весь ход общественного развития. Чуждая местной общине, в некоторых отношениях более независимая от нее, чем сам князь, она не имела нигде корня и по необходимости стремилась сомкнуться в самой себе, в порядок самостоятельный и отдельный от всего общества... Славянское племя, вообще самое мирное из всех племен Европы, одно только и произвело быт казачий, быт исключительно воинственный и которому нигде нет вполне соответствующего. Русский быт, исстари по преимуществу общинный, произвел дружину, в которой личная отдаленность была доведена до крайности и узаконена и которая, не имея с землею никаких общих начал, скрепила себя, наконец, искусственным сочленением местничества, уничтожая окончательно личность и обращая ее в нумер»*.

Славянофильский взгляд на общество, или, как они говорили, «землю», – это русский ответ концепции гражданского общества. Может показаться, что эти концепции похожи. Но на самом деле между ними ощутимая разница.

Во-первых, идея гражданского общества Канта и его последователей исходит из существования индивидуальных собственников – атомов. В учении славянофилов, напротив, говорится о единстве, о естественной духовной связи людей, а не их противопоставлении.

Во-вторых, теория гражданского общества имеет экономическую подоплеку, поскольку выражает связь между свободными товаропроизводителями. Славяно-

---

* Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Хомяков А. С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 382 – 384.

фильская земля, скорее, не экономическое, а духовное соединение людей в семье, общине и церкви.

Перспективной для развития общества, на наш взгляд, следует признать концепцию славянофилов, поскольку реализация теории гражданского общества привела к его распаду на разрозненных индивидов, борющихся друг с другом за обладание властью и материальными благами. Как следствие – социальное одиночество, война, гибель общественного организма, полицейские средства контроля. В то время как идеал соборности и всесословности целиком устраняет проблему социального отчуждения и связывает всех людей в единое целое на основе общих духовно-нравственных начал.

Законченный вид славянофильская теория общества нашла в работах Ивана Сергеевича Аксакова, сформулировавшего основные признаки общества:

1. «Это не есть ни сословие, ни цех, ни корпорация, ни кружок, ни какое-либо иное, условленное соединение людей. Это даже не собрание, а совокупная деятельность живых сил, выделяемых из себя народом, деятельность людей, которые вышли из народа, но не состоят уже под законом непосредственного быта, не поглощаются в народе, а, напротив, делают непосредственно творчество народное и самый народ предметом своего сознания и деятельности, получая в то же время от народа жизнь, питание и силу <...>

2. Общество, как само собой разумеется, не должно кристаллизироваться, костенеть, мертветь, а должно постоянно освежаться, обновляться новым притоком сил из народа, одним словом, состоять к нему в таком же отношении, как дерево к корню <...>

3. Общество, разумеется, существует только там, где есть цельное народное тело, цельный организм с соответ-

ствующим ему цельным органическим покровом, то есть внешней, государственной формой <...>

4. Сила общества как явления не политического есть сила нравственная, сила «общественного мнения». Орудие деятельности общества есть слово и по преимуществу печатное слово, разумеется, свободное»*.

В отношениях общества и власти славянофилы выступали сторонниками самостоятельности общества от государственного вмешательства. Константин Аксаков отмечал: «Итак, русский народ, отделив от себя государственный элемент, предоставив полную государственную власть правительству, предоставил себе жизнь, свободу нравственно-общественную, высокая цель которой есть общество христианское. Хотя слова эти не требуют доказательств, — ибо здесь достаточно одного пристального взгляда на русскую историю и на современный русский народ, — однако можно указать на некоторые особенно ярко выдающиеся черты. Такою чертою может служить древнее разделение всей России, в понимании русского человека, на государство и землю (правительство и народ), и оттуда явившееся выражение: государево и земское дело. Под государевым делом разумелось все дело управления государственного, и внешнего и внутреннего, и по преимуществу дело военное, как самое яркое выражение государственной силы...»**.

Проникновение государства в земскую жизнь сковывает, парализует свободу человека. Бюрократизация разрушает живое, органическое нутро в жизни общества, делая его безвольным и слабым по своей духовной

* Аксаков И. С. Народ, общество и государство.// Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 78 – 80.

** Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т.1. М., 1861, с. 75.

энергетике. Иван Аксаков точно сказал: «Всякая попытка организовать общество политически противоречила бы самому существованию общества, убила бы внутреннюю свободу его развития, внесла бы в стихию его духовной деятельности начало внешнего принуждения. При всем том общество такое имеет значение в организме народа, граждански живущего, что без него бессилён народ и несостоятельно государство»*.

Славянофилы верили в могущественность и духовность русского народа, способного без представителей власти к самостоятельности и творчеству. Главное зло, привнесённое петровскими реформами, они связывали с бюрократией и крепостным правом, которые подавляли силу духа русского народа. А.С. Хомяков писал: «Тебе известна более, чем многим, мерзость административности в России. Пошатавшись по Святой Руси и наглядевшись на все слои, ты знаешь, как хороша наша чиновность от грошовой уездной до миллионной столичной. Я думаю, что даже киселевщина не столь ещё ужасна для народа увеличением податей, сколько размножением чиновничества, которое народ так верно и живописно называет крапивным семенем»**.

И. С. Аксаков аргументировал эту мысль следующим образом: «В самом деле, там, где начало государственности вышло бы за свои пределы, мало-помалу иссякла бы всякая животворная сила. Государство, конечно, необходимо, но не следует верить в него как в единственную цель и полнейшую норму человечества. Общественный

---

* Аксаков И. С. Народ, общество и государство.// Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 89.

** Хомяков А. С. О сельской общине.// Хомяков А. С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 350.

и личный идеал человечества состоит выше всякого совершеннейшего государства, точно так, как совесть и внутренняя правда стоят выше закона и правды внешней. Идеал может быть и недостижим, как и вообще недостижимо человеческое совершенство, но он должен постоянно предноситься пред человеком и побуждать его вперед к достижению и осуществлению. Но то, что является как несовершенство, как неизбежное зло, хотя бы и предложенное в наименее тягостной внешней форме, «наука» с кафедры выдает нам за высшую ступень человеческого развития, возводит в апофеоз вечной, безусловной истины!.. Вообще чрезвычайно опасно регламентировать извне какое бы то ни было живое начало. Есть явления, которые стоит только подчинить «уставу», чтобы подорвать в них всякую жизнь и силу»*.

Яркое выражение земщины в России славянофилы видели в крестьянской общине. Именно в ней народ проявлял свои нравственные добродетели, помогая семье и общинникам в труде, сопереживая за общую судьбу и невзгоды, вместе приобщаясь к Богу в Церкви и в молитве. Славянофилы полагали, что община может перенести все тяготы хозяйственной и бытовой жизни и не нуждается в вездесущей и мелочной опеке государственного чиновничества. Чиновник формальными порядками только убивает свободу общины, ее глубинную нравственную силу.

Алексей Хомяков приводит прекрасный пример, иллюстрирующий богатый духовный потенциал крестьянской общины в России: «В пользу нашей общины должно заметить, что она почти не нуждается в средствах проти-

---

* Аксаков И. С. Доктрина и органическая жизнь.// Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 110 – 111.

вунищественных, ибо сама устраняет нищенство почти совершенно; а предварять зло всегда лучше, чем исправлять зло... Тому несколько лет назад ехал я из Ельца, на своих, проселочною дорогою. Покуда кормили лошадей, вышел я на улицу, увидел собирающуюся сходку и пошел за народом в надежде кое-что рассмотреть, может быть, кой-чему поучиться. Сходка была собрана для раздела огородных земель. Толки продолжались часа два, и за ними последовало какое-то решение, которое, впрочем, ни для кого не занимательно, кроме самой деревни, в которой делились огороды. После толков, когда сходка уже собиралась расходиться, вышел молодой малой, 18 лет, поклонился миру и бил челом на старика, своего двоюродного дядю, в обделе. Дело он представил в следующем виде: в одном доме жили трое родных братьев (в том числе старший, хозяин дома, тот самый, на которого он жаловался) и двоюродный брат, отец истца. Этот двоюродный брат вышел из дома и зажил своим хозяйством, когда еще его дети были малолетни; вскоре он умер. Молодой парень жаловался, что двоюродные братья обидели его отца. Старик стал доказывать, что это обвинение несправедливо и что четвертая часть дома была, как следованно, выдана покойнику. Молодой парень, признавая истину этого показания, говорил, что так как дом их торговал хлебом, семенами и шкуръем, то по торговым оборотам оставалось несобранных долгов тысяч до двух с половиною; что из них четвертая часть (около 600 рублей) следовала бы его отцу, который и получил бы ее, если бы был жив; но что так как она не была выплачена вдове (его матери), то она теперь следует ему и его братьям. Старик спорил, горячился и бранился; сходка слушала и молчала; кое-какие робкие голоса изредка говорили в пользу просителя. Старик,

как я после узнал, был по своему достатку первый крестьянин по всей деревне. Молодой парень был, видимо, смущен и оторопел. Тут выступил крестьянин лет сорока и вступился за него. Он стал доказывать старику, что долги им почти все собраны и что четвертая часть деньгами или вещами следует его племянникам; голоса в толпе стали ему явственно вторить. Старик горячился и ругался все более и более. Заступник молодого парня отвечал ему вежливо, но твердо; наконец, изложивши все дело, он стал повторять одно: «Грех обижать сирот, – заплати им». Старик, выведенный из терпенья, вскрикнул: «Что ты горланишь: заплати да заплати! Нешто ты мне барин?» – «Коли прав, так и барин», – отвечал адвокат. Ответ ошеломил старика. На такое слово не могло быть возражения: он это видел в глазах сходки, он это чувствовал на самом себе. Он помолчал, наконец, махнул рукою и сказал: «Ну, как мир положит!» – и ушел со сходки. Я ушел также и помню, что ушел с веселым сердцем. Есть, видно, в старых обычаях, есть в стародавней сходке свои юридические начала*.

Некоторые исследователи упрекали славянофилов в идеализации русской общины, говоря о ее косности и коллективистских началах. Так, Н. А. Бердяев писал: «Идея личности, столь же центральная в религии Христа, как и идея соборности, была задавлена в славянофильской общественной философии. Русская сельская община фактически давила личность, принудительно оставляла ее на низком уровне культуры, и потому ее нужно было устранить во имя высших форм культурной жизни... Славянофильски-народническая социальная идиллия разбита жизнью и критикой. Факт

* Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта. // Хомяков А. С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 670 – 671.

развития в России капитализма и европеизации общественной жизни неотвратим»*.

Надо сказать, что философия Н. А. Бердяева сама была разбита жизнью. А европеизация русской действительности привела к катастрофе – революции по большевистскому, западному образцу, разрушившей традиционный уклад культуры нашей страны. Невозможно нравственно оправдать революцию, развитие капитализма и частной собственности. Безусловно, крайности социализма и индивидуализма вредны и опасны, что показал опыт исторического развития советской России и западного мира. *Однако не следует славянофильские взгляды путать с коллективизмом. На самом деле, славянофилы были горячими сторонниками свободы человеческого духа, без которой невозможно добровольное единение людей, проявление любви между ними в церкви, семье и общине. Несомненно, общинный дух крестьянства являлся необыкновенно могучим нравственным и экономическим фактором развития России. При этом русская община с ее заботой всем миром о сиротах, стариках, больных, беглых – даже если это невыгодно с точки зрения материальной – не укладывалась в европейские формы хозяйствования**.*

М. А. Широкова справедливо полагает, что славянофилы предложили вполне современный, а может быть, и идеальный вариант отношений между личностью и обществом: «Соборная антропология славянофилов ищет равновесия между единством общества и свободой человека. Антропология Хомякова, Киреевского, Акса-

* Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. Алексей Степанович Хомяков. – М.: АСТ, 2007, с. 404.

** Величко А. М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб.: Изд-во Юрид. Инс-та, 1999, с. 143 – 221.

кова, Самарина абсолютно социальна и в то же время гуманистична. Именно они первыми в русской философии обратили внимание на зависимость типа социально-политической организации общества от антропологического типа человека. Подлинно общество, народ и представляют, по их мнению, единую, гармоничную «соборную личность», в отличие от общества неподлинного – механической суммы индивидов»*.

Представляет интерес мысль славянофилов о том, что самодержавие согласуется с широким самоуправлением общества. В отечественной государственно-правовой науке принято ошибочно говорить об отсутствии самоуправления в дореволюционной России и о необходимости обращения местного самоуправления к зарубежному опыту, в особенности к английскому. Однако анализ исторической действительности показывает существование самоуправления на Руси еще до земских реформ XIX вв. А. М. Величко отмечает: «За негативными и критическими оценками скрываются и очень серьезные факты, которые даже при тенденциозности отдельных исследователей нельзя не оценить положительно. Непосредственное участие практически всего населения в делах государства, полная доминанция выборного начала, в том числе в судоустройстве, благодаря чему вплоть до конца XVII в. Московское государство имело выборные судебные должности, полностью сложившееся и успешно функционировавшее местное самоуправление в уездах, волостях, и отдельно в городах и общинах, не входивших в состав земств»**.

---

* Широкова М.А. Философия славянофилов в постсовременную эпоху.//Философские дескрипты: сборник статей. Вып. 6. Барнаул: Изд-во Азбука, 2007, с. 192.

** Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб.: Изд-во Юрид. Инс-та, 1999, с. 140.

Славянофилы прекрасно сознавали успехи отечественного местного самоуправления до реформ Петра и видели в нем потенциал будущего раскрытия национального духа, который самостоятельно и творчески заботился бы об общественном благе. Можно сказать, что славянофилы отдавали приоритет самоуправлению и лишь в кардинальных случаях (война, неурожай, голод и т.п.) необходимым считали обращение к государству. Действительно, в смутное время народ нашел в себе силы прекратить разграбление России и избрать царя. Вот что по поводу самоуправления писал И. С. Аксаков: «Коренной русский тип не полицейский, а земский; что государство понимается русским народом не иначе, как в свободном естественном союзе с землей; что кто произнес: «самодержавие», тот вместе с тем произнес уже и «земщина», так как оба эти начала не только находятся между собой в антагонизме, но одно подразумевает другое, в доказательство чего и привели примеры истории из тех времен, когда государственная практика была чужда разрыву с народной жизнью. Но, кроме этих исторических свидетельств и разных теоретических пояснений, кажется до очевидности ясным, что единоличная государственная власть, особенно на таком пространстве, которое с XVI века уже заняло Русское государство, не может служить своему высокому долгу без сильно развитой местной жизни... Ясно, что остается одно: вместо децентрализации власти в образе сети чиновников, децентрализовать самые административные заботы, предоставив ведать дела чисто местного, не общегосударственного и не политического характера, самим местным жителям под общим верховным руководством и контролем центральной власти. При таком сослужении Земли Государству нет и места какому-то

антагонизму верховных «прерогатив» с «правами» земства: интерес у обоих один, общий и нераздельный... на самоуправлении искони стояла земля наша»*.

В основном взгляды славянофилов в отношении церкви, общества и государства сводятся к следующим моментам.

Во-первых, славянофилы не допускали возможности слияния или поглощения церкви и государства друг другом. При этом церковь и государство имеют отдельные сферы влияния. Церковь обращается к духовному миру верующего человека, а государство – к внешним проявлениям его жизни и борется с внешними угрозами и пороками общества. Однако, церковь и государство не отделены друг от друга, а взаимодействуют между собой в вопросах недопущения зла и поддержания мира в обществе.

Во-вторых, в концепции земского дела и государственного вмешательства славянофилы обосновали необходимость самостоятельности и самодеятельности общества от государственного вмешательства. Славянофилы считали, что благодаря высокому духовному потенциалу и богатой культуре русское общество способно преодолевать трудности экономического, социального и культурного характера и лишь в крайних случаях (война, голод и т.п.) обращаться за помощью к государству. Как сторонники минимализма государственного вмешательства в жизнь общества славянофилы считали, что активность государства способна нарушить естественный, органический ход развития общины и семьи. Залог успеха виделся им в сочетании

---

* Аксаков И. С. Что значит выйти нашему правительству на исторический народный путь? // Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. с. 226 – 228.

самодержавия и местного самоуправления, примером которого им виделась допетровская Русь.

В-третьих, по мнению славянофилов, гармонии в отношениях между народом и царем препятствует сословное деление и бюрократия. Поэтому главной задачей славянофилы считали стирание этой грани путем созыва Земского Собора, а также формирование ответственной и действительно русской интеллигенции, погруженной в русскую почву, вернувшуюся к народным корням и отбросившей искажающие очки евроцентризма.

ГЛАВА 3. УЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ О ПРАВЕ.

3.1. Внутренняя правда и внешняя правда: нравственность и право

Справедливость, нравственность, дух народа, достоинство человека, святость законности могут сознаваться только в совокупности с сознанием вечных религиозных отношений человека.

Мир свободной воли имеет свою правду в мире вечной нравственности.

И. В. Киреевский

Принятие воззрений славянофилов на право позволяет преодолеть банальное и неверное представление большинства современных мыслителей, и в частности юристов, о низкой правовой культуре в России (так называемом, биче России – правовом нигилизме): отрицании права и его ценности для российской цивилизации. Главное заблуждение, в которое при этом впадают уче-

ные, – оценка русской правовой культуры с точки зрения западноевропейских теорий верховенства права и закона в жизни общества как естественных прав человека во главе с идеалом свободной личности*.

Славянофилы справедливо указывали на уникальность не только русской духовной культуры, но и восприятия права русским народом. Иван Киреевский точно заметил: «Даже самое слово “право” было у нас неизвестно в западном смысле, но означало только справедливость, правду»**. *Как показали результаты современных исследователей, славянофилы были правы в том, что право в русском сознании связывается с нравственностью, правдой, справедливостью, а не с юридическими правилами поведения, установленными государством***.*

К примеру, авторитетный российский специалист по русскому юридическому языку Т. В. Губаева, проведя сравнительное изучение представлений о праве у славян и других европейских народов, замечает: «У христианских народов Европы полностью совпадает словесное обозначение правой стороны тела и права как совокупности юридических норм или же эти слова имеют одно значение. Согласно традиционным воззрениям за правым плечом пребывает светлый ангел, за левым – демон... Однако задолго до этого, ещё в языческие времена, славянам было известно близкое по содержанию понятие святости, выраженное архаическим корневым элементом svet – процвета-

---

* Семитко А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки. // Государство и право. 1992, № 10, с. 109.

** Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову. // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 355.

*** Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. – М., 2006. 450 с.

ющий. Так обозначали возрастание, набухание, вспухание, существенное увеличение объёма либо иных физических параметров, воспринимавшихся как результат действия особой жизненной силы... Впоследствии идея святости соединилась с христианским образом «всеединства сущего» – Истины, Красоты и Добра... Эти представления, составившие основу всей духовной культуры русской нации, были сформированы в общественном сознании уже к середине XI в. и сосредоточены в главном мировоззренческом концепте “святой правды”, или “правды-истины” как особой жизненной позиции и высшего нравственного идеала поведения»*.

Нравственность, справедливость, или «внутренняя правда», преобладает в русском сознании над законом, над юридическими нормами, так называемой, «внешней правдой». Славянофилы не смешивают нравственные идеалы и формальное, государственное, право. По их мнению, внутренняя правда, живущая в сознании русского человека, соединяет в себе высшие духовные ценности, которым человек покоряется по зову сердца и совести без внешнего принуждения со стороны государства. Славянофилы видели идеал в нравственном возвышении души человека согласно православным заповедям любви к людям, а не в обеспечении собственной свободы с помощью государственного закона. Для славянофилов важно состояние человеческой души, а не внешнее соблюдение закона. Православное учение славянофилов исходит из постулата о том, что в своем духовном мире человек делает выбор в пользу добра или

---

* Губаева, Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Губаева Т. В. – М.: Норма, 2007, с. 18 – 20.

зла. Его поведение – лишь результат нравственного выбора. Поэтому славянофилы смотрели в корень – душу человека и его нравственное состояние, а не на последствия его поведения.

Константин Сергеевич Аксаков писал: «Закон нравственный, внутренний, требует, прежде всего, чтобы человек был нравственный и чтобы поступок истекал как свободное следствие его нравственного достоинства, без чего поступок теряет цену. Закон формальный, или внешний, требует, чтобы поступок был нравственный по понятиям закона, вовсе не заботясь, нравственный ли сам человек, и откуда истекает его поступок. Его цель – устроить такой совершенный порядок вещей, чтобы душа оказалась не нужна человеку, чтобы и без нее люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди... и общество бы благоденствовало. Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства»*.

Иными словами, внешней правде безразлично состояние души человека; единственное, что требуется от человека – соблюдение закона. Мотивы подчинения закону – из-за страха перед наказанием, боязни общественного осуждения и т.п. – для внешней правды не имеют никакого значения. Человек может быть внутренне безнравственным, хотя и действует в соответствии с юридическими нормами. Как только ослабеваает контроль над таким человеком, его порочная душа вырывается на волю. Так, по свидетельствам американской полиции и журналистов, после урагана «Катрина» мародерство на территории Нового Орлеана достигло в отсутствие полицейского надзора небывалого размаха; люди стали объединяться в банды, грабить дома и нападать на полицию.

* Аксаков К. С. Собрание сочинений. Т.1. М., 1889, с. 56.

Для славянофилов немислимо признание, что жизнь человека зависит от действия принудительного закона. Формализм и принудительность разрушают естественность и органичность общественного мира. Не может система принудительных правил обеспечить порядок в обществе. Общество, принуждающее людей к добру, очень хрупко и может рухнуть под напором порока и зла. Власть и общество, равнодушные к нравственности, недолговечны и, рано или поздно, разрушатся. Славянофилы призывали к нравственному совершенствованию человека, духовному лечению общественных недугов, которым принуждение и закон помочь бессильны. Закон слабо участвует в нравственном воспитании человека и, как правило, борется с уже имеющимися последствиями преступления. Нравственность же ограничивает человека в совершении поступков, возвышая его над миром тлена и зла.

Из славянофильской концепции вытекают два вывода, не потерявших значения до нашего времени. Во-первых, русская культура отдает приоритет внутренней правде – нравственным идеалам, а закону (внешней правде) отводит подчиненное положение. Во-вторых, из учения славянофилов вытекает удивительно точная мысль, что нравственной личности нет надобности в формальном законе. Поэтому в жизни духовно добродетельных людей не возникает вопросов соблюдения закона. Закон создается для духовно слабых людей, не способных жить по нравственным нормам добра и справедливости. Этих людей закон удерживает от совершения зла по отношению к другим членам общества. Таким образом, внешней правде славянофилы отводят роль борьбы со злом безнравственных людей и не считают ее самодовлеющим принципом в общественной жизни.

Н. В. Устрялов замечает: «Право как явление самостоятельное, как самодовлеющий принцип решительно отвергалось славянофилами. Выражаясь современным научным языком (в терминах «западноевропейской науки»), они не признавали за правом специфического а priori и отстаивали этическое а priori права»*.

Соотношение нравственности и формального права (государственного закона), традиционное для русской политико-правовой мысли, основывалось славянофилами на следующих началах.

1. Необходимость следования нравственной добродетели вытекает из православного идеала единства и любви. Закон же основывается исключительно на авторитете власти и возможном применении принуждения к нарушителям. Так, А. С. Хомяков писал: «Русской земле была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей из правды христианской, или идея правды, противоречащей чувству любви»**.

2. Внутренняя правда обращена к духовному миру человека, а внешняя правда имеет дело с поступками человека – следствием нравственных идеалов личности.

3. Внутренняя правда выражается в самоограничении человека, в несении им моральных обязанностей перед обществом, в долге. Внешняя правда выражается в правах и обязанностях, навязанных человеку государственной властью. А. С. Хомяков замечает: «Для того чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не закона внешнего, который опять не что иное, как сила, но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот

* Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофилов. Харбин, 1925, с. 10.

** Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. I, с. 164.

признанный закон есть признаваемая им нравственная обязанность. Она, и только она, дает силам человека значение права»*.

4. Мерило поведения с точки зрения внутренней правды – человеческая совесть, которая внутренне подчиняет волю человека нравственным идеалам и тем самым приводит к совершению поступков по доброй воле, а не вследствие внешней необходимости. Внешняя правда, напротив, безразлична к вопросам нравственного выбора, и ее реализация всецело зависит от механизма государственного принуждения. Для славянофилов покорность, продиктованная силой государства, – ложь, духовный обман. Принуждение умерщвляет внутреннюю свободу человека, лишает его выбора. Человек, формально подчиняющийся закону, духовно не свободен: он не делает осознанного нравственного выбора.

5. Внутренняя правда – духовно-нравственный регулятор поведения для нравственных людей, способных испытывать муки совести. Закон же (внешняя правда) создается для недопущения зла и борьбы с порочными людьми, не внемлющими голосу совести.

Конечно, легко упрекать славянофилов в нравственном идеализме, как делал это, к примеру, Н. В. Устрялов. Однако совсем недопустимо полагаться на закон и меры полицейского контроля в обеспечении общественного мира и порядка. На наш взгляд, славянофилы правомерно связывали общественный идеал с духовно-нравственным состоянием человека, который не мечом государственным, а своим нравственным долгом заботится об общественном благе, жертвуя собой ради других.

---

* Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России.// Хомяков А. С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 560.

С непреложной необходимостью нравственный идеал славянофилов полагает, что закон должен соответствовать нравственности и выражать ее духовные начала – принципы справедливости и добра. Вполне современные и поучительны для наших юристов рассуждения И. С. Аксакова: «Нам говорят, что для юриста повиновение закону (безразлично, хорошему или дурному) есть такая же аксиома, как дважды два четыре для математика. Но повиновение закону как житейская аксиома, по нашему мнению, вовсе не входит в круг ученых соображений юристов, ни в круг «истин науки – права». Для юриста, напротив того, важно свободное отношение жизни к закону, его исполнимость или неисполнимость, его соответствие или несоответствие с временным уровнем общественной нравственности, его содержание, а не сигнатура. Закон не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрешимое изречение оракула, не подверженное изменениям: он имеет значение ограниченное и временное, и бессмыслен закон, носящий в себе притязание уловить в свои тесные рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни! Самое «право» не есть нечто само для себя и по себе существующее: неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно ведать свои пределы и находиться, так сказать, в подчиненном отношении к жизни и в идее высшей нравственной справедливости. Читатели, конечно, не выведут из наших слов заключения, что мы проповедуем неуважение к закону или «анархию». Повиновение законам, без сомнения, желательно, но юрист не есть официальный блюститель благочиния, надзирающий за непременно практическим исполнением законов со стороны общества: он относится к ним критически, он не проповедует неповиновения, но отмечает его и принимает в сообра-

жение как поучительный свершившийся факт. Впрочем, мы должны признаться, надо было бы иметь много отвлеченности в своем развитии, чтобы на практике, в жизни, приводить в исполнение или требовать безусловного исполнения всякого закона, противоречащего совести и нравственным человеческим требованиям... если бы можно предположить существование такого закона»*.

Иными словами, для славянофилов – в случае противоречия права и нравственности – очевиден выбор в пользу духовно-нравственных ценностей. Славянофилы готовы отвергнуть закон, нарушающий нравственные постулаты. Главное для них – сохранить в сердце духовную добродетель, пусть и ценой нарушения закона. Так, в случае оказания необходимой помощи немощным и слабым для них допустимо отступление от юридических норм и каких-либо правил. К примеру, в наше время человек с таким сознанием, не задумываясь, перейдет дорогу на запрещающий свет светофора, если на другой стороне улицы необходима помощь старушке, которой стало плохо.

Соотношение права и нравственности в трактовке славянофилов точно выразил о. Г. Флоровский: «Если для человеческого поведения единственным и решающим регулятивом служит им воспринимаемая норма религиозного или нравственного закона, которая непосредственно внушает образ действия в каждом отдельном случае, – то сама собою отпадает юридическая регламентация жизни общеобязательными законами и постановлениями»**.

* Аксаков И. С. Доктрина и органическая жизнь.// Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 110 – 111.

** Флоровский Г. Вечное и преходящее в учении славянофилов.// Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998, с. 40.

Доминирование принципов нравственности в мировоззрении славянофилов зачастую неправильно трактуется исследователями как недостаток – нигилистическое отношение к закону и праву. Однако, как было показано выше, нравственные абсолюты, вложенные в сердца людей и воспитанные богатой духовной традицией, не должны вызывать слепого преклонения перед законом как средством борьбы со злом. По нашему мнению, банальное утверждение о правовом нигилизме в России – это миф, который формирует комплекс неполноценности у русского народа: представление о некоей культурной отсталости от западных образцов правовой государственности. На самом деле формальному праву в русской культуре отводится должное место – подчинение духовно-нравственным регуляторам поведения человека. В действительности отрицание права как высшего начала жизни – показатель нравственной высоты русского сознания. Человек русской культуры шире и богаче духовно тесных и душных юридических правил, не отражающих на самом деле идеальной нормы поведения; его идеалы основаны на жертвенной христианской любви и высоких духовных идеалах, а не на искусственных правилах в расчете на минимальные затраты ради общества.

Безусловно, славянофильское учение о внутренней правде не означает полного и абсолютного неприятия права как внешней правды. Квинтэссенция размышлений славянофилов по поводу права – признание условной, земной, брэнной ценности права, не способного между тем создать нравственно благополучное общество и являющегося лишь низшей ступенькой в совершенствовании духовных начал. Алексей Степанович Хомяков пишет о роли права и его зависимости от духовно-нравственных

абсолютов: «Как бы ни было совершенно человеческое общество и его гражданское устройство, оно не выходит из области случайности исторической и человеческого несовершенства: оно само совершенствуется или падает, во всякое время оставаясь далеко ниже недостижимой высоты неизменной и богоправимой Церкви. Самый закон общественного развития есть уже признание недостатка в прошедшем, а допущение улучшения в будущем есть признание неполноты в современном. Нравственное возвышение общества, свидетельствуя о возрастающей зрелости народа и государства и находя точки отправления или опоры в нравственном и умственном превосходстве законодателей и нравственных деятелей общественных, движется постепенно и постепенно делается достоянием всех. В законе положительном государство определяет, так сказать, постоянно свою среднюю нравственную высоту, ниже которой стоят многие его члены (что доказывается преступным нарушением самых мудрых законов) и выше которых стоят всегда некоторые (что доказывается последующим усовершенствованием закона). Такова причина, почему общество не может допустить слишком быстрых скачков в своем развитии. Закон, слишком низкий для него, оскорбляя его нравственность, оставляется без внимания; слишком высокий не понят и остается без исполнения. Между тем каждый христианин есть в одно и то же время гражданин обоих обществ: совершенного, небесного – Церкви, и несовершенного, земного – государства. В себе совмещает он обязанности двух областей, неразрывно в нем соединенных, и при правильной внутренней и духовной жизни переносит беспрестанно уроки высшей в низшую, повинуюсь обоим. Строго исполняя всякий долг, возлагаемый на него земным обществом, он в совести своей, очищенной уроками Церкви, неусыпно наблюдает за каждым своим

поступком и допрашивает себя об употреблении всякой данной ему силы или права, дабы усмотреть, не оставляет ли пользование ими какого-нибудь пятна или сомнения в его душе или в убеждениях его братии, и не лучше ли воздержаться ему самому даже от дозволенного и законного, или нет ли, наконец, у него в отношении к его земному отечеству обязанностей, которых оно еще не возлагает на него... Участь же общества гражданского зависит от того, какой духовный закон признается его членами и как высока нравственная область, из которой они черпают уроки для своей жизни в отношении к праву положительному. Такова причина, почему все государства нехристианские, как ни были они грозны и могучи в свое время, исчезают перед миром Христианским; и почему в самом Христианстве тем державам определяется высший удел, которые вполне сохраняют его святой закон»*.

Таким образом, славянофилы, отдавая первенство внутренней правде, признавали за правом ценность в смысле совершенствования общественных условий – внешних форм совместной жизни людей, при которых сохранялся бы мир, устойчивость и по возможности исключались бы проявления зла. Поэтому внешняя правда должна служить нравственным идеалам, чтобы охранять духовные ценности общества. К высшим духовно-нравственным императивам, которым должно соответствовать формальное право, славянофилы относили:

1. Христианскую любовь к ближнему, которая выражается в сочувствии, сострадании к людям и совершении добрых дел ради них. Конечно, позитивный закон не тре-

---

* Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России.// Хомяков А. С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 560.

бует от людей любви друг к другу, а, скорее, ограждает их от вражды и злобы, проявляющихся в противоправных поступках. Однако удивительно то, что в большинстве современных стран закон равнодушен к случаям оставления родителями своих детей в детских домах. Такое равнодушие по сути дела разрешает матери отказаться от собственного ребенка, что противно природе и душе человека. Естественно, средства закона здесь бессильны. Закон не может привить любовь матери к ребенку, однако и равнодушным закон при этом оставаться не должен. Невозможно не согласиться с Ф. М. Достоевским, который устами своего героя, Ивана Карамазова, говорит: «...от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного... замученного ребенка».

2. Нравственный долг, внутреннюю обязанность, самоограничение, идею которого позднее развил Н. Н. Алексеев в учении о правообязанности. Н. А. Бердяев подчеркивает сильную сторону славянофильского взгляда на соотношение нравственности и права: «В славянофильском сознании решительно преобладает нравственный момент над юридическим, идея обязанности – над идеей права. В этом нельзя не видеть здоровых начал... В них жил идеал органической христианской общественности, идеал, противоположный всякому механизму, всякому формализму»*.

3. Справедливость как воздаяние должного: каждому по его заслугам. Глубока и интересна мысль Ивана Киреевского: «Справедливость, правда, реже любви, потому что она труднее, стоит более пожертвований и менее усладительна»**.

* Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. А. С. Хомяков. М.: АСТ, 2007, с. 398.

** Киреевский И. В. Отрывки. // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с.319.

4. Милосердие – сердечная милость, прощение грехов и пороков, милость к падшим и их духовная поддержка. Алексей Хомяков так писал о милосердии как средоточии общинной жизни: «Взаимное вспоможение имеет уже характер не милостыни (которая истекает из чувства христианского и, следовательно, не может быть предписана законом), не подаяния невольного, которое кладет скудный кусок нищему в рот для того только, чтоб он не вздумал взять себе пищу насильно, но обязанности общественной, истекающей из самого отношения товарищей друг к другу и обусловленной взаимною и общою пользою. Русская поговорка говорит: «Кормится сирота, растет миру работник». Это слово важное; в нем разрешается задача, над которою трудятся бесполезно лучшие головы Запада. Нищета же безысходная при общине делится на два случая: на нищету, происходящую от разврата, и на нищету от сиротства и несчастья (вдова или старик совершенно безродные). В первом случае община очищает себя исключением виновного как неисправного и негодного товарища; а второй случай, встречающийся весьма редко, достаточно покрывается чувством братского сострадания и никогда не может служить источником общественного зла»*.

Несовместимость русской культуры с идеалами права и закона славянофилы видели в духовно-нравственных и исторических различиях России и Запада. Путь западного просвещения, предполагающий развитие юридических начал общества, славянофилы отрицали как чуждый истории и духовности России.

---

* Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России.// Хомяков А. С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 355.

Идеи западников об отсталости России в правовом отношении, юридическом варварстве славянофилы не принимали*. Иван Сергеевич Аксаков писал: «Многое можно было бы сказать здесь о «чувстве легальности», в недостатке которого упрекают наш Русский народ, об отношении науки права в Русской народной жизни... Мы хотели только, с одной стороны, заявить здесь наше несогласие с провозглашенной теорией, безразлично требующей духовного поклонения всякой сигнатуре закона без внимания к его содержанию и духовно рабствующей пред внешним условным, принудительным началом; а с другой – указать на это мертвенное отношение, так называемой, науки к пробуждающимся требованиям современной не только Русской, но даже и Европейской жизни, этот ответ ее, холодный и гордый, на ее тревожные запросы. Разумеется, эта печальная доктрина выросла не на нашей почве, она заемная; но тем не менее достойны сожаления те, которые приняли ее в душу и принесли ей в жертву свое трудолюбие и таланты... Остается надеяться, что те из наших «жрецов науки», которые уже умиротворились и успокоились в своем жреческом звании, высвободят наконец сами науку на вольный Божий свет, пустят свежий, вольный воздух в свой душный и тесный храм, растворят настежь окна и двери, раздвинут, если нужно, и самые стены храма и поймут, что, только освободясь от всякого духовного и умственного рабства пред последним словом науки вообще и западной науки в особенности, только признав за Русской народностью право на самостоятельную духовную и умственную деятельность, только проповедью духовной свободы, живого знания и любвеобильной

---

* Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI – XX вв. – М.: Юристъ, 1995, с. 234 – 235.

мысли будут они в состоянии направить к плодотворной работе молодые Русские силы»*.

В словах И. С. Аксакова слышится призыв к современной юриспруденции выявлять и сохранять традиционные ценности российской культуры, что особенно актуально в современную эпоху, когда потребительская цивилизация и всемирная глобализация угрожают существованию не только национальных государств, культур, но и выживанию самого человека. Актуально звучат в смысле перспектив человеческого существования на планете размышления славянофилов о противопоставлении западной и русской культур. Одной из составных частей сохранения человека в рамках русской духовности выступает идея нравственного совершенствования по Христовым Заповедям, а не преклонение перед надуманной юридической свободой.

Изучение славянофилами западной истории и культуры натолкнуло их на мысль о том, что западная цивилизация во главу угла ставит право как средство совершенствования общественной жизни. Историческое и духовное ядро Запада связано с началами индивидуализма и материальной пользы. Причины раздробленности западной цивилизации на отдельные атомы-индивиды коренятся в условиях формирования европейского мира. А. С. Хомяков и И. В. Киреевский связывают историю западного мира с римским культурным наследием и духом германских народов.

Римское просвещение, воспринятое европейскими народами, вслед за рассудочностью привнесло с собой культ римского права в виде формальных, принудитель-

---

* Аксаков И. С. Доктрина и органическая жизнь.// Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 112.

ных правил поведения. При этом идеал усматривался не в высших духовных добродетелях справедливости и правды, а во внешних, условных, правилах общежития.

А. С. Хомяков так раскрывает сущность римской юридической традиции: «Если мы захотим обрисовать господствующую особенность римского образования одною общюю формулою, то не ошибемся, кажется, если скажем, что отличительный склад римского ума заключался именно в том, что в нем наружная рассудочность брала перевес над внутреннею сущностью вещей. Этот склад ума должен был выразиться в характере и внутреннем смысле религии... Римлянин поклонялся идее правды, не той внутренней правды, которая бьет живым ключом в душе, освящая и возвышая ее, а правды внешней, которая довольствуется освящением и охранением условных и случайных отношений между людьми... Идею внешней правды символизировал римлянин в своих богах, но он ее осуществлял на земле. Внешняя правда в человеке отдельном не осуществляется: она стремилась осуществиться в обществе и выразилась в Вечном Риме. Было время, когда римлянин еще не понимал всей внешности закона, которому поклонялся, той правды, которая была его божеством: он считал ее правдою безусловною. Его образумила история на холмах филиппийских, и он сказал: «Добродетель, ты пустое слово», – точно так же, как эллинский скептицизм немного позднее спросил: «Что такое истина?» – у явившейся Истины. С тех пор римлянин сознал всю внешность правды, к которой стремился, и ревностно старался осуществить ее в своем праве в Риме – сосуде и создании этого права. Осуществленная внешняя правда стала выше ее отвлеченного символа – пантеона богов, и единственною религиею римлянина... Формальность и рационализм, преобладающие начала римского образования, выразились, как уже

сказано, в юридическом стремлении всей римской жизни и в возведении политического общества до высшего, божественного значения»*.

Преклонение перед внешней правдой германские народы усвоили после завоевания Рима и возрождения римского права в университетах в X – XII вв. Римское право средневековыми юристами воспринималось как писанный разум – высшее достижение человеческого ума, которое одно только способно обеспечить комфортную и благополучную жизнь европейцев.

Проявление духа германских народов славянофилы видели в их агрессивности, в стихии войн, приведшей к покорению германцами Римской империи. Завоевание германцами народов, населявших Европу, раскололо европейское общество на беспрестанно враждующих завоевателей и завоеванных. В таком обществе – при отсутствии единства – нравственные императивы бессильны, поскольку духовные начала борющихся сторон различны и не могут быть соединены воедино. Скрепить такое общество могут внешние, условные юридические нормы, единые для всех. Гарантией от столкновения и хаоса становится внешняя правда, удерживающая стороны от кровопролития и сохраняющая хрупкое, искусственное равновесие.

И. В. Киреевский справедливо замечает: «Непримиримая борьба двух спорящих племен, угнетавшего и угнетенного, произвела на все развитие их истории постоянную ненависть сословий, неподвижно друг против друга стоящих, с своими враждебными правами, с исключительными преимуществами одного, с глубо-

---

* Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России.// Хомяков А. С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 364.

ким недовольством и бесконечными жалобами другого, с упорною завистию возникшего между ними среднего, с общим и вечно болезненным колебанием их относительно перевеса, из которого рождались наружные, формальные и насильственные условия примирения, которыми все стороны оставались недовольными и которые могли получить некоторое утверждение в сознании общественном только из начала, вне государства находящегося... Каждая благородная личность стремилась сделаться сама верховным законом своих отношений к другим. Мысль об общей государственности или народности не могла проникнуть в их независимое сердце, со всех сторон защищенное железом и гордостью. Только ими же изобретенные и добровольно установленные правила внешних формальных отношений могли подчинить себе их самоуправный произвол... Каждый благородный рыцарь внутри своего замка был отдельное государство. Поэтому и отношения между благородными лицами могли иметь только внешний, формальный характер. Такой же внешний, формальный характер должны были носить и отношения к другим сословиям. Поэтому и развитие права гражданского в западных странах получило тот же смысл внешней, спорно-буквальной формальности, какой лежал в самой основе общественных отношений. Римское право, еще продолжавшее жить и действовать в некоторых отдельных городах Европы, еще более укрепило это направление внешней формальности в европейской юриспруденции. Ибо римское право имеет тот же внешний формальный характер, за наружную буквою за- бывающий внутреннюю справедливость»*.

* Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с.178.

Разобщенность европейского общества с неизбежностью привела к господству внешнего закона как искусственного средства сдерживания социальных сил. Не случайно в западной философии права дается обоснование концепции общественного договора как компромисса социальных сил для достижения порядка и мира при помощи образования государственности и закона. Можно сказать, что в основе западного права лежит сделка, договор об установлении взаимных прав и обязанностей людей в обществе. По поводу общественного договора Иван Киреевский пишет: «Все силы, все интересы, все права общественные существуют там отдельно, каждый сам по себе, и соединяются не по нормальному закону, а или в случайном порядке, или в искусственном соглашении... Поэтому общественный договор не есть изобретение энциклопедистов, но действительный идеал, к которому стремились без сознания, а теперь стремятся с сознанием все западные общества под влиянием рационального элемента, перевесившего элемент христианский»*.

Таким образом, культ разума в античной философии, господство внешней правды закона, завоевание как фактор образования европейских государств способствовали укоренению в европейской правовой культуре следующих характерных для нее особенностей:

- **перевес права над справедливостью, буквы закона – над духом, над нравственностью;**
- **социальный раскол в Европе требовал внешних гарантий – искусственных юридических правил, исходящих от государства, во имя обеспечения обще-**

---

* Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову.// Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 355 – 356.

ственного равновесия и противостояния социальной борьбе;

- искусственность, формализм, самодовлеющее значение права, не требующего духовного оправдания нравственными ценностями;

- договорный, согласительный характер образования права;

- доминирование закона как источника права рационального характера для обеспечения искусственного, надуманного порядка отношений;

- однако главное все же состояло в том, что европейское право оказалось духовно выхолощенным и полагало своим достоинством свободу личности от каких-либо абсолютов, в том числе и свободу совести – или точнее – свободу от Бога. Обмирщение культуры привело к признанию за юридическими установлениями некоего священного значения, в то время как последние выполняли лишь охранительную функцию в находящемся в постоянной борьбе обществе, удерживая его от катастрофы.

Русская цивилизация находилась в стороне от перипетий западной истории и не восприняла ни античной рассудочности, ни искажения христианства, ни римского права, а становление русской государственности не было связано с завоеваниями. Для исторического развития России характерно духовное единство и общественная монолитность, которые не нуждались в формальном законе и общественном договоре.

И. В. Киреевский точно заметил: «Не искаженная завоеванием, Русская земля в своем внутреннем устройстве не стеснялась теми насильственными формами, какие должны возникать из борьбы двух ненавистных друг другу племен, принужденных в постоянной враж-

де устраивать свою совместную жизнь... Она не знала, следственно, и необходимого порождения этой борьбы: искусственной формальности общественных отношений и болезненного процесса общественного развития, совершающегося насильственными изменениями законов и бурными переломами постановлений... Воображая себе русское общество древних времен, не видишь ни замков, ни окружающей их подлой черни, ни благородных рыцарей, ни борющегося с ними короля. Видишь бесчисленное множество маленьких общин, по всему лицу земли Русской расселенных и имеющих, каждая на известных правах, своего распорядителя и составляющих каждая свое согласие, или свой маленький мир, – эти маленькие миры согласия сливаются в другие, большие, которые, в свою очередь, составляют согласия областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается одно общее огромное согласие всей Русской земли, имеющее над собою великого князя всея Руси, на котором утверждается вся кровля общественного здания, опираются все связи его верховного устройства. **Вследствие таких естественных, простых и единодушных отношений и законы, выражающие эти отношения, не могли иметь характер искусственной формальности, но, выходя из двух источников: из бытового предания и из внутреннего убеждения, – они должны были в своем духе, в своем составе и в своих применениях носить характер более внутренней, чем внешней, правды, предпочитая очевидность существенной справедливости буквальному смыслу формы; святость предания – логическому выводу; нравственность требования – внешней пользе***.

* Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России.// Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 202 – 204.

Славянофилы главными особенностями русской правовой культуры считали:

- преобладание нравственности над правом, духа и справедливости – над буквой закона, то есть, по словам Киреевского, «внутренняя справедливость брала в древнерусском праве перевес над внешнею формальностью»;

- естественность, органичность нравственных и юридических отношений, воплощенных в обычаях и совести верующего человека;

- первенство обычая как формы права, соединяющего традиции народа с оценкой жизненных отношений по совести;

- духовно-нравственное оправдание внешней правды, ее освящение абсолютами безусловного, божественного, происхождения.

Уже в начале XX в. Н. В. Устрялов так признавал ценность славянофильского воззрения на право: «Если принять во внимание, что внутренним основанием этих неудачных крайностей была идея обязательной религиозной насыщенности всякой здоровой культуры, всякого крепкого общества – то соответственно должна углубиться и наша оценка этой стороны славянофильского мирозерцания. В царстве ценностей праву принадлежит подчиненное место – вот, в сущности, на чем настаивали славянофилы. ”Человек – это его вера“, – утверждал Киреевский, и отсюда логически вытекало, что вне скреп веры всякие социальные связи окажутся чрезвычайно хрупкими, всякая национальность и тем более государственность – беспочвенной, всякое право – шатким и пустопорожным»*.

---

* Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофилов. – Харбин, 1925, с. 32.

Будущее для славянофилов состояло в духовном совершенствовании, в укреплении внутренней правды, когда жизнь общества естественно и гармонично выражает христианские идеалы, а не загнивает по формальным канонам искусственных и принудительных юридических принципов, предназначенных для сдерживания нравственно падших людей от совершения зла. По их мнению, общественная гармония не может держаться на самообмане, недоверии и правилах поведения, не основанных на нравственности. Если общество безразлично к добродетели людей, то такое общество стоит на краю гибели и цепляется за формальное право, как за соломинку, лишь бы только не скатиться в хаос – в ад.

Славянофильской концепции внутренней правды современные либерально настроенные правоведы могут противопоставить доктрину естественного права, которая официально признана Конституцией РФ 1993. Иногда теорию естественного права называют нравственным подходом к праву. Нравственные, духовные, начала были присущи концепции естественного права в его античной и христианской трактовках, когда естественное право связывалось с вечными принципами мироздания, или божественными законами. Человек в своих поступках и позитивном праве должен был воплощать естественно-правовые начала – брак между мужчиной и женщиной, рождение детей, забота о стариках и т.п. Современная же теория естественного права, как убедительно показали работы философов и правоведов, является утилитарной и сводит естественное право к правам личности – праву собственности, свободе, телесной неприкосновенности и, что печальнее всего, свободе от Бога.

Р. В. Насыров точно характеризует духовное опустошение новоевропейской концепции естественного права:

«Традиционное восприятие естественного права предполагало решение задачи-максимум – воплощение в человеке и социальном мире онтологических, сакральных основ бытия. Все мировые религии и развернутые философско-этические системы являются лишь вариантами постановки, но не реализации этой задачи-максимум. Поэтому в «соперничестве» с такими возвышенными трактовками естественного права у либеральной концепции есть несомненное преимущество – поставив задачу-минимум и отказавшись от «мирового контекста» в решении фундаментальных вопросов социального бытия, мировоззрение эпохи модерна реализовалось на практике. В рамках секуляризованной, обмирщенной культуры и возникает либеральная трактовка естественного права»*.

За славянофильской идеей внутренней правды стоит Бог и совершенствование человека в его любви к другим людям. За доктриной естественного права не стоят духовно-нравственные абсолюты. Сам человек объявляется творцом своей судьбы и мерилom прогресса. Славянофильское учение обращено к духовному миру человека, тогда как школа естественного права касается совершенствования внешних условий его жизни. Славянофилы превыше всего ставили нравственное чувство справедливости, в то время как либералы – понятие о пользе и законе, охраняющем материальный комфорт личности. Славянофилы в человеке видели личность, связанную невидимыми нитями с остальными людьми, а потому самоотверженную, сопереживающую и милосердную. Сторонники же концепции естественного права усматривали в человеке исключительно его животную сущность, конкурирующую и борющуюся с дру-

* Насыров Р. В. Человек как самоценность: О формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г. – Барнаул, с. 97.

гими членами общества по законам социального дарвинизма за обладание материальными благами. Слабым и немощным в таком мире, по их мнению, нет места.

Но либералы, возможно, воскликнут: «А как же свобода?». Естественное право, по их мнению, каждому дарует свободу, а славянофильское учение об обществе будто бы закрепощает личность в коллективе. Анализ европейской культуры, реализовавшей концепцию естественного права, показывает, что свобода человека сводится в ней к погоне за успехом и фактически задавлена культурой потребительства, идеологией, тотальным контролем общества со стороны полицейского государства. Люди, зараженные идеей материального процветания, становятся рабами, заложниками вещей и утрачивают свою сакральную свободу.

Славянофилы постоянно подчеркивали, что человек должен быть внутренне, духовно, свободен и какое-либо насилие над его духом недопустимо. При этом в их понимании свобода состоит в служении обществу, долге перед людьми, когда человек в своей любви к людям приближается к Богу, испытывая свое единение с другими, ощущая вечность души. И. В. Киреевский писал по поводу соотношения личности и общества: «Резкая особенность русского характера в этом отношении заключалась в том, что никакая личность, в общежительных сношениях своих, никогда не искала выставить свою самородную личность как какое-то достоинство, но все честолюбие частных лиц ограничивалось стремлением быть правильным выражением основного духа общества... Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избегнуть тяжести внешних нужд. Если бы

наука о политической экономии существовала тогда, то, без всякого сомнения, она не была бы понятна русскому. Он не мог бы согласить ее с цельностью своего мировоззрения на жизнь – особой науки о богатстве. Он не мог бы понять, как можно с намерением раздражать чувствительность людей к внешним потребностям только для того, чтобы умножить их усилия к вещественной производительности. Он знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно потому находиться не только в тесной связи с другими внешними условиями, но и в совершенной им подчиненности»*.

Концепция естественных прав – это парадокс. Не могут быть естественными, органичными, природными так называемые соматические права личности (право на изменение своего внешнего биологического вида, пола, распоряжение телом, самоубийство, генетическое клонирование)**. Нравственной основы такие права не имеют и способны довести человеческое существование до абсурда. Западная правовая культура по своей сути отображает нравственное падение, духовный нигилизм. Не России надо искать лекарство от правового нигилизма, а западному миру: глядя на опыт России, возродить духовные основы общества в противовес тотальной культуре потребительства.

Безусловно, не стоит славянофильское учение о внутренней правде и высоком нравственном потенциале России воспринимать как оправдание грехов и бед российского общества. Огонь веры и нравственное возвышение – это личностный и общественный идеал славя-

* Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 216.

** Ковлер А. И. Антропология права. М.: Норма, 2002, с. 425 – 462.

нофилов, от которого далеко как Россия славянофилов, так и современная России без славянофилов. Они указали путь, идя по которому, можно преодолеть губительные ростки западной цивилизации; это – путь духовного просветления общества. Что касается пороков России, славянофилы не скрывали и не затушевывали их, а обличали как патриоты своего отечества. (См. приведенное на стр. 48 стихотворение А. С. Хомякова «России».)

В заключение сформулируем ряд обобщений относительно славянофильского учения о праве.

Во-первых, сердцем русской культуры славянофилы считали духовность, нравственность, внутреннюю правду. Закон, формальная, внешняя, правда в их представлении занимали подчиненное место по отношению к духовно-нравственным ценностям любви, добра, долга, справедливости и милосердия. Закон, по их мнению, должен ориентироваться на духовные начала общества. При расхождении нравственности и права предпочтение должно отдаваться нравственности.

Во-вторых, учение славянофилов опровергает разрушительный миф о низкой правовой культуре российского общества. Право в понимании славянофилов уступает первенство нравственной правде, на основе которой и формируется человеческое поведение. Закон создается для людей слабых душой. Нравственность призвана поднимать человека из брэнного мира греха, возвышая его в любви и единстве с другими людьми. Русский народ, имеющий высокие нравственные идеалы, нельзя упрекнуть в низкой культуре. Настоятельная другая задача – освободить национальное сознание от ложных идеалов европейской культуры.

В-третьих, признание господства закона, правовой государственности и так называемых соматиче-

ских прав человека является следствием деформации секуляризованной общественной культуры. В обществе, где вера утрачена и отсутствуют высшие идеалы, порядок и внешняя гармония обеспечиваются полицейскими средствами с помощью закона и путем принуждения. Высокая правовая культура Запада при этом оборачивается нравственным разложением и духовным падением. Для современного человечества чрезвычайно актуальным становится поиск альтернатив западной культуре потребительства. Русским ответом может быть православная концепция внутренней правды, с помощью которой, основываясь на соборной любви, нравственном единстве и праве как долге, можно преодолеть пороки индивидуализма, неестественных прав и обмирщения.

3.2. Обычай как народный источник права

Цель всякого закона, его окончательное стремление есть – обратиться в обычай, перейти в кровь и плоть народа и не нуждаться уже в письменных документах.

А. С. Хомяков

В эпоху государственного права и перехода к электронным базам нормативных данных славянофильские размышления о значении обычая в русской жизни могут показаться современному читателю устаревшими. В целом для отечественной юридической науки характерен взгляд на обычай как на нечто уходящее в прошлое, отживающее

или отжившее свой век. Так, в советской юриспруденции критически оценивалось значение обычаев как источников права; не случайно С. Л. Зивс пишет об эпохе «заката *обычного права*»*. Советское уголовное законодательство использовало даже карательные меры в борьбе с «пережитками феодальных обычаев» среди народов советской России. В постсоветскую эпоху, несмотря на возобновление интереса к обычаю со стороны этнографов, антропологов и правоведов, обычай все же воспринимается преимущественно как проявление ретроградства, косности, а иногда и варварства.

За общей отрицательной – причем, скорее, эмоциональной – оценкой обычая утрачивается свойственное ему здоровое начало, состоящее в сохранении преемственности, в передаче социокультурного опыта, без чего последующие поколения становятся булгаковскими «Иванами Безродными», не помнящими родства, лишенными исторической памяти. Так, применительно к переходной правовой системе общества В. В. Сорокин отмечает: «Международные организации и эксперты оценивали российское законодательство периода реформ на «4», а за его выполнение ставили «единицу»... В переходный период закономерно нарушается соответствие между статической совокупностью нормативно-правовых актов и их действием, практическим регулированием общественных отношений либо иного рода воздействием на них. Возникает разрыв между нормативно-правовой базой и процессуальной формой или механизмом их реализации, между правотворчеством и правореализацией»**. Таким образом, не следует

---

* Зивс С. Л. Источники права. – М.: Мысль, 1981. 290 с.

** Сорокин В. В. Теория государства и права переходного периода: Учебник. – Барнаул: ОАО Алтайский полиграфический комбинат, 2007, с. 481.

умалывать достоинства традиционных действенных источников права (обычаев, правовых доктрин и т.п.), особенно в переходные для жизни общества периоды.

Непреходящее значение обычая в русской культуре блестяще обосновали представители славянофильства. Обычай они противопоставили закону и выдвинули тезис, согласно которому общественная жизнь должна держаться обычая, а закон, исходящий от государства, должен неизбежно превращаться в обычай, чтобы стать частью бытовой жизни русского общества.

О роли обычая в Киевской и Московской Руси И. В. Киреевский пишет: «Но это общество не было самовластное и не могло само себя устраивать, само изобретать для себя законы, потому что не было отделено от других подобных ему обществ, управлявшихся единообразным обычаем. Бесчисленное множество этих маленьких миров, составлявших Россию, было все покрыто сетью церквей, монастырей, жилищ уединенных отшельников, откуда постоянно распространялись повсюду одинаковые понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение – в обычай, который заменял закон, устраивая по всему пространству земель, подвластных нашей Церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни. Это повсеместное единообразие обычая было, вероятно, одною из причин его невероятной крепости, сохранившей его живые останки даже до нашего времени, сквозь все противодействие разрушительных влияний, в продолжение двухсот лет стремившихся ввести на место его новые начала»*.

* Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову.// Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 354.

В трудах славянофилов излагаются характерные черты обычая как источника права.

Во-первых, обычай отображает общее убеждение народа, его единые духовно-нравственные и общественные взгляды и устремления. Обычай разделяется всем обществом, принимается как нечто родное, необходимое для сохранения самой жизни. А. С. Хомяков указывал: «Обычай является силою внутреннею, проникающею во всю жизнь народа, в совесть и мысль всех членов общества»*.

Во-вторых, обычай является неписанным, он хранится в общественном сознании, передается изустно и отражается в фактических поступках из поколения в поколение. И. В. Киреевский отмечал: «Закон в России не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумаге уже после того, как он сам собою образовался в понятиях народа и мало-помалу, вынужденный необходимостью вещей, возшел в народные нравы и народный быт»**.

В-третьих, обычай выступает как необыкновенно конкретный, жизненный, бытовой источник права. «Дело еще яснее в отношении к быту, - пишет А. С. Хомяков, - Он весь составлен из мелочей, не имеющих, по-видимому, никакой важности; но кремнистые твердыни воздвигнуты из микроскопических остатков Эренберговых инфузорий, а из мелочных подробностей быта слагается громада обычая, единственная твердая опора народного и общественного устройства»***.

* Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта. // Хомяков А. С. Всемирная задача России. - М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 667.

** Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. - М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 205.

*** Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта. // Хомяков А. С. Всемирная задача России. - М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 666.

В-четвертых, обычай возникает иррационально, стихийно и выражает внутренние, подсознательные начала культуры. Поэтому временами обычаи вызывают чувство абсурдности, необъяснимости, но следование им обеспечивает устойчивость общественного быта. По словам И. В. Киреевского, «право обычное, как оно было в России, вырастая из жизни, совершенно чуждалось развития отвлеченно-логического»*.

В-пятых, в основе обычая лежит сила традиции, охранение общественного уклада, обеспечивающие предсказуемость и преемственность в развитии культуры. Обычай чужд скачкам, революциям, в нем воспроизводится повторяющееся, привычное поведение. Само слово «обычай» происходит от слова «обычно», то есть имеется в виду нечто обыкновенно происходящее.

В-шестых, обычай органично вытекает из общественной практики, из естественного уклада в жизни людей и держится на авторитете предков. Соблюдение обычая основывается на осознании: «так поступали наши предки, так будем поступать мы и наши дети». И. В. Киреевский так подчеркивал общественное значение обычая: «Там, где общественность основана на коренном единомыслии, там твердость нравов, святость предания и крепость обычных отношений не могут нарушаться, не разрушая существенных условий жизни общества. Там каждая насильственная перемена по логическому выводу была бы разрезом ножа в самом сердце общественного организма»**.

* Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. — М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 204.

** Там же, с. 205.

Наконец, своеобразен механизм действия обычая. В жизненной ситуации человек соотносит событие с зовом совести, традиционными формами поведения и действует в соответствии с ними не по принуждению, а добровольно. По поводу спора на сходке А. С. Хомяков писал: «Совесть овладела разбирательством факта только в отношении к его существованию. Очевидно, ей же подлежит и будет подлежать факт в отношении его к нравственности. Таким образом, все усовершенствование права получит свое начало от быта и обычая славянских»*.

Соотнося обычай и закон, славянофилы отводили доминирующую роль обычаю. Закон, по их мнению, главным недостатком имеет разрушительную силу для общественного уклада, поскольку не укоренен в жизни общества, а навязывается ему государственной властью. Сравнение обычая и закона сквозь призму учения славянофилов позволяет сформулировать различия между ними.

Закон имеет письменную форму, тогда как обычай не имеет документального выражения. Да и смысла в формальной записи обычаев нет, поскольку в них выражаются известные и единые для всего общества взгляды. Закон создается государством, а обычай творится обществом.

Если закон выражает мнение части общества, то обычай – всеобщее и единообразное убеждение народа. Так, И. В. Киреевский замечает: «Мнение, убеждение – две совершенно особые пружины двух совершенно различных общественных устройств. Мнение не тем только отличается от убеждения, что первое минутнее, второе тверже; первое – вывод из логических соображений; вто-

---

* Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта. // Хомяков А. С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 671.

рое – итог всей жизни, но в политическом смысле они имеют еще другое несходство: убеждение есть невыисканное сознание всей совокупности общественных отношений, мнение есть преувеличенное сочувствие только той стороне общественных интересов, которая совпадает с интересами одной партии и поэтому прикрывает ее своекорыстную исключительность обманчивым призраком общей пользы. Оттого в обществе искусственном, основанном на формальном сочетании интересов, каждое улучшение совершается вследствие какого-нибудь преднамеренного плана; новое отношение вводится потому, что нынешнее мнение берет верх над вчерашним порядком вещей; каждое постановление насильственно изменяет прежнее; развитие совершается, как мы уже заметили, по закону переворотов – сверху вниз или снизу вверх, смотря по тому, где торжествующая партия сосредоточила свои силы и куда торжествующее мнение их направило»*.

Закон абстрактен, оторван от жизненных ситуаций, тогда как обычай конкретен и приближен к реальной жизни. Размышляя о многообразии жизненных ситуаций, А. С. Хомяков пишет: «Но скажут мне: “Такие начала слишком неопределенны, не имеют юридической строгости” и т.д. Я считаю подобные возражения довольно ничтожными. В первых формулировках закона является действительный самый строгий формализм; например: «Кто убил, да будет убит»; но начинается разбор: совершено ли убийство вольно или невольно, в полном ли разуме убившего или в безумии, нападая или в собственной защите, с преднамерением или в мгновенной вспышке, вследствие злости или от меры терпения, переполненной оскорбле-

---

* Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России.// Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 205 – 206.

ниями, и т.д. Формализм исчезает все более и более. Пожимай плечами, болонский юрист! Право перестает быть достоянием школяра и делается достоянием человека; но такой возраст права возможен только в единстве обычного и внутреннего начал общества»*.

Иными словами, обычай способен разрешить проблему нормативного и индивидуального в праве: отыскать верное решение с точки зрения нравственности и совести в отдельной, уникальной жизненной ситуации, что выгодно отличает обычай от закона, не способного учесть все многообразие общественных отношений.

Закон вводит новое, ранее неизвестное в общественную жизнь, а обычай скрепляет общественные устои охранительными, вековыми порядками. Поэтому закон, скорее, сила революционная, разрушительная и всегда должен соизмеряться с общественным бытом, традициями народа. По словам И. В. Киреевского, «в обществе, устроившемся естественно из самобытного развития своих коренных начал, каждый перелом есть болезнь, более или менее опасная, – закон переворотов, вместо того, чтобы быть условием жизненных улучшений, есть для него условие распада и смерти, ибо его развитие может совершаться только гармонически и неприметно, по закону естественного возрастания в односмысленном пребывании»**.

Закон – создание разума, который ограничен в своих возможностях по сравнению с цельностью духа, ярче всего представленного в обычае, вследствие чего закон несет потенциальную опасность как эксперимент

* Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта. // Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 671 – 672.

** Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. // Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007, с. 207.

в обществе. Его последствия непредсказуемы и даже не всегда поддаются рациональной оценке. И. В. Киреевский справедливо считает: «Между тем как римско-западная юриспруденция отвлеченно выводит логические заключения из каждого законного условия, говоря: “Форма – это самый закон”, – и старается все формы связать в одну разумную систему, где бы каждая часть, по отвлеченно-умственной необходимости, правильно развивалась из целого и все вместе составляло не только разумное дело, но самый написанный разум. Закон в России не изобретался предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультантами, не обсуживался глубоко-мысленно красноречиво в каком-нибудь законодательном собрании и не падал потом, как снег, на голову всей удивленной толпы граждан, ломая у них какой-нибудь заведенный порядок отношений...»*

Наконец, закон в своем исполнении основывается на силе государственного принуждения – страхе перед возможным наказанием, так как закон не может всегда выражать убеждения всего народа. Поэтому действие закона сопряжено с насилием над волей и духом человека. Обычай же не нуждается в государственном механизме реализации, поскольку он заложен в самом сознании человека как неотъемлемая часть его жизни. Следование обычаям является свободным, добровольным без какого-либо государственного давления.

Именно по этой причине, с точки зрения результативности, обычай превосходит закон. Если право основано на законе, то есть на насилии, то невозможно ожидать от общества внутреннего стремления к его реализации. Такое право рассчитано на маргиналов и конформистов, которые не преминут преступить закон в случае ослабле-

* Там же, с. 204 – 205.

ния государственного контроля и безнаказанности. Такой правопорядок заведомо ложен и порочен в своей основе, поскольку предполагает тотальное недоверие и порочность человека. Такое общество очень похоже на идеологические построения китайских законников – «человек невежественен и порочен, поэтому им надо управлять с помощью законов и строгих наказаний». В этом смысле славянофилам близко знаменитое выражение римской юриспруденции: «Пусть восторжествует справедливость, если даже погибнет мир». Славянофилы не хотели общества, в котором человеческие отношения покоятся на условных, формальных, взаимно подозрительных принципах. К. С. Аксаков говорил: «Нам не нужна гарантия, пусть рухнет общество, чем держатся гарантии».

Чтобы закон достиг результата, необходимо самому закону стать частью общественной практики, перерасти в обычай, в нравственные убеждения, принятые в обществе, войти в привычку. А. С. Хомяков писал: «Цель всякого закона, его окончательное стремление есть – обратиться в обычай, перейти в кровь и плоть народа и не нуждаться уже в письменных документах»*.

Для славянофилов роль обычая заключается в сохранении традиционных форм быта, нравственности, культурного облика народа, связи народа с его историей и судьбой. Пренебрежение народными обычаями чревато разрушением основ, базисных ценностей общества, которые оберегают общество от хаоса и распада. **Если закон вступает в противоречие с народными традициями, то такой закон неизбежно будет отвергнут обществом.**

А. С. Хомяков так писал о консервативной роли обычая: «О борьбе закона с обычаем сказал один из величай-

---

* Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта. // Хомяков А. С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 667.

ших юрисконсультов Франции: строжайшая критика закона есть отвержение его обычаем. Об охранной силе обычая говорил недавно один остроумный англичанин, что в нем одно спасение и величие Англии... Такова важность обычая; и бесспорно, всякий, кто сколько-нибудь изучил современные происшествия, знает, что отсутствие обычая есть одна из важнейших причин, ускоривших разрушение Франции и Германии»*.

Обычай как общественный источник права должен преобладать над законом в удельном весе источников права. Славянофилы считали, что обычай служит обеспечению духовной и бытовой свободы общества (земли) от душных и мертвых законов государства. Расширение сферы действия закона свидетельствует об огосударствлении общества, сужении земской свободы. Р. В. Насыров справедливо пишет: «История источников римского права позволяет сформулировать две закономерности. Во-первых, процесс усиления влияния закона как результат непосредственного правотворчества государственной власти является синхронным с бюрократизацией (этатизацией) общественной жизни. Во-вторых, свертывание в общественной жизни начал демократической и корпоративной саморегуляции проявляется в снижении роли таких источников права как обычное право, правовая доктрина и судебная практика»**.

Современные статистические данные показывают, что ежегодно в России в среднем принимается около 3000 нормативно-правовых актов только федерального уров-

* Там же, с. 667.

** Насыров, Р.В. Источники права и этатизация общества (теоретические и исторические аспекты соотношения)// Источники права: проблемы создания, систематизации и реализации: Межвузовский сборник статей./ Под ред. В.Я. Музюкина, В.В. Сорокина. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2007, с. 153 – 154.

ня. Всего за двадцать лет в России было принято около 4 тысяч федеральных законов*. Такая тенденция говорит об этатизации общественной жизни и игнорировании общественных форм регулирования общественных отношений. Остается согласиться со славянофилами, что общественные формы права должны превалировать в решении социальных конфликтов, охраняя тем самым традиции и социальный мир от разрушительного действия государственного правосудия, которое заведомо способно удовлетворить одну сторону спора, тем самым разрушив между тяжущимися гармоничные отношения.

Одной из бед славянофилов считали утерю Россией своих традиционных корней в православии, общинной жизни, государственном порядке. По их мнению, следовало не без оглядки заимствовать европейский опыт, а восстанавливать русские духовные идеалы, использовать неиссякаемую энергию общественных обычаев. Забвение обычаев предков равнозначно уничтожению национальной культуры, ее особенного духовного облика. Так, И. С. Аксаков резко критически относился к насильственному преобразению традиционного уклада русской жизни: «Отчего, по-видимому, ты так безобразна, наша святая, великая Русь? Отчего все, что ни посеешь в тебе доброго, всходит негодной травой, вырастает бурьяном да репейником? Отчего в тебе, как лицо красавицы в кривом зеркале, всякая несомненная, прекрасная истина отражается кривым, косым, неслыханно-уродливым дивом?... Тебя ли ни наряжали, ни румянили, ни белили? За тобой ли не было ухода и призору? Тысячу прислужников холят тебя и денно и ночью, выписаны из-за моря дорогие учителя; есть у тебя и немцы-дядьки, и

---

* Сорокин В.В. Правовая система переходного периода. – М., 2003, с. 358.

французы-гувернеры, а все-таки не впрок идет тебе ученье, и смотришь ты неряхой, грязным неучем, вся в заплатах и пятнах, и, как дурень в сказке, ни шагу ступить, ни слова молвить кстати не умеешь!..

Отчего я так безобразна, – отвечает святая Русь, – оттого, что набелили вы, нарумянили мою красу самородную, что связали вы по рукам и ногам мою волю-волюшку, что стянули вы могучие плечи во немецкий тесный... кафтан!... И связали и стянули, да и нудите: ходить по полю да не паханному, работать сохой не прилаженной, похмеляться во чужом пиру, жить чужим умом, чужим обычаем, чужой верой, чужой совестью! О, не хольте меня, вы отцы, вы благодетели! Не лелейте меня, вы незваные и непрошенные, вы дозорщики, вы надсмотрщики, попечители, строители и учителя! Мне невмочь терпеть вашу выправку! Меня давит, томит ваш тесный кафтан, меня душат ваши путы чужеземные! Как не откормить коня сухопарого, не утешить дитя без матери, так не быть мне пригожей на заморский лад, не щеголять мне красой немецкой, не заслужить у Бога милости не своей душой!

И действительно, слова «безобразный» и «безобразие» часто слышатся теперь в нашем обществе, когда речь идет о РОССИИ. И, кажется, трудно сыскать выражение более меткое и в такой степени идущее к делу. Болезненно гнетет душу вид этого безобразия; многих точит, как червь, тайное, глухое уныние; но многие же, и едва ли не большая часть, утешают себя соображениями о незрелости и невежестве народа, которому ”стоит только просветиться, чтобы сделаться совершенно приличным народом, способным стать наравне с народами чужими”.

Безобразие! Да знаем ли мы, в чем его смысл и сущность? Понимаем ли мы, как много обязаны мы этому

спасительному безобразию? В нем, в этом безобразии, выражается протест живой и живучей, не покорившейся силы народной; в нем отрицательный подвиг самобитного народного духа, еще хранящего веру в свое историческое призвание; в нем таится великая историческая заслуга, которую со временем оценят благодарные потомки!»*.

К сожалению, начиная с XVIII века, российская элита и чиновничий аппарат не проявляли интереса к исконной русской культуре, воспринимая все русское как нечто косное, варварское, уступающее европейским образцам культуры. А. С. Хомяков пророчески предсказал и современное отношение к обычаям в сегодняшней России: «Обычай, как я уже сказал, весь состоит из бытовых мелочей; но кто же из нас не признается, что обычай не существует для нас и что наш вечно изменяющийся быт даже не способен обратиться в обычай? Прошедшего для нас нет, вчерашний день – старина, а недавнее время пудры, шитых камзолов и фижм – едва ли уже не египетская древность. Редкая семья знает что-нибудь про своего прадеда, кроме того, что он был чем-то вроде дикаря в глазах своих образованных правнуков. Знали ли бы что-нибудь Шереметевы про уважение народа к Шереметеву, современнику Грозного, или Карамышевы про подвиги своего предка, если бы не потрудились народная песня сохранить память о них, прибавив, разумеется, и небывалые дела? У нас есть юноши, недавно вышедшие из школы, потом юноши, трудящиеся в жизни, более или менее, по своему школьному направлению или по наитию современных мыслей, потом есть юноши седые,

---

* Аксаков И. С. Народный отпор чужестранным учреждениям. // Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 176 – 177.

потом юноши дряхлые, а старцев у нас нет. Старчество предполагает предание, – не предание рассказа, а предание обычая. Мы всегда новенькие с иголки; старина у народа. Это должно бы нам внушить уважение; но у нас не только нет обычая, не только нет быта, могущего перейти в обычай, но нет и уважения к нему. Всякая наша личная прихоть, а еще более всякая полудетская мечта о каком-нибудь улучшении, выдуманная нашим мелким рассудком, дают нам право отстранить или нарушить всякий обычай народный, какой бы он ни был древний. Этому доказательству искать не нужно: каждый в своей совести сознается, что я прав»*.

Недооценка собственного культурного опыта до сих пор отзывается катастрофическими последствиями для России. В постсоветскую эпоху перестал учитываться собственный исторический опыт России. Все традиционное стало рассматриваться как «зло», как тормоз на пути прогрессивного движения либерализма. Предположим, будто бы и не было в истории России ничего достойного внимания, но любовь к Родине, отечеству в любом случае должна выражаться не в уничтожении собственной истории, а в уважении к ней, в преклонении перед памятью предков. Непредвзятый подход к русской истории открывает нам несомненные подвиги и успехи на пути ее развития – как в вере (Сергий Радонежский), культуре (деревянное зодчество, иконопись – Андрей Рублев), нравственности (забота о сиротах, стариках, нищих), так и в государственности (народное самодержавие).

В связи с этим парадоксально звучат слова из преамбулы Российской Конституции 1993 года: **«Мы, многонациональные народы Российской Федерации, соеди-**

* Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта. // Хомяков А. С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 668.

ненные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, *сохраняя исторически сложившееся государственное единство*, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, *что память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость*, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократических основ, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину пред нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества...». Поразительно, но ни в одной статье Конституции так и не нашли отражения ни память предков, ни традиции народа. В ней, как и следовало ожидать, делался акцент на проевропейские утилитарные начала – естественные права, арифметическую демократию немногих и республиканские воззрения. При этом в тексте Конституции не содержалось ни единого упоминания о роли церкви, о соборных ценностях, обычаях и нравственных доминантах. При чтении Конституции создавалось впечатление о духовной пустоте, безжизненности права.

И вновь удивительно современно звучат слова А. С. Хомякова: «Сличение всех памятников, если не ошибаюсь, приведет нас к тому простому заключению, что прежде, как и теперь, было постоянное несогласие между законом и жизнью, между учреждениями писаными и живыми нравами народными. Тогда, как и теперь, закон был то лучше, то хуже обычая, и, редко исполняемый, то портился, то исправлялся в приложении. Примем это толкование как истину, и все перемены быта русского объяснятся. Мы пойдем, как легко могли измениться отношения видимые, и в то же время будем знать, что изме-

нения редко касались сущности отношения между людьми и учреждениями, между государством, гражданами и Церковью». Другими словами, жизнь и закон в России расходятся друг с другом. Наверное, в этом и спасение России, что ее облик не похож на закон и сохраняет приверженность традиционным ценностям.

Как показали современные историко-правовые исследования, Россия в юридическом плане не уступала западно-европейским государствам. Об этом свидетельствуют, например, упомянутые в Русской Правде послухи (свидетели доброго имени спорящих сторон), а в более позднее время целовальники по Соборному Уложению – присяжные, которые решали юридический спор с точки зрения не закона, а совести**. Любопытно, что введенные судебными реформами (XIX в.) в практику суды присяжных показали удивительные для Запада примеры рассмотрения дел в России по совести..

Следует заметить, что при этом работали не юридические механизмы, а традиционные для русской культуры нравственные, духовные начала, позволявшие оценить жизненные ситуации по совести, справедливости, а не по мертвой букве закона, не способного показать человека с его нравственным миром и душой.

Как верно заметил Н. В. Устрялов, воззрение славянофилов на право наиболее близко к исторической школе права Гуго, Пухты, Тибо, Савиньи: «Что же касается аналогий, всегда более или менее приблизительных, то правильнее было бы сопоставить славянофилов с идеологами немецкой исторической школы юристов. По устрем-

---

* Хомяков А. С. О старом и новом.// Там же, с. 208.

** Величко А. М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб.: Изд-во Юрид. Инс-та, 1999, с. 128 – 142.

лениям своего мировоззрения славянофилы были принципиальными консерваторами, блюстителями предания, устоев старины. Очень характерно, что обычное право они предпочитали закону, подобно вождям исторической школы, усматривавшим, как известно, в обычае непосредственное проявление народного духа и потому считавшим его за наиболее совершенную форму права»*. При этом, Н. В. Устрялов, как и большинство исследователей славянофильства, сходство с исторической школой права связывал с едиными тенденциями романтической эпохи – ностальгией по традициям, историей народа. Признавая влияние романтической философии Шеллинга и Местра на славянофилов, нельзя все-таки не видеть духовной самобытности последних.

От сторонников исторической школы права славянофилы отличались следующими особенностями:

- православным мировоззрением;
- сочетанием национальных охранительных взглядов с мессианской идеей русского народа, несущего православный свет истины Европе и другим народам, тогда как историческая школа права была исключительно национальная, отражая дух германских народов;
- в славянофильстве отстаивались идеи аполитизма народа и пренебрежения формальным правом, в то время как Гуго, Тибо, Пухта, Савиньи считали право несомненной ценностью германской культуры и верили в силу немецкой империи;
- славянофилы оценивали римское право как обман, недостаток рационального сознания, заменявшего нравственные нормы юридическими. Представители исторической школы права, напротив, считали римское

---

* Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофилов. – Харбин. 1925, с. 40.

право идеальным, поскольку оно органично вытекало из духа римского народа*.

По сути дела славянофилы сближают со сторонниками исторической школы права идеи первенства традиции, обычая, историзма и органичности развития, а также критика теории естественного права как рациональной и разрушительной для национальной истории.

Подводя итоги исследования, посвященного взглядам славянофилов на обычай, следует отметить следующее:

Во-первых, в обычае славянофилы видели естественную, живую, органическую форму права, соединенную с народной совестью и нравственностью.

Во-вторых, в соотношении обычая и закона первенство славянофилы отдавали обычаю, считая, что каждый закон должен перерасти в обычай, чтобы стать частью общественного быта.

В-третьих, обычай представлялся им как способ сохранения общественных отношений, необходимый для передачи опыта и духовных ценностей из поколения в поколение. В забвении обычая славянофилы видели гибель национальной культуры, ее духовности, стабильного и предсказуемого существования.

В-четвертых, в соблюдении обычая они усматривали не просто подражание поступкам предков, но соотнесение ситуации с внутренним чувством справедливости и совестью, возвращенным на традициях народа.

В-пятых, славянофилы надеялись, что будущая Россия реанимирует забытые традиции предков – православие, внутреннюю правду, соборность жизни, самодержавие, службу как обязанность служения обществу.

---

* Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. – СПб.: Лань, 1999. 192 с.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (о перспективах учения славянофилов)

*И другой стране смиренной,
Полной веры и чудес,
Бог отдаст судьбу вселенной,
Гром земли и глас небес.
Не терпит Бог людской гордыни;
Не с теми Он, кто говорит:
«Мы соль земли, мы столп святыни,
Мы божий меч, мы Божий щит».
Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой
Себе кумиров не творил.
Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господень Храм.*

А. С. Хомяков «Остров»

В начале третьего тысячелетия потребительская культура, овладевшая миром под маской глобализации, ставит под угрозу само существование человечества. В настоящее время, как никогда, актуален поиск альтернатив западной

утилитарной цивилизации, которая угрожает всему живому на нашей планете. Философы А. В. Иванов, И. В. Фотиева и М. Ю. Шишин пишут: «Сегодня западная цивилизация, несомненно, находится в стадии деградации, а потому и навязывает всему миру наихудшую и наиопаснейшую из всех возможных утопий – «утопию вечного настоящего» и под этим пропагандистским флером продолжает беззастенчиво паразитировать на чужих сырьевых, энергетических и экологических ресурсах. Поскольку же объем ресурсов конечен, то финал нетрудно предвидеть: нас всех ждет – кого-то раньше (страны третьего мира и бывшего СССР), а кого-то чуть позже (развитые страны Запада и Япония) – неизбежное исчезновение с лица Земли. Ряд исследователей называет точную дату – 2030 год» *.

Под угрозой грядущей катастрофы необходимо возрождение тех духовных и нравственных доминант, которые выведут Россию и все человечество из тупика потребительской цивилизации, обеспечат выживание и сохранение человека и всего живого на Земле. Одна из таких альтернатив представлена в концепции русской идеи славянофилов, отмечавших еще в XIX веке загнивание Запада на пути материального благосостояния, технического прогресса и индивидуализма. К сожалению, прозрения славянофилов о спасительных для человечества началах православия до сих пор не нашли своего признания и воплощения в российской действительности**.

Славянофильская альтернатива западной культуре заключается в духовной общности людей, или

---

* Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001, с. 17 – 18.

** Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Эксмо, 2003, с. 205 – 208.

соборном единстве, когда люди не противостоят друг другу, а едины в любви и вере в Бога. Соборность способствует сохранению социального мира, приводит души людей в гармонию с жизнью общества, уберегает человека от фальши рационализма и материальных утех. В обществе, основанном на вере и соборном единстве, государство и право не должны рассматриваться как абсолютные ценности. Они играют служебную роль, которая состоит в обеспечении мира, в борьбе со злом, в воздействии на нравственно слабых людей. Да и сам человек не должен размениваться на мелкие, суетные дела в области политики, законодательства и правосудия. Его назначение – в поиске вечных духовных идеалов, в совершенствовании духа и любви к Богу. Власть – это бремя, налагающее ответственность, толкающее на путь, который сродни миссии жертвующих собой монахов и состоит в отречении от свободного духовного быта ради блага всего общества. Право – это не апофеоз юридической свободы, а обязанность, долг, внутреннее и по душе взятое на себя самоограничение ради заботы о других.

Государство – как право вне религии, вне нравственных абсолютов – было неприемлемо для славянофилов, а общество, основанное на законах бездуховной власти и принципах утилитарной свободы, гарантированной законом, представлялось им жалким и недостойным человеческого звания.

Главное в учении славянофилов не сводится к доказательству самобытности русской цивилизации, оно состоит в обосновании истинного пути для всего человечества и сводится не к низким, сомнительным ценностям потребительства, а указывает пути приобщения к истинной свободе человеческой души

в Боге – в единении со всем человечеством. Западная культура – рабская, поскольку давно стала заложницей вещественных начал и утратила высшие духовные ориентиры бытия. Поэтому в таком обществе свобода – всего лишь фикция, самообман; она не основывается на внутреннем выборе и совести человека, а зиждется на внешнем контроле со стороны государства и силе закона. Современные западные общества – по сути своей тоталитарны; они подобны людям, бредущим без света в темном подвале на запах еды. Выбор за них сделан рекламой и правящими корпорациями.

Согласно философии и прозрениям славянофилов, России необходимо, преодолевая натиск западной культуры, избавиться от комплекса культурной неполноценности. Пренебрежение властью, формально-юридическими началами – это не зло, не недостаток российской культуры, а ее достоинство. Миф о низкой правовой культуре в России не имеет под собой никаких оснований; это – попытка западных стран поставить Россию на колени как слабую, никчемную страну. Хватит с России унижения и преклонения перед, так называемыми, западными достижениями в государственности, демократии и правах человека! За спиной у нее собственный, еще недооцененный неиссякаемый источник духовного совершенства – ее история, ее святыни и духовные традиции, которые неизмеримо превосходят, так называемые, либеральные ценности. Поэтому не случайно, что в русской культуре до сих пор живы традиции, которым большое значение придавали славянофилы:

- православная вера;*
- цельность духа;*
- соборность;*

- аполитизм;
- самодержавие как жертва царя ради народа;
- духовный потенциал земского дела;
- симфония духовной и светской властей;
- нравственная правда, справедливость, совесть.

Пробуждает надежду появление целой плеяды ученых, возрождающих духовные начала русской государственности и правовой культуры – А. М. Величко, В. В. Сорокин, М. Б. Смолин*. Православная концепция государства и права находит все новых и новых сторонников, что пробуждает и укрепляет надежду на ближайшее претворение воззрений славянофилов в жизнь, несмотря на отступление последних поколений от веры и традиций их отцов и дедов.

В полной мере к жизни современной России применимо стихотворение А. С. Хомякова, в котором говорится о покаянии России, испросившей прощения, чтобы исполнить свою вселенскую миссию по духовному преображению человечества:

Не говорите: «То былое,
 То старина, то грех отцов;
 А наше племя молодое
 Не знает старых тех грехов».
 Нет, этот грех – он вечно с вами,
 Он в ваших жилах и в крови,
 Он сросся с вашими сердцами,
 Сердцами, мертвыми к любви.

* См: Величко А. М. Нравственные и национальные основы права. – СПб.: Изд-во Юрид. Инст., 2002. 158 с.; Сорокин В. В. Право и православие. М., 2008.; Смолин М. Б. Очерки имперского пути. М., 2000.

Молитесь, кайтесь, к небу длани!
За все грехи былых времен,
За ваши Каинские брани
Еще с младенческих пелен;
За слезы страшной той години,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждые дружины
На гибель русской стороны,
За рабство вековому плену,
За робость пред мечом Литвы,
За Новгород, его измену,
За двоедушие Москвы,
За стыд и скорбь святой царицы,
За узаконенный разврат,
За грех царя-святоубийцы,
За разоренный Новоград,
За клевету на Годунова,
За смерть и стыд его детей,
За Тушино, за Ляпуново,
За пьянство бешеных страстей,
За слепоту, за злодеянья,
За сон умов, за хлад сердец,
За гордость темного незнанья,
За плен народа, наконец,
За то, что полные томленья,
В слепой сомнения тоске,
Пошли просить вы исцеленья
Не у того, в Его ж руке
И блеск побед, и счастье мира,
И огонь любви, и свет умов, —
Но у бездушного кумира,
У мертвых и слепых богов!
И, обуяв в чаду гордыни,

Хмельные мудростью земной,
Вы отреклись от всей святыни,
От сердца стороны родной!
За все, за всякие страдания,
За всякий поправленный закон,
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края –
Пред Богом благости и сил
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!

БИБЛИОГРАФИЯ

Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. Составитель Лебедев С. Отв. ред. Платонов О.А.– М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Аксаков И.С. Отчего так нелегко на Руси живетя. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2002.

Аксаков И.С. Ошибочность взгляда, будто свобода слова несовместна с существующей у нас политической формой правления.//Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Аксаков И.С. Речь на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего.// Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т.1. – М., 1861.

Аксаков К.С. Собрание сочинений. Т. 1. – М., 1889.

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998.

Антонов М.Ф. Экономическое учение славянофилов. – М.: Институт русской цивилизации, 2007.

Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Алексей Степанович Хомяков. – М.: АСТ, 2007.

Бердяев Н.А. Русская идея. – М.: АСТ, 2007.

Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: АСТ, 2004.

Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. – М.: АСТ, 2006.

Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: Инфра-Норма, 1998.

Благова Т.И. Родоначальники славянофильства: А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. – М.: Высшая школа, 1995.

Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб.: Изд-во Юрид. Института, 1999.

Величко А.М. Философия русской государственности. – СПб.: Изд-во Юрид. Института. 2001,

Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Алгоритм, 2008.

Галактионов А.А., Никандров П.Ф. История русской философии. – Л.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961.

Герцен А.И. Былое и думы. – М., 1982.

Груздева О.В. Идея «народной монархии» в работах Ю.Ф. Самарина. // Вестник МГТУ. том 11, №1, 2008.

Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Губаева Т.В. – М.: Норма, 2007.

Гумилев Л.Н. От Руси до России. – М.: Наука, 2003.

Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М.: Международные отношения, 1999.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Составитель Белов А.В. Отв. ред. Платонов О.А. – М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Десятилетие министерства народного просвещения. 1833–1843. СПб., 1864.

Евангелие от Матфея. 22, 17–21.

Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Изд-во Эксмо-Пресс, 2001.

Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 2005.

Зивс С.Л. Источники права. – М.: Мысль, 1981.

Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. – М.: Юрид. Лит., 1985.

Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. – Барнаул: Изд-во АлтГУ им. И.И. Ползунова, 2006.

Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. – М.: АСТ, 2006.

Инговатов В.Ю. Горизонты и сумерки русской идеи: введение в метафизику исторической судьбы. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006.

Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических правовых учений России XI – XX вв. – М.: Юристъ, 1995.

История политических и правовых учений. Учебник. Под ред. О.Э. Лейста. – М.: Издательство Зерцало, 2000.

Каплин А.Д. Мировоззрение славянофилов. История и будущее России. Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии. //Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. – М.: Высш. Школа, 1995.

Киреевский И.В. В ответ А.С. Хомякову. //Избранные статьи. – М.: Современник, 1984.

Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007.

Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984.

Киреевский И.В. Разум на пути к истине. – М.: Правило веры, 2002.

Ключевский В.О. Русская история. – М.: Эксмо, 2008.

Ковлер А.И. Антропология права. М.: Норма, 2002.

Кошелев А.И. Записки. – Берлин, 1884.

Ленцман Я.А. Происхождение христианства. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960.

Леонтьев К.Н. Византизм и славянство: сборник статей. – М.: АСТ, 2007.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. – Москва – Ленинград: Наука, 1952.

Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Издательская группа Прогресс, 1994.

Мазуров В.В. Имперская идея в государственно-правовых учениях России. – Ростов-на-Дону, 2008.

Насыров Р.В. Христианская трактовка сущности государства (в аспекте соотношения светской и духовной властей)// Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма: Межвузовский сборник статей. Под ред. В.Я. Музюкина и В.В. Сорокина. – Барнаул, 2009.

Насыров Р.В. Человек как самоценность: К критике формулировки ст. 2 Конституции РФ 1993 г. – Барнаул: Азбука, 2009.

Насыров, Р.В. Источники права и этицизация общества (теоретические и исторические аспекты соотношения)// Источники права: проблемы создания, систематизации и реализации: Межвузовский сборник статей. Под ред. В.Я. Музюкина, В.В. Сорокина. – Барнаул.: Алт. гос. ун-т, 2007.

Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. – СПб.: Лань, 1999.

Павлов А.С. Курс церковного права. – СПб.: Лань, 2002.

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Эксмо, 2003.

Первые книги Святой Руси. – М.: Дарь, 2005.

Перевезенцев С.В. Россия. Великая судьба. – М.: Белый город, 2006.

Платонов О.А. Святая Русь. Открытие русской цивилизации. – М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2000.

Платонов О.А. Экономика Русской цивилизации. – М.: Институт русской цивилизации. 2007.

Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – М.: ООО Форма СТД, 2005.

Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. – М.: Мысль, 1975.

Православная государственность: 12 писем об Империи/Сборник статей под ред. А.М. Величко, М.Б. Смолина. – СПб.: Изд-во юрид. инс-та, 2003.; Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология. СПб., 1994.

Россия глазами русского. Чаадаев. Леонтьев. Соловьев. – СПб.: Наука, 1991.

Самарин Ю.Ф. Православие и народность / Составление, предисловие и комментарии Э. В. Захарова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Самарин Ю.Ф. Предисловие к богословским сочинениям А.С. Хомякова.// Самарин Ю.Ф. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Самарин Ю.Ф. Чему мы должны научиться.// Самарин Ю. Ф. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. – М.: Политиздат, 1989.

Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское мировоззрение. Составитель Платонов О.А. – М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2003.

Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки. // Государство и право. 1992. № 10.

Славянофилы. Историческая энциклопедия. Сост. и отв. ред. Платонов О.А. – М.: Институт русской цивилизации, 2003.

Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология. Историко-религиозный очерк. – СПб., 1994.

Смирнов В.Г. Феофан Прокопович. – М.: Соратник, 1994.

Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. – М.: АСТ, 2007.

Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: РИМИС, 2005.

Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. – М., 2006.

Сорокин В.В. Правовая система переходного периода. – М., 2003.

Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода: Учебник. – Барнаул: ОАО Алтайский полиграфический комбинат, 2007.

Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли X–XVIII века. – М.: Изд. Зерцало, 2003.

Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л. История политической и правовой мысли России. – М.: Гуманит. Издат. Центр ВЛАДОС, 1999.

Троицкий Н.А. Корифеи российской адвокатуры. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.

Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофилов. – Харбин. 1925.

Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. – М.: «Аграф», 1998.

Флоровский Г. Пути русского богословия. – Минск: Изд-во Белорусского экзархата, 2006.

Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2003.

Хомяков А.С. Сочинения в 2-х тт. Т.2. Работы по богословию. – М.: Изд-во Медиум, 1994.

Хомяков А.С. Всемирная задача России. Сост. Памфилов М.М. Отв. ред. Платонов О.А.– М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. I. 1861.

Хомяков А.С. Собр. соч. Т. 2. 1896.

Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. – Монреаль: Изд-во Братства Преподобного Иова Почаевского, 1982.

Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1. – М.: Международные отношения, 1998.

Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX в.). – М.: Изд-во Московского университета, 1986.

Шарапов С.Ф. После победы славянофилов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2005.

Широкова М.А. Политическая доктрина ранних славянофилов. Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Барнаул, 1999.

Широкова М.А. Основные черты самодержавия как политического идеала в славянофильской философии политики.//Философские дескрипты: сборник статей. Вып. 5. – Барнаул: Азбука, 2006.

Широкова М.А. Философия славянофилов в пост-современную эпоху.//Философские дескрипты: сборник статей. Вып. 6. – Барнаул: Азбука, 2007.

Эйдельман Н.Я. Последний летописец. – М.: Книга, 1983.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. РУССКАЯ ИДЕЯ СЛАВЯНОФИЛОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ДУХОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	12
1.1. Славянофильство: сущность, корни и этапы формирования	12
1.2. Русская идея славянофилов.....	44
ГЛАВА 2. УЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ О ГОСУДАРСТВЕ	71
2.1. Взгляды славянофилов на сущность власти и государства	71
2.2. Самодержавие – государственный идеал славянофилов.....	101
2.3. Церковь, общество и государство.....	132
ГЛАВА 3. УЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ О ПРАВЕ	156
3.1. Внутренняя правда и внешняя правда: нравственность и право.....	156
3.2. Обычай как народный источник права.....	184

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (о перспективах учения славянофилов)	203
БИБЛИОГРАФИЯ	210

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации (сокр. название — **Русский институт**) — создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником института был научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 30 томов).

Редактор А. И. Михальский
Корректор О. Ю. Акакиева
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-495-605-25-35.

Подписано в печать 29.10.2009 г. Формат 84 x 108 1/327
Объем 7,9 изд.л.

Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русское искусство
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское Православное воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершённым сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Основы христианской философии, 1072 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер. 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Покровский бул. 18/15, тел. 8(495)-916-29-41), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова 14, тел. 8(499)-186-93-78) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)